

K1224766

ВАЛЕРИЙ ДЕМЕНТЬЕВ

СТЕПАН
ЩИПАЧЕВ

G

Степан Иванович

ВАЛЕРИЙ ДЕМЕНТЬЕВ

СТЕПАН
ЩИПАЧЕВ

*Очерк жизни
и
творчества*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва · 1956

Глава первая

ЧЕРЕЗ ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ

Со второй половины тридцатых годов на страницах журналов «Октябрь», «Новый мир», «Красная новь» стали систематически появляться короткие лирические стихи малоизвестного в то время поэта Степана Щипачева. О любви, о дружбе, о счастье жить и трудиться в свободном социалистическом обществе, о родной природе он говорил, обращаясь к любимой женщине, к своим современникам, к «незнакомому другу» — читателю. Негромкое, спокойное звучание лучших стихов С. Щипачева уже тогда привлекло к себе внимание многих.

В лирике Щипачева было то новое, радующее неожиданностью и правдивостью открытие мира, которое отличает приход в литературу талантливого, своеобразного поэта. С тем большим интересом встречалось каждое новое удачное стихотворение Щипачева, что оно действительно открывало большой мир сокровенных переживаний, чувств и стремлений советского человека.

Однако не многие из читателей знали, как труден и долог был путь поэта к мастерству, сколько настойчивости и упорства вложил он в свою работу, прежде чем в его стихах пробился живой и чистый родник поэзии.

Опубликованная в 1953 году автобиографическая статья Степана Щипачева «Путь к поэзии», пожалуй, впервые раскрыла сложность и трудности его творче-

ского роста. «Путь к поэзии» — волнующий человеческий документ, свидетельствующий о том, что только великие завоевания социализма, которые создали в нашей стране исключительно благоприятные условия для расцвета народных талантов, позволили С. Щипачеву найти себя в поэзии, стать автором многих, заслуженно любимых в народе лирических произведений.

1

Степан Петрович Щипачев родился 7 января 1899 года в семье крестьянина-бедняка деревни Щипачи, Камышловского уезда, ныне Богдановического района, Свердловской области.

Детство поэта было безрадостным и тяжелым. После смерти отца (отец умер, когда Степану Щипачеву не было и четырех лет) семья распалась: за «большака» в хозяйстве остался четырнадцатилетний брат, старшие сестры покинули родную деревню и пошли работать по найму, младший, Степан, одно время был вынужден вместе с бабушкой побираться.

Девяти лет его отдали батраком в зажиточное хозяйство.

Со слезами на глазах уезжал мальчик из родной деревни. Надолго приходилось ему расстаться с матерью и навсегда с теми скупыми радостями, которые доставляло деревенское детство: походами за грибами, рыбалками, играми в бабки. Началась суровая трудовая жизнь.

Со мною в детстве нянчились не шибко.
Еще по снегу, мартовской порой,
Я бегал, рваный, босоногий, в цыпках.
А грелся у завалинки сырой.

Потом отдали в батраки. Желтела,
В рожок играла осень у окон.
И как вставить утрами не хотелось!
Был короток батрацкий сладкий сон¹.

---

¹ Степан Щипачев. Стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1954, стр. 41. В дальнейшем стихотворения С. Щипачева, за исключением оговоренных в сносках, цитируются по этому изданию.

Два года проработал мальчик в дальнем селе Филатове. Одиннадцати лет вместе с другими деревенскими бедняками ушел он на асбестовые прииски. Работать пришлось в забое наравне со взрослыми по десять — двенадцать часов в сутки. Работа была тяжелая: отбивать киркой глыбы породы, просеивать в решетках асбестовый мусор. Но сильнее угнетала подростка Степана тоска по родной деревне, по близким людям, оставленным там.

В начале 1914 года Щипачев поступает в лавку братьев Лагуткиных в уездном городке Камышлове. Служил он вначале «мальчиком», затем приказчиком. Наряду со скобяными, галантерейными и прочими товарами в лавке Лагуткиных имелись и книги, главным образом, приключенческо-развлекательного характера.

Степан Щипачев, знавший до того лишь изнурительный труд, за время службы в лавке пристрастился к чтению. Книги остро дали ему почувствовать свою малограмотность. И юноша пытается заняться самообразованием. За небольшую плату он берет уроки у одного знакомого гимназиста, но трудные условия жизни заставляют на долгое время отказаться от мысли хоть как-нибудь продолжить учебу.

К периоду службы у Лагуткиных относятся и первые пробы пера. Щипачев рано полюбил стихи. Еще в церковноприходской школе, которую ему довелось посещать всего полторы зимы, он познакомился с некоторыми стихотворениями великих русских поэтов. «Помню, — писал впоследствии Щипачев, — учительница, перед тем как задать учить стихотворение «Бородино», прочитала его нам вслух. Ребятам оно понравилось, но большого впечатления не произвело на них, а меня оно просто ошеломило. Несколько дней я ходил как оглушенный, твердя его наизусть. Может быть, тогда и запала в мою душу первая искорка поэтического волнения»¹. Любовь к поэзии вызвала желание попробовать сочинить «нечто похожее на стихи», и подросток Щипачев пробует писать обо всем, что его вол-

---

¹ Степан Щипачев. Стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1954, стр. 6.

нует и тревожит: о войне, о родной деревне, о раненых солдатах, вернувшихся с фронта.

Наступил октябрь 1917 года. Раскаты революционных событий донесли и до глухого вятского городка Глазова, в котором Щипачев проходил службу в учебной команде местного гарнизона. Вместе с другими большевистски настроенными солдатами он выполняет партийные поручения, на митингах и собраниях постигает основы политграмоты.

Солдат Щипачев вновь берется за стихи, пытаясь в неумелых, но жарких словах выразить чувства и настроения, обуревавшие всю солдатскую массу. Он пишет длинные стихи и поэмы о «царе-кровопийце», о «толстосумах-буржуях», пишет и про «обездоленный люд», воспрянувший «от сна рокового».

Весной восемнадцатого года Степан Щипачев возвращается к себе на родину, в Камышловский уезд.

Страна была охвачена огнем гражданской войны. Враг угрожал молодой Советской республике. Особенно неблагоприятная обстановка сложилась на Восточном фронте. Объединенные силы контрреволюции захватили крупнейшие города Сибири и Урала — Омск, Екатеринбург, Уфу, образовав ряд так называемых директорий и местных «правительств». Озверевшая белогвардейщина творила над трудящимся населением этих местностей ничем не ограниченный произвол, расстреливала и бросала в тюрьмы передовых представителей рабочего класса и крестьянства. Одна за другой проводятся ею насильственные мобилизации. Был мобилизован и Степан Щипачев. Но он твердо решил, что в своих ни за что стрелять не будет. «Накурувшись до сердцебиения махорки, я пошел в полковой околоток и пожаловался фельдшеру на боль в груди. Он рассеянно несколько раз приставил трубку к груди и, не раздумывая, написал: «В нестроевые»¹.

Бесчинства колчаковских офицеров в деревнях и селах Урала, невольным очевидцем которых не раз был Щипачев, делали его пребывание у белых невыносимым.

---

¹ Степан Щипачев. Стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1954, стр. 7.

В середине апреля 1919 года Щипачев перебежал на сторону Красной Армии, в легендарную Чапаевскую дивизию.

Советские командиры со вниманием отнеслись к его стихам, написанным в колчаковском тылу. Одно из них было сразу же отпечатано в армейской типографии и в качестве листовки разбросано с самолета над окопами колчаковских солдат.

Как признавался сам Щипачев в этот период, стихи он писал «просто самоучкой». «Указаний никто мне не давал», — с горечью отмечал он в автобиографической записке 1919 года ¹.

В этих первых стихотворных опытах ясно видна поэтическая неумелость, а главное, недостаточность общего образования автора. Часть стихотворений написана по хрестоматийным образцам русской классической поэзии, особенно поэзии Кольцова, Некрасова, Никитина; основой других стихотворений послужили известные революционные и солдатские песни — «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Смело мы в бой пойдем», «Умер бедняга в больнице военной». В начале двадцатого года Щипачев стремится творчески использовать и народные песенные мотивы. Так, широко распространенный в русской народной песне сюжет об умирающем в поле воине он пытается наполнить новым содержанием:

У подножья гор уральских,
Под березой одинокой,
В битве с белыми сраженный
Умирал красноармеец...

На Украине мать-старушка
Будет долго дожидаться,
Будет долго у окошка
Теплить грусть немую, долго.

Но уж сына не дождется,
Не увидит больше сына —
У подножья гор уральских
Он лежит в могиле братской...

---

¹ С. Щипачев. Автобиографическая записка, 1919 г. Архив Института мировой литературы имени А. М. Горького, II, 2912.

Пробивающиеся сквозь наивную, неумелую форму ранних стихов Щипачева авторская взволнованность и искренность чувства обеспечивали им успех среди слушателей. И когда на собраниях и митингах ему предоставляли слово, вместо речей он читал свои стихи: «Порабощенной Родине», «На смерть коммуниста», «Верю» и другие. Позже поэт вспоминал, что, только читая стихи, он мог преодолеть врожденную застенчивость и робость, сковывавшие его слова и движения.

Однажды в Самаре Щипачеву довелось услышать выступление В. В. Куйбышева. Речь пламенного трибуна революции произвела неизгладимое впечатление на всех участников митинга. По горящим глазам красноармейцев, готовых «хоть сейчас в бой», молодой боец увидел силу страстного, правдивого партийного слова.

Осенью того же 1919 года зачисленный в часть красноармеец Степан Щипачев принял участие в бою против белоказаков, прорвавшихся к городу Пугачеву. Суровая фронтовая обстановка, постоянные боевые тревоги, казалось бы, никак не располагали к занятиям поэтическим творчеством. Но Щипачев и здесь не оставил стихов. В Пугачеве, в местной газете «Большевик», он впервые публикует свои стихотворения. И хотя они не сыграли, да и не могли сыграть, заметной роли в творческой биографии поэта, важно отметить, что с первых лет существования советского государства поэзия Щипачева неразрывно связана с нашей партийной печатью, с газетой.

Революционная обстановка и революционное сознание молодого поэта определили его первые шаги в литературе. В отличие от декадентских буржуазных поэтов, уже в молодости наглухо застегивающих «черный сюртук символистов» (А. Н. Толстой), Щипачев, выступая в газете, приобщался к партийной литературе, сильной своими связями с массами, с жизнью и борьбой трудящегося народа.

Активное сотрудничество в газете не только не испортило в дальнейшем стиль Щипачева, не оттолкнуло его от «вечных» тем поэзии, но и способствовало

новаторской разработке их, способствовало росту Щипачева как лирического поэта.

Там же, в Пугачеве, в один из дней «Партийной недели» Щипачев был принят в ряды Коммунистической партии, членом которой он горячо мечтал быть. Этот осенний обычный день стал для него самым радостным, на всю жизнь запомнившимся днем.

2

Гражданская война была в разгаре. Фронт постоянно требовал пополнений материальных ресурсов и людских резервов. Остро ощущалась нехватка в командном составе. И молодого коммуниста Щипачева направляют на краткосрочные курсы красных офицеров в г. Оренбург.

В жизни Щипачева начался новый период — период учебы. Будни оренбургских кавалерийских курсов, занятия литературного кружка, которые он посещал «с примерной аккуратностью и всегда с душевным подъемом», боевые товарищи — все это в дальнейшем нашло отражение в набросках одной из ранних поэм Щипачева — «Еланин», главный герой которой имеет несомненно автобиографические черты.

Курсантскую молодость нашу
Нам не забыть никогда, —

писал Щипачев от имени своего героя и его друзей командиров-кавалеристов.

С большим волнением и радостными ожиданиями ехал Степан Щипачев в Москву в Высшую военно-педагогическую школу, куда для продолжения учебы он был откомандирован после окончания оренбургских кавалерийских курсов. Эта школа была, по сути дела, обычными курсами, ее учебная программа рассчитывалась на самый сжатый срок, а поэтому даже такие важные дисциплины, как политэкономия, преподавались в ней довольно бегло и поверхностно. И все же на первых порах курсант Щипачев встретился с немалыми трудностями.

Как и множество других одаренных людей из народа, С. Щипачев прошел суровую жизненную школу, своеобразные «горьковские университеты», но ни в детстве, ни в юности, как мы видели, не имел возможности получить сколь-нибудь систематического образования. Теперь молодой командир с жаром взялся за учебу. «Я жадно впитывал все, что видел и слышал в Москве», — пишет он в автобиографии.

Его интерес к занятиям в школе переплетался с живейшим интересом к литературной жизни столицы. Щипачев не пропускал ни одного поэтического диспута, ни одной дискуссии. Затерявшись среди сотен слушателей, он с волнением слушал в Политехническом музее выступления В. В. Маяковского. «Маяковский меня ошеломлял», — признавался поэт, вспоминая об этом периоде своей жизни. Ему лично довелось познакомиться со многими поэтами, членами литературной группы «Кузница».

Литературная жизнь Москвы в начале двадцатых годов протекала в условиях борьбы всевозможных идейно-творческих объединений.

Неуклонно обогащалось новыми именами, вбирало лучшие поэтические силы народа, крепло и росло главное направление социалистической поэзии — поэзии Д. Бедного, В. Маяковского. Однако существовавшие в тот период остатки различных декадентских группировок пытались протащить в литературу и искусство аполитизм, формализм, буржуазное эстетство. Весьма сильны были в литературе двадцатых годов вредные пролеткультовские тенденции, чуждые развитию социалистической культуры, нашедшие поддержку со стороны членов литературного объединения «Кузница».

Как и для пролеткультовцев, для «кузнецов» было характерно пренебрежительное отношение к литературному наследию прошлого, противопоставление ему своей «чисто пролетарской» исключительности. Не зная конкретной действительности, подлинной жизни народа, поэты «Кузницы» много декларировали о Грядущем, о Железном Строе Пролетариата, о Всемирной Революции и были, по сути дела, чрезвычайно далеки в своих «космопоэмах» и «космостихах» от требований

времени. Полный отрыв от конкретных политических задач, встававших перед народом, вел к серьезным ошибкам идейно-политического и художественного порядка, определял бесплодность деятельности этой группировки. Просуществовав много лет, «Кузница» не способствовала росту творческих дарований: Н. Полетаев и В. Казин, сыгравшие положительную роль в развитии советской поэзии, в своих лучших произведениях расходились с установками «Кузницы»: их стихи были насыщены конкретностью, которую как раз отвергали «теоретики» этой группы.

И все же на первых порах многие начинающие поэты из рабоче-крестьянской и красноармейской среды «тянулись» к «Кузнице», принимая ее за единственно правильное, «пролетарское» направление в поэзии. Такие различные по своим творческим приемам поэты, как М. Исаковский, А. Жаров, М. Светлов, А. Безыменский, А. Сурков, М. Голодный, первые стихотворные опыты писали под непосредственным влиянием пространственных пролеткультовских деклараций. Правда, вскоре они отошли от идейно-творческих установок «космистов».

В 1923 году А. Безыменский уже с сарказмом писал о любителях «планеты перекидывать, как комья», и призывал создать поэзию о «живом человеке», о «любимом Феде на рабфаке, который будет нашим завтрашним днем».

Иначе сложилась поэтическая биография С. Щипачева. Едва соприкоснувшись с большой литературой столицы, не «переболев» «космизмом», он уехал в Крым, где местные литературные силы были столь же молодыми и неокрепшими, каким молодым и не определившимся в своих вкусах и воззрениях был он сам.

Подобно многим начинающим, Щипачев охотно склонялся к общей декларативности в стихах, к «бурно-пламенному», «солнцетрубному» выражению своих мыслей и чувств. Пример «кузнецов», вся их творческая практика толкали молодого поэта к стихотворной выпренности и громким фразам. Сложная, порой противоречивая литературная жизнь столицы с ее наприя-

женной атмосферой идейно-творческой борьбы и поисков нового оказала на молодого поэта сильное влияние.

С большой творческой зарядкой, но еще во многом не определившись, не разобравшись в пестроте всевозможных литературных направлений, существовавших в Москве, уезжал в 1922 году С. Щипачев на юг, в Севастополь, куда он получил направление после окончания Военно-педагогической школы.

з

Служил С. Щипачев в Крыму до 1925 года. Он был преподавателем обществоведения сначала в севастопольской, а затем в симферопольской военных школах.

Как и всякому молодому преподавателю, С. Щипачеву много времени приходилось уделять подготовке к занятиям с курсантами, самостоятельному изучению произведений классиков марксизма-ленинизма, что, в свою очередь, накладывало глубокий отпечаток на его формирующееся мировоззрение. С еще большей настойчивостью и упорством продолжает Щипачев работу над стихами. Кроме того, он принимает самое активное участие в общественно-литературной жизни Крыма. По его инициативе в Симферополе создается литературное объединение, которое носило громкое название «Крымской ассоциации молодых поэтов пролетарского фронта» (КАМППФ).

Объединение собиралось при редакции местной газеты «Красный Крым». Оно выпускало многочисленные литературные странички с характерным для пролеткультовской поэзии уклоном в «космизм». На одном из заседаний объединения была выработана декларация, в которой повторялись основные идейно-эстетические установки «Кузницы». В декларации слышались призывы разрушить «старые скрепы литературы», на «развалинах вековой ветхости» создать образы, соответствующие «железным ритмам города», «эпохе электрической динамики», утверждалось, что только КАМППФ поможет молодым поэтам овладеть «мето-

дом жизнестроения»¹. Все это было наивно, непосредственно и по-юношески несамостоятельно.

Наиболее завзятым «космистом» среди крымских молодых поэтов был С. Щипачев. Ему принадлежал текст декларации, его стихи чаще других печатались на страницах «Красного Крыма». О «вселенских» масштабах поэтических образов его стихотворений говорят сами названия стихов: «Штрихи будущего», «Мировой поэме», «Авиачеловеку», «Тысячелетия и сегодня», «Конь времени», «Люди и солнце».

Щипачев охотно откликнулся и на злободневные события международной и внутренней жизни страны, писал о новом займе, о комсомольских субботниках, о выпускниках кавалерийской школы и беспризорниках, о рабочих местных предприятий и природе Крыма. Но во всех его стихотворениях реальные события и факты подменялись «космической» риторикой. Это были громоздкие словесные сооружения. Нарочито гиперболизированные, сложно-ассоциативные образы, тяжелые инверсии, нечеткий ритм, большое количество собственных надуманных словообразований («солнцедом», «аэропесни», «авиачеловек») делало их не только неудобочитаемыми, но и попросту непонятными.

Поэтика Щипачева, складывавшаяся в двадцатые годы, отражала все крайние формалистические увлечения поэтов-«космистов».

Одним из требований, которые предъявлялись пролеткультовцами к творчеству пролетарских художников, было: отразить мироощущение пролетариата, рождающееся «в индустриальном ритме».

Создатели теории «индустриальных ритмов» полагали, что пролетариат потому является восходящим классом, что, непосредственно соприкасаясь с машинами, он усваивает стремительность ритмов техники («чем ближе к машине, тем ритм быстрее») и становится обладателем «индустриальных», «трудовых», «восходящих» ритмов. Считалось, что чем полнее отобразит поэт в своих стихах «индустриальные» ритмы, тем полнее и ярче он отобразит духовную сущность пролетарских

---

¹ Газета «Красный Крым», 25 ноября 1923 г.

масс. На деле эти «индустриальные», «восходящие» ритмы оказывались не чем иным, как разноstopными ямбами и хорееми или же издавна существующим в русской поэтике так называемым «свободным» или «вольным» стихом, с его необязательной рифмой и интонационным разнообразием. Близкий «Кузнице» журнал «Твори!», отбросив путаную и малопонятную терминологию — «восходящая ударность», «индустриальные ритмы» и т. д., — просто провозглашал: «За бодрую какофонию в стихах!»

С. Щипачев в те годы не видел откровенно формалистической подоплеки подобных рассуждений стиховедов Пролеткульта и «Кузницы» и верил им. Его стихи были преднамеренно написаны так, чтобы «ничего не было понятно».

Впоследствии Щипачеву пришлось долго и упорно преодолевать укрепившуюся с годами привычку к звуковой шероховатости, сложности синтаксических конструкций, приблизительной ассонансной рифме. Работа зрелого поэта над лирическими стихами — пример творческой добросовестности и трудолюбия. Меткое слово, поэтическая находка искренне радуют его и в стихах собратьев по перу:

Я плачу над счастливою строкой,
Пусть написал ее не я — другой...

Поэт знает, как тяжел труд стихотворца и вместе с тем как прекрасно чувство удовлетворения, когда единственно точная форма поэтической мысли наконец-то найдена. Приведенные строчки органически вытекают из творческого опыта Щипачева, который затратил немало усилий, чтобы освободиться от всего «наносного», поверхностного, усвоенного в результате близости к «Кузнице», чтобы добиться четкой выразительности стиха.

4

В 1923 году в Симферополе вышел первый сборник С. Щипачева — «По курганам веков». Эта тоненькая книжечка вся написана в «планетаристской» манере.

Смотрите,
Я землю
Себе на мизинец надел,
Из солнца
Колпак сделал.
Я ширюсь, расту
И слышу
Вселенский голос:
«Слава тебе, человек!»

Стихи сборника отчетливо выявляли литературные симпатии молодого автора, не расстававшегося в то время с книгой «Листья травы» Уолта Уитмена. В поэзии Уитмена, наряду с космичностью образов, живым ощущением беспредельности мироздания, Щипачеву был созвучен и тот яркий оптимизм, который получил многообразное выражение у американского поэта. В философии торжествующей, вечно обновляющейся живой природы черпал свои творческие силы Уолт Уитмен. Именно оптимистичность мировосприятия, жизненная полнокровность, энергичность привлекают Щипачева в творчестве Уитмена.

Щипачев испытывал небывалый эмоциональный подъем, прилив влюбленности в жизнь. В судьбе народа и в своей личной биографии он видел и чувствовал широчайшие возможности духовного развития, творческого роста, простого человеческого счастья.

Общественное и личное, сливаясь воедино, настоятельно требовали поэтического выражения. Но у молодого Щипачева не было еще нужных слов, не было самостоятельных образов, и он обращается то к одному, то к другому поэту, «прибивается» то к одному, то к другому поэтическому берегу.

Разнообразные литературные влияния, которым был подвержен ранний Щипачев и которые с ученической непосредственностью отражались в его первых сборниках, характеризовали, вместе с тем, особенности его поэтических интересов.

Поэзия философских обобщений, образного раскрытия проблем человеческого бытия и жизни вселенной,

---

¹ С. Щ и п а ч е в. По курганам веков. Симферополь, 1923, стр. 7.

могущества человека и победы его над стихийными силами природы волновала воображение начинающего литератора, привлекала его пристальное внимание.

Маяковский и Уитмен, Максим Горький и В. Брюсов, Ф. Тютчев и А. Блок, поэты «Кузницы» были той поэтической школой, которую прошел Щипачев. Сначала в усвоении, а затем в преодолении прямой подражательности обнаруживался его постепенный творческий рост, его движение к лирике больших раздумий и глубоких чувств.

Второй сборник стихов Щипачева, вышедший в 1924 году и названный «Крымская лирика», уже содержал отдельные строки, в которых слышались характерные для поэта интонации, чувствовался его индивидуальный почерк. Сборник состоял из коротких (в восемь — десять строк) стихов, во многом еще не совершенных, но дающих уже отчетливое представление о присущем автору лаконизме выражения поэтической мысли.

Основным предметом изображения в новом сборнике являлась крымская природа. Щипачев писал о Севастополе, знойном, раскаленном городе матросской славы, о южнобережных пляжах, о редких ранних заморозках в Симферополе, о горах Чуфут-Кале. Среди нарочито усложненных стиховых конструкций в «Крымской лирике» вдруг мелькало «рыжее солнышко», которое в жарком небе «подсолнухом расцвело», вставал строй кипарисов, встречающий поэта, как «наркома весны», — молодой поэт расставался со своими прошлыми увлечениями.

Что же повлияло на отход Щипачева от «космизма»?

Сам поэт отмечает, что серьезную роль в этом сыграл разговор с К. А. Треневым, жившим в ту пору под Симферополем. Тренев решительно протестовал против никчемности и бессодержательности «космориторики». «Вы лучше воспойте мой велосипед — толку будет больше», — смеясь, сказал он Щипачеву, прослушав его новую «Космопэму»¹.

¹ Степан Щипачев. Стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1954, стр. 12.

Нет сомнения, что выступления перед рабкоровской, красноармейской, студенческой аудиторией, которые довольно часто устраивались молодыми писателями Крыма, также сильно влияли на характер дальнейших исканий Щипачева, определяли его отказ от «планетаристской» зауми в стихах: не раз после чтения своих произведений поэтам КАМППФа приходилось разъяснять смысл своей «бурекрикой» поэзии и защищаться от страстной и справедливой критики слушателей.

5

Давнишнее и заветное желание молодого поэта сбылось — он снова в Москве.

В январе 1926 года С. Щипачев был переведен в лефортовскую артиллерийскую школу на ту же преподавательскую должность. Как и прежде, служба отнимала много времени. И все же Щипачев выкраивал отдельные вечера для посещения литературных собраний, для работы над своими произведениями, а иногда и ночи напролет просиживал за письменным столом.

«К рассвету строчки — крепче кремня», — писал он в одном из стихотворений тех лет. Настойчивые поиски точного поэтического слова, овладение основами мастерства принесли первые, хотя и довольно скромные удачи. В мартовском номере журнала «Октябрь» за 1926 год С. Щипачев выступил с двумя стихотворениями: «Подсолнухи» и «Нищий». Это были первые стихи поэта, опубликованные в столичной печати. В следующей, апрельской книжке «Октября» он помещает уже цикл стихов, одно из которых («Русый ветер, какой ты счастливый!»), несколько переработанное, включается им в стихотворные сборники и поныне.

С тех пор время от времени его стихи начинают появляться на страницах центральных журналов — «Октябрь», «Молодая гвардия», «Красная новь», «Журнал для всех», «Рабочий журнал», «Прожектор».

Основное место в его лирике теперь заняли стихи о природе. После утомительного декларирования поэт как бы оглядывался вокруг себя, нащупывал реальные

предметы, учился твердо ступать по земле. В небольшом лирическом стихотворении «Лесные поляны» (1928) он рассказывал о полях Подмосковья, в которых

От недоспелого овса
Струится холодок стеклянный.

Ясные образы нашел поэт для изображения природы Витимо-Олекминского края, где

Сквозь мелкую хвою желтеют вдали,
Как шкуры олени, рассветы.

(«На прииски», 1928)

В его стихах появился ряд зарисовок простых людей труда. Вот с утра в сад пришел маляр, который «от картуза до самых пят пропах олифой и махоркой». Прачка склонилась над корытом:

Бьется в корыте белая вьюга,
Сильные руки в воде горят.

(«Прачка», 1924)

Интересной строфой заканчивалось стихотворение «У полевого ветерка» (1928).

Люблю овсяный ветерок,
Его гостеприимство.
Слова для этих кратких строк
Я у него заимствовал.

Любовь к «кратким строкам» — одна из примечательных черт зрелой поэтики Щипачева — проявилась, как видим, уже в его ранних стихах.

Отдельные стихотворения Щипачева 1926—1929 годов не только по интонации, стилю, но и в какой-то мере по содержанию предвосхищали его творческие успехи более позднего периода. В 1926 году им было опубликовано стихотворение «Путь». Среди поэтически неуверенных строк в нем содержалось и то «зернышко» своеобразного виденья мира, из которого впоследствии развивалась лирика Щипачева.

Сквозь столетье дыханием чую,
Как дыханье любимой, новь.

В других стихах еще определеннее было сказано о страстном желании поэта заглянуть в будущее своей страны, своего народа:

Так бы вот и раздвинул дали,
Чтоб в грядущее поглядеть.

(«Старость», 1928)

Достаточно вспомнить стихи «Начало пятого» (1938), «С временем бесцельно спорить» (1947), «Комета» (1948), чтобы убедиться, что именно в этом лирическом ключе следовало «искать себя» Щипачеву. Но сам он, не обладая в то время достаточным творческим опытом, не мог разобраться в подлинных достоинствах и недостатках своих стихотворений, определить общее направление литературных исканий. Его подступы к основным лирическим темам, так называемым вечным темам поэзии, были робки и нерешительны.

Живая поэтическая струя, все чаще пробивающаяся в его стихах, свидетельствовала о растущих творческих возможностях молодого поэта. В то же время Щипачев далеко еще не нашел себя: его пейзажные стихи несли печать вневременности, они не передавали красоты родной природы в ощущениях нового человека, всем сердцем, всей биографией связанного с передовыми устремлениями эпохи. Партийная направленность, присущая Щипачеву, армейскому политработнику, заставляла его искать новые пути в поэзии, преодолевать опасность закоснения в рамках чисто пейзажной живописи.

В конце двадцатых годов он обращается к тематике незабываемой героики гражданской войны, освободительных боев в Крыму, мирных будней и учебы Красной Армии.

Это активное обращение к поэзии «боевой готовности» было продиктовано в некоторых отношениях и обстоятельствами личной биографии.

В стихотворении «Школа» (1930) Щипачев писал:

Красная Армия —
Кровь моя,
Моя биография,
Моя школа.

В этих строках им было сказано о самом главном: о слитности своей биографии с историей, жизнью и бытом советских войск, о глубокой, взволнованной любви к вооруженным силам своей страны, о гордости за людей, служивших вместе с ним и воспитавших его в коммунистическом духе. Впоследствии Щипачев говорил: «Чувство благодарности навсегда связало меня с нашей армией, которая вывела меня в люди».

Внутренняя собранность, сдержанность в выражении чувств, глубокий патриотизм — эти типические черты в характере лирического героя зрелой поэзии Щипачева выкристаллизовались не без влияния всего армейского жизненного уклада, близкого и родного поэту.

Однако в ранних стихах Щипачев почти не использовал наблюдения и впечатления, которые давала ему служба в Красной Армии.

Обострение международной обстановки в тридцатые годы ускорило переход Щипачева к темам крепнущей оборонной мощи Советской страны, к оборонным темам.

Глава вторая

ТРУДНОСТИ РОСТА

1

Мировой экономический кризис 1929 — 1933 годов чрезвычайно накалил международную политическую атмосферу. Империалистические монополии стремились разрешить за счет СССР глубочайшие политические и экономические противоречия, активно готовились к нападению на страну социализма. В этой сложной внешнеполитической обстановке еще более возросла роль советской литературы — могучего средства воспитания народа в духе боевой готовности, в духе советского патриотизма и интернационализма.

В дни XVI съезда партии группа советских писателей, в состав которой входил и Щипачев, обратилась ко всем литераторам страны с призывом создать объединение писателей Красной Армии и Флота.

Состоявшееся 29 июля 1930 года организационное совещание виднейших мастеров художественного слова, представителей военной прессы, членов литературных коллективов частей армии и флота положило начало новой писательской организации — Литературному объединению Красной Армии и Флота. Почетным председателем ЛОКАФ был избран А. М. Горький, председателем Центрального совета — старейший пролетарский писатель А. С. Серафимович. В состав совета

В этом большом литературном движении армейский поэт Степан Щипачев принял самое непосредственное участие. Он с жаром берется за публицистические стихи.

Будучи представителем военной печати, с 1929 года Щипачев работал заместителем редактора журнала «Красноармеец и краснофлотец», он входит в инициативную группу, а затем в секретариат ЛОКАФа, часто выступает со своими стихами в воинских подразделениях, участвует в радиопередачах, собраниях и диспутах писателей-локафовцев.

За короткий срок в Москве выходит несколько сборников его стихотворений: «Война войне» (1931), «Одна шестая» (1931), «Наперекор границам» (1932) и другие. Эти сборники были приметным явлением в оборонной литературе начала тридцатых годов. Они получили сдержанные, но в общем положительные отзывы в печати: о них неоднократно упоминалось в обзорах художественных новинок, две-три статьи посвящались творчеству поэта в целом. Критики хвалили — и ошибались, потому что ориентировали поэта не на отдельные удачи, которые были у него в ту пору (например, «Лефортовская ночь», 1927), а на стихи, содержащие «открытые призывы».

Увлечение оборонной поэзией не прошло для Щипачева бесследно. Школа боевой публицистики обогатила поэта, расширила идейный кругозор, вызвала к жизни множество новых замыслов, сюжетов и образов, а главное — расковала узкий круг «чисто» пейзажных тем.

Взросшая творческая зрелость Щипачева отчетливо проявлялась в его сознательном отношении к поэтическому творчеству как мощному средству воздействия на читателей.

Мысль, что литература — то же оружие, которое во время войны будет пущено в ход, и что оружие нужно готовить в мирное время, или, как сказал А. Сурков на Первом Всесоюзном съезде писателей: «держат лирический порох сухим», — основополагающая мысль многих поэтических произведений Щипачева того периода.

Пылают знамена, и сталь, и медь,
Но если тенью нависла опасность, —
Значит республике надо иметь
И песни к походам и огнеприпасы,
Чтоб равными были, коль мир загорит,
И слово поэта и динамит! ¹

Насыщенные острым политическим содержанием, эти строки были подхвачены военным читателем. В частности, слова Щипачева «Чтоб равными были, коль мир загорит, и слово поэта и динамит!», перекликающиеся со знаменитыми «И бомба и стих — это песня и знамя» Маяковского, использовались как «шапки» во многих красноармейских лагерных много-тиражах.

В своих публицистических стихах поэт-большевик обличал лживость расистских, человеконенавистнических теорий:

Время на расы делит кровь,
но одинаково
негр
и эстонец
Смотрят на солнце в работе
и бровь
Хмурят под козырьком ладони ².

Открытой подготовке агрессоров к новой мировой войне он противопоставляет интернациональную солидарность трудящихся разных стран, единство рабочего класса.

В стихотворениях «Коль под ружье» (1931), «Глаза на запад» (1931), «Мы в ответе» (1931) и других Щипачев говорит о серьезной военной опасности, нависшей над нашей родиной. В агрессивных государствах для «поднятия воинского духа» «под марши чахоточных музыкантов грохают в площади тысячи ног», стоят «готовые к войне» армии, одетые «в броню и хаки», и даже в небе звезды падают, как «условные знаки» для пехотных корпусов.

¹ Степан Щипачев. Одна шестая. М.—Л., ГИХЛ, 1931, стр. 19.

² Там же, стр. 73.

Но простые люди труда не хотят войны. Они едины в своем стремлении к миру, в борьбе за демократию и социализм. «Спроси у станков, у подземных руд — один язык имеет труд», — писал Щипачев в стихотворении «Через рубежи» (1931). Интернациональная тема постепенно получает в его творчестве все более полное и художественно-выразительное воплощение.

Отдельные факты личной биографии позволяли поэту считать эту тему особенно близкой и волнующей. В юности, в годы гражданской войны, Щипачеву довелось встречаться с красными бойцами-интернационалистами, бывшими венгерскими военнопленными. В период создания ЛОКАФа он работал и находился в личных дружеских отношениях с выдающимся венгерским писателем, активным участником гражданской войны Матэ Залка. Все это не могло не сказаться на выборе тем, образов, сюжетных ситуаций его произведений тридцатых годов.

Мужеству солдат-интернационалистов, нашедших свою вторую родину в революционной России и погибших в борьбе с русской белогвардейщиной и иностранными интервентами, Щипачев посвятил поэмы «О красноармейце Микелэ Годони» (1930) и «Фронтвики» (1933). На материале гражданской войны было написано стихотворение «Янош» (1930), получившее новое звучание в свете Великой Отечественной войны, освобождения Венгрии и строительства новой Венгерской Народно-Демократической Республики.

Товарищ Янош, из многих нас
Выбрала пуля тебя,
Но если в венгерской степи голубой
Пуля меня найдет,
Пусть гордится моей судьбой
Песня, идя вперед,
Пусть льются на холм дожди и зной
Да ветер с востока шумит надо мной.

Это непосредственное обращение к «веселому товарищу» Яношу, с которым русские революционные рабочие и крестьяне «вместе путь пробивали штыком», согрето высоким чувством пролетарского интернационализма.

Отстаивая идеи нерушимой дружбы между простыми людьми разных стран, Щипачев признавал, что реакционные круги западных государств делают все, чтобы обмануть народные массы и толкнуть их на братоубийственную войну. Сурово и правдиво говорил поэт в стихотворении «Глаза на запад» о вербовке милитаристами «пушечного мяса»:

Остригли, защитные каски надели,
Сказали: иди, живота не щади,
И вот маршируют шинели, шинели
По улицам и площадям¹.

Лучшие публицистические стихи Щипачева — «Лейфортовская ночь», «Самолет над Москвой» (1930), «Мы за будущее в ответе» (1931) — ясно говорили о том, что поэт неуклонно стремился следовать передовым патристическим традициям советской литературы.

2

Настойчиво разрабатывая тему гражданской войны, Щипачев в последующие три-четыре года написал несколько удачных стихотворений («За селом синел далекий лес», «Рукою волосы поправлю», «Тема»), обогативших нашу советскую поэзию и привлечших внимание читателей лирической свежестью и непосредственностью.

И все же в начале тридцатых годов ему не удалось создать свою лирику.

Причины этого следует искать прежде всего в недостаточной идейно-эстетической зрелости Щипачева. Поэт не смог критически оценить псевдоортодоксальности тех лозунгов и воззрений, которые навязывались советским писателям рапповским руководством и которые в известной мере влияли на него.

Считалось, что только противопоставляемая лирике политическая поэзия, только публицистика способна

---

¹ Степан Щипачев. Наперекор границам. М., «Федерация», 1932, стр. 25.

выполнять задачи времени, оказывать решающее влияние на жизнь общества. Лирика, как один из видов «внепартийного» искусства, может оставаться и субъективной и индивидуалистической: ее роль в общественном развитии незначительна, «камерные» чувства и переживания, которые выражает лирический поэт, интересны для ограниченного круга читателей, но никак не для широких народных масс.

«...Если начинающий поэт,— говорил в те годы, обращаясь к «ударникам в литературе» В. Саянов, — пытается тему своей личной любви построить как тему, имеющую большое значение для современности, подобные попытки никакого успеха иметь не будут... Чаше всего работа в этом направлении в наши дни не принесет непосредственной пользы и не поможет поэту обратиться в подлинно пролетарского поэта»¹.

В отличие от лирической поэзии прошлого, поэзия пролетарского художника должна, по мнению рапповцев, выражать «общие», «коллективные» переживания и чувства. Постоянно напоминая поэту, чтобы он выражал только «общие», «коллективные» чувства и переживания, рапповские критики и литературоведы в действительности выступали в роли вульгаризаторов и упрощителей.

Вопрос о роли творческой личности в поэзии не потерял своей актуальности и в наши дни. До сих пор еще находятся критики, которые не только не разграничивают индивидуальных и индивидуалистических чувств и переживаний человека, но и прямо отождествляют их.

Правдивое, реалистическое изображение человеческой личности во всем многообразии ее связей с внешним миром, поэтизация тех чувств и переживаний, которые вызваны борьбой за коммунистическое устройство мира, способствуют воспитанию личности в социалистическом духе, искоренению индивидуалистических пережитков в сознании людей.

«Мы заинтересованы, — говорил А. М. Горький, —

---

¹ В. Саянов. Начала стиха. Л., изд. «Красная газета», 1930, стр. 64—65.

в том, чтобы создать *яркую социалистическую индивидуальность*, а отнюдь не индивидуалиста, который думает о себе, который себя только и видит»¹.

Социалистическая творческая индивидуальность в лирике должна получать самое полное и подробное выражение, ибо безликость в лирике, в поэзии — первый признак творческой несостоятельности поэта. Без выражения своего личного, индивидуального поэт не будет отличаться от других «лица необщим выражением» (Баратынский).

Под общими, «коллективными» настроениями иногда понимается нечто среднее, не выделяющееся ни силой страсти, ни богатством переживаний, ни активностью чувств. Поэты, особенно лирические, подпадающие под влияние этой «серединной» теории, корни которой в неверном, ложном толковании типического в литературе, утрачивают наиценнейшее качество: индивидуальность, конкретность поэтического характера.

Может ли поэт, стремящийся в целостности донести до читателя и глубокую искренность, и взволнованность, и непосредственность переживаний, в то же время умозрительно квалифицировать это переживание или как общее, «коллективное», то есть соответствующее специфике нашей лирики, или как исключительно интимное, узкоиндивидуальное, то есть не соответствующее ей? Мог ли, например, К. Симонов, написавший в период Отечественной войны глубоко личное, даже не предназначавшееся для печати стихотворение «Жди меня», заранее предугадать, что это стихотворение станет любимейшим стихотворением народа, вызовет десятки, сотни подражаний, станет *народным*?

Подлинный творческий процесс требует великого напряжения духовных сил и индивидуальных способностей поэта. Через личное, конкретное, индивидуальное лирика выражает общественное, коллективное, типичное, и здесь она в такой же степени подчинена общим законам литературы, как и всякий иной род. Здесь-то и встает со всею остротой вопрос о слитности

---

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 27. М., Гослитиздат, 1953, стр. 70. (Курсив мой. — В. Д.)

жизни поэта с жизнью, трудом и борьбой его родного народа, о его передовом марксистском мировоззрении. Без передовой идеологии, без пристального внимания к новой социалистической действительности и новым социалистическим отношениям между людьми поэт не сможет быть понят родной страной и любим своим народом.

После неуверенных попыток найти свое место в пейзажной лирике Щипачев, под влиянием рапповской псевдоортодоксии, пришел к признанию «несвоевременности» лирической поэзии, «ненужности» лирики. В стихотворении «Весенняя прелюдия» (1931) он писал:

Хотя за снегами
Дымится весна,
Лирика, погоды немного:
Видишь, дни накалены докрасна,
Слышишь, горнистов будит тревога¹.

Отрицательное отношение Щипачева к «лирике» было тем значительнее по своим последствиям, что ему, даже на этой ранней стадии творческого развития, все же было «свойственнее оставаться лириком», отражать действительность сквозь призму своего мировосприятия, искать и находить свою интонацию, свой поворот каждой темы.

В упрощенном понимании поэзии как художественного творчества, отражающего лишь мироощущение безликих «масс», крылась главная причина творческих неудач Степана Щипачева. Подвиг революционной, красноармейской массы был основой поэтического изображения в стихах Щипачева о гражданской войне. Выступая от имени тысяч безыменных красных бойцов и командиров, бравших штурмом Перекоп, громивших в Сибири колчаковцев, поэт или его лирический герой как бы растворялся в этом общеликом человеческом коллективе, утрачивая своеобразие виденья мира:

Обились обмотки, иссекли шинель
Ветра всех фронтов и дорог.
Жизнь — под копыта, в пыли и в огне.
Стремена. Винтовка. Клинок.

---

¹ С. Щ и п а ч е в. Война войне. М., изд. «Огонек», 1931, стр. 3.

Показывая стремительность развертывания событий, нагнетая действие, Щипачев вновь и вновь прибегает к перечислению:

Вода. Огонь. Грохот. Свист.
До берега недалеко.
«В атаку!» — и над врагами повис
Холодный ливень клинков.

В последующих строчках в том же «прерывистом» ритмическом ключе изображаются переживания раненого бойца:

Что это? Кровь по виску? Жара...
Проволока... окопы...

И почти без перехода:

Девятого, в пять часов утра,
Нами был взят Перекоп¹.

Калейдоскопичность в смене разрозненных картин боя еще больше усугубляла общую обезличенность повествования: мы не знаем, например, был ли этим раненым лирический герой или же он рассказал о другом красноармейце. Среди отдельных эмоциональных штрихов стихотворения о героях Перекопа пропадало то главное чувство, которое вдохновляло бойцов, идущих на штурм врангелевских позиций. Поэт не мог раскрыть его, стремясь говорить за всех, стараясь охватить возможно большее количество предметов и явлений и не привнося в стихотворение своих личных волнений, биения своего сердца.

С тех же отвлеченных позиций «рупора» времени, эпохи Щипачев писал о бурном социалистическом строительстве в нашей стране, о создании тяжелой индустрии, о победе нового в жизни и быту советских людей. Все это были важные и чрезвычайно своевременные темы, но, обращаясь к ним, создавая стихотворения «Весна в цеху», «Металл», «Черное солнце», «С небосклона стекает звезда», Щипачев впадал в декларативную прямолинейность. В таких стихах не возникало органического сплава между жизненным опытом поэта

---

¹ С. Щипачев. Одна шестая. М.—Л., ГИХЛ. 1931, стр. 9—11.

Достижения Маяковского в области создания новой социалистической лирики, его лучшие творческие традиции получили дальнейшее развитие в творчестве крупнейших советских поэтов, каждый из которых по своему искал и находил формы органического сплава «личного» и «общего», преодолевал противопоставление политической, гражданской поэзии — поэзии лирической.

Творческое становление Щипачева происходило в непрерывных поисках глубоких и постоянных связей между великими историческими движениями, свидетелем которых он был, и своим опытом, своей биографией, опытом и биографией простых советских людей, к которым он обращался со своими произведениями.

В тесной связи с идейным ростом поэта вырабатывался и его самостоятельный поэтический стиль. Не всегда еще удавалось ему найти такие художественные, эмоционально полноценные образы, в которых он, как поэт, выразил бы героичность своего времени, богатство душевных качеств советского человека. Но мастерство Щипачева возрастало по мере овладения актуальными и ответственными темами современности, по мере развития его поэтического характера. Поэт вновь обращается к стихам о «соседней эпохе», которую ему не придется увидеть своими глазами, но «пульс» которой он чувствует «каждой кровинкой, каждым атомом тела». В отдельных афористических строчках оборонных сборников явственно проступали и другие главнейшие темы зрелой лирики Щипачева:

Будущее — оно придет,
Но мы за него в ответе.

(«Мы в ответе», 1930)

Мы не замечаем, как старится век
И как молодеет время.

(«Семнадцатый год», 1931)

Острый поэтический глаз замечен и в деталях, радующих своей новизной:

Зеркало тихое, как вода,
Плещется долго в руках.

(«Поэма о дружбе», 1930)

В листьях и каплях — птичья возня,
И в окна из каждой ограды
Дождем прополосканный березняк
Вошел горьковатой прохладой.

(«Проблема дождя»)

В ряде стихотворений Щипачев выступает как тонкий мастер лирического описания природы. Он умеет передать динамику пейзажа, природа в его стихах живет; она полна свежести и обаяния. Поэт умело использует одно из сильнейших средств художественной выразительности — ритмику.

В стихотворении «Гроза»:

Дождь угрюмо и круто повис,
До Гурзуфа сады полоня.
Сбивая каплями желтый лист,
Он четко прошелся по яблоням
И замер.

Перенос здесь как нельзя более уместен: движение стиха показывает внезапность первого ветрового порыва, его постепенное затихание. Но тут же

...Густой прокатился гром
По развороченной огненной ниве, —
И хлынул студеным, косым серебром,
Сбивая тяжелые яблоки, ливень.

О том, как упорно добивался Щипачев смысловой и эмоциональной емкости поэтической детали, говорит стихотворение «Проблема дождя». В целом это надуманное, неудачное стихотворение, но отдельные детали «вписаны» в него уверенной рукой:

Нет-нет — и в окно пахнет от дождя
Привкусом теплой стали.

Это верное жизненное наблюдение: в летний дождь железные крыши, прокаленные солнцем, немного парят и как бы отдают «привкусом стали». Но образ имеет и более широкое значение, потому что стихотворение «Проблема дождя» помещено в сборнике рядом со стихами «Глаза на запад», «Мы в ответе» и другими, оборонная направленность которых совершенно ясна.

Лаконизм в поэзии, смысловая и эмоциональная емкость строки — вещь трудная. Однако гораздо труднее добиться того, чтобы слившиеся воедино образ и мысль воспринимались, как пословица, как поэтическая формула, как афоризм, который вместе с тем звучит естественно и даже обыденно (например: «Любовью дорожить умеете»). Щипачев шел навстречу трудностям и преодолевал их.

Во многих его стихотворениях раннего периода заметно стремление не ограничиваться фиксацией каких-то отдельных фактов и явлений, а делать далеко идущие, обобщающие выводы.

Как-то мальчику Щипачеву из уездного городка Камышлова бабушка привезла обыкновенное яблоко. Для мальчика, выросшего в бедняцкой крестьянской семье, это был невиданный, чудесный подарок. Вспоминая впоследствии об этом случае, Щипачев думал о безрадостном детстве, о нищей дореволюционной деревне. Вот почему стихотворение «Яблоко» заканчивается такими многозначительными строчками:

Вспомнишь порой о далеком, о старом, —
И станет сегодняшнее ясней.

Конкретное повествование с широким поэтическим обобщением сочеталось в этих стихах недостаточно умело. Но наметившаяся в нем тенденция была развита и закреплена в дальнейшей практике поэта.

3

В своей поэтической работе Щипачев был близок Маяковскому, который, как известно, полемически заостряя, писал, что признает «одну стихотворную форму — краткость и точность математических формул». Новаторство Маяковского в области архитектоники стиха было направлено на то, чтобы слово в стихотворной строке стало весомым и зримым, чтобы до конца была обнажена семантика каждого слова. В его понимании борьба за выразительность и прочность стиха была борьбой за его краткость. До глубины души презирая

меняют его «способы обработки стиха», всячески превознося даже наиболее слабые стихи поэтов, зачисляемых им в «школу Маяковского», С. Трегуб пренебрежительно относится к творческому опыту А. Твардовского, М. Исаковского, А. Суркова, С. Щипачева и других»¹.

Лирику Степана Щипачева С. Трегуб выносил за сферу воздействия Маяковского, пытался противопоставить лирические стихи Щипачева стихам и лиро-эпическим поэмам Маяковского и доказать, что якобы творческая практика Щипачева знаменует собою отход от советской лирики, от основных идейно-художественных принципов Маяковского².

Ошибочность подобных утверждений становится очевидной при первом же обращении к фактам.

Впервые имя Маяковского Щипачев услышал еще в Оренбурге. «...это было на уроке: бывший казачий полковник, преподававший тактику, побывал в Москве и решил поделиться с нами, курсантами, впечатлениями от поездки.

— Слышал в Политехническом музее Маяковского, — сказал он.

...улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и разговаривать, —

с хорошей дикцией прочитал преподаватель. Строчки эти меня поразили непохожестью на все, что я до того читал», — так пишет Щипачев о своем первом знакомстве с Маяковским.

Однако в его взглядах на поэзию Маяковского в то время было немало и наивного, ошибочного. Например, Щипачев полностью отождествлял творчество Маяковского с футуризмом. Только с годами в литературных воззрениях Щипачева четко определились грани, отделяющие поэзию В. В. Маяковского, формально связанного в тот период с футуристами, от футуристических лозунгов и деклараций, идейно чуждых интересам

¹ «Правда», 2 марта 1953 г.

² Подробнее см. «Обсуждение книг о Маяковском». «Литературная газета», 1940, ноябрь—декабрь.

строительства новой социалистической культуры. Но сам факт огромного воздействия творчества Маяковского на личность поэта и на его ранние стихи не мог не отразиться на всей последующей поэтической практике Щипачева.

Маяковский настолько «захватил» начинающего поэта, что тот долгое время находился в орбите не только его идейного, но и формального влияния.

Обращаясь к поэтам «Кузницы», Щипачев писал в 1924 году:

Бросьте истертые луны,
Заумь вытрите с губ —
Смотрите: *безъязыкой сценой*
*Корчится рабочий клуб*¹.

Следы интонационной и образной зависимости от поэтики Маяковского легко обнаруживаются и в более поздних стихах Щипачева, в частности, в его стихах на оборонную тематику.

Огонь баррикад иль словесные топи?
Нет, не позволим миру стареть!
Недаром мы розоватые утопии
Расстреливали в дым в Октябре.

(«Мы в ответе», 1930)

Здесь та же поэтическая позиция «агитатора, горлана, главаря», что и в стихах Маяковского. И все-таки, если бы речь шла только о внешнем сходстве стихов, мы не могли бы говорить о творческом характере традиций Маяковского в лирике Щипачева.

Рассматривая весь творческий путь Щипачева, нельзя не заметить, как постепенно он отрешался от внешнего подражания Маяковскому, от поверхностного усвоения творческих приемов лучшего поэта нашей советской эпохи; по мере того как росло мастерство, зрелость и умение Щипачева, крепили его идейные связи с Маяковским.

Маяковский, создавая произведения, принадлежащие преимущественно «великой эпохе ломки челове-

---

¹ Газета «Красный Крым», 6 апреля 1924 г. (Курсив мой.— В. Д.)

ских отношений» (М. И. Калинин), активно утверждал новые, социалистические формы нашей жизни. В стихах Щипачева и получают выражение взаимоотношения людей, установившиеся в советском обществе в период победы социализма и постепенного перехода к коммунизму. Его лирика обогащает социалистическую поэзию новыми лирическими темами любви, красоты, верности, прямоты, патриотизма, стойкости и т. д.; тем самым он развивает дальше традиции Маяковского-лирика, творчески развивает их и «в духе» и «по-Маяковскому».

Новая советская действительность была той почвой, которая питала творческие замыслы советских поэтов. Горький, говоря об ответственности литератора перед поколениями, которые идут ему на смену, призывал советских писателей развивать чувство ответственности перед завтрашним днем. Это «чувство будущего», восприятие современности в свете будущих достижений роднит лирику С. Щипачева с творчеством В. В. Маяковского.

Оба поэта утверждают неразрывную связь поколений и, что характерно, не только говорят о нашей ответственности перед будущим, но говорят и о чувстве долга, которое будут испытывать, «даты наших дел запоминающая» (Щипачев), далекие наши потомки.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны, как бы предчувствуя надвигающиеся грозные события, Щипачев пишет стихотворение «Потомкам» (1940):

Вас нет еще: вы — воздух, глина, свет;
О вас, далеких, лишь гадать могли мы, —
Но перед вами нам держать ответ.
Потомки, вы от нас неотделимы.

Был труден бой. Кажались нам не раз
Незащищенными столетий дали.
Когда враги гранатой били в нас,
То и до вас осколки долетали.

Щипачев, создавая это стихотворение, имел великолепный пример Маяковского, который сам, без литературных посредников и комментаторов, обращался к «товарищам-потомкам». Постоянное живое ощущение

Уверенность в том, что мир и природа будут преобразованы трудом советских людей, характерна для обоих поэтов.

4

Щипачев никогда не был чисто лирическим поэтом. Начиная от написанной в 1924 году «космопоэмы» «Гимн вечности», из которой, как с юмором отмечал потом сам Щипачев, «к счастью, был опубликован только маленький отрывок», и на протяжении многих лет творческой деятельности он настойчиво обращается к эпическому жанру, к поэме. Стремление Щипачева расширить круг стихотворных тем, выразить свое восприятие жизни в эпическом произведении, охватывающем «большой мир» исторических движений и ярких человеческих характеров, определено нашим временем, которое, как никогда, сроднило эпика и лирику, обусловило в творчестве многих советских поэтов и взаимопроникновение обоих жанров и одинаково активное отношение к каждому из них.

Если не считать ученических опытов Щипачева, первые его серьезные попытки написать произведение эпического плана относятся к началу тридцатых годов. Именно в это время он пишет одну за другой небольшие поэмы «Песок» (1930), «О красноармейце Микелэ Годони» (1930), посвященные темам интернациональной солидарности, «Поэму о дружбе» (1930), в которой отображались мирные будни Красной Армии, и поэму «Фронтвики» (1933), подводившую итог творческим исканиям поэта в период работы в ЛОКАФе.

Наиболее интересными среди них были «Поэма о дружбе» и «Фронтвики».

В поэмах и намека нет на былой «космизм». В них — реальна обстановка, в которой действуют герои: в первом случае — военный городок одного из армейских гарнизонов, во втором — Приуралье эпохи гражданской войны; реальны и жизненные остроконфликтные ситуации, легшие в основу каждого произведения.

Однако эти произведения не стали подлинной творческой удачей поэта. Щипачев, испытывавший в начале

тридцатых годов заметное влияние формалистов, не добивается в своих поэмах художественной ясности и простоты содержания, полноты обрисовки характеров, поэтической выразительности образов героев. Он скорее по-своему «экспериментирует» над жизненным материалом.

Острая конфликтность поэм Щипачева требовала привлечения соответствующих художественных средств, а главное — их умелого использования. Для того чтобы сохранить драматическую напряженность сюжета, поэт отбрасывает многое, что, по его мнению, задерживает развитие действия, а иногда недосказывает и умалчивает. Вместо развернутых диалогов и описаний Щипачев старается использовать выразительную деталь, предоставляя читателю возможность дополнить ту или иную сцену своим воображением. Но прием этот может быть оправдан только тогда, когда ход событий в целом уже ясен читателю, а идея произведения выражена полностью. В тех же случаях, когда опускаются главнейшие звенья в цепи событий, когда описание острых психологических переживаний героев заменяются многоточием, нарушается не только внутренняя целостность произведения, но и пропадает тот драматический эффект, ради которого, собственно говоря, и были использованы средства драматизации. Именно такую ошибку и совершил С. Щипачев в «Поэме о дружбе».

Применяя неожиданный перерыв в повествовании, резкий переход от одного психологического состояния к другому, от одного действия к другому, Щипачев опускает важные звенья в цепи событий, основные этапы в развитии самосознания и чувств своих героев.

Вся «Поэма о дружбе», драматический стержень которой — любовь комвзвода Радько к жене своего фронтового друга Титова, построена на недомолвках, причем важнейшие и в смысловом и в идейном отношении эпизоды или опущены вовсе или даны как набор разрозненных поэтических деталей.

Тяжелые размышления командира Титова об измене жены то перебиваются кавалерийской песней, то вновь

ческая задача, которую ставил перед собой Щипачев, и заключалась в том, чтобы показать, как в этой суровой фронтовой обстановке выковывалось идейное единство, сплоченность красноармейской массы, крепло чувство интернациональной солидарности. Красноармейская масса в изображении Щипачева была уже не тем безликим «множеством», которое действовало в его стихах «Сиваш», «Семнадцатый год» и других. Главные герои поэмы «Фронтовики» — красноармейцы Ершов, Сутягин, их командир венгр Шаллай — нарисованы поэтом разными и по биографии и по своим привычкам и склонностям людьми. Но для всех них характерна беззаветная преданность советской власти.

Кульминационным пунктом поэмы является подвиг венгра Шаллая, пожертвовавшего жизнью во имя спасения своих русских товарищей.

Трудную жизнь прожил Шаллай, прежде чем стал красным командиром. Октябрьскую революцию он встретил в сибирском лагере для военнопленных, где был простым водовозом.

Щелкали вожжи, скрипели гужи.
И в бочке качала вода
Его угрюмую жизнь.
И русское небо глубоко
Качалось в бочке под черпаком.
И голубой венгерский мундир
О старую бочку протерт до дыр.

Испытания и трудности наложили на Шаллая печать замкнутости и суровости. Это создает холодок отчуждения между ним и бойцами. Красноармейцы считают своего командира чересчур требовательным, несправедливо жестким человеком.

«Стоит, как аршин,
Молчит да глазами гложет.
Наводит режим,
Мадьярская рожал!» —

с неприязнью думает о нем Ершов. Но суровость Шаллая — внешняя. В главах «Эдешь аньям» (по-венгерски: милая мать) и «Сон» он показан как любящий сын и глубоко тоскующий по далекой родине человек.

Однако образ Шаллая не был избавлен от однолинейности и схематизма. Поэма не давала ответа на важнейшие вопросы: как из рядового мадьярского солдата, опутанного классовыми и националистическими предрассудками, он стал убежденным пролетарским интернационалистом? Каковы были действительные причины, которые заставили его остаться в России? Две общие фразы о том, что венгров, бывших военнопленных, призвали «задержаться в России и идти на фронты за советскую власть», конечно, не могли ответить на эти вопросы и помочь понять внутреннюю закономерность развития образа красного командира Шаллая.

Другие герои поэмы — горнозаводский рабочий Ершов и деревенский парень Сутягин — были очерчены еще более бегло, чем Шаллай. Поэт не дал им сколько-нибудь действенной, многосторонней характеристики, сосредоточившись на одной запоминающейся черте характера каждого. Так изображен, например, весельчак и балагур Левка Сутягин. Таков и Ершов, памятный тем, что любит читать книги. Но главной причиной, которая, в конечном счете, и определила недолговечность поэмы «Фронтвики», была даже не беглость в обрисовке образов, а композиционная и стиливая несамостоятельность этого произведения.

С первых же строк поэмы ощущается ее интонационная зависимость от наиболее популярных в начале тридцатых годов поэтических произведений.

Не обушки стальные
С собою понесли,
Старинные винтовочки
«Гра» и «Витерли».

В такой сказово-напевной манере, с привлечением словесной «экзотики» писали тогда о гражданской войне и Н. Асеев, и В. Луговской, и И. Сельвинский, и многие другие поэты. Щипачев создал свою поэму уже после того, как произведения этих поэтов получили широкий отклик в печати и стали достоянием массового читателя. Кроме того, в его поэме неоправданно часто сменялся размер, ломалась поэтическая строка и т. д. Звуковые аллитерации, которыми были густо насыщены

«Фронтовики», подчас превращались в игру словом. Вот один из примеров:

*Катятся колыта по тупой дороге.
Топают пехота, — сапоги в пыли.*

Ритмико-звуковое движение конницы и пехоты передается здесь при помощи слов со многими глухими согласными. Но в их ряду поэт счел возможным употребить и эпитет «по тупой дороге», не имеющий реального смыслового значения.

Композиционно поэма строилась в виде небольших главок — картин фронтовой жизни: «Отступление», «Водовоз», «Свои деревенские» и т. д. Главки поэмы мелькали, как кадры кинематографической ленты, не создавая, однако, в отличие от кино, единого эмоционально-смыслового и зрительного впечатления. Подобный прерывистый, «телеграфный» стиль, весьма распространенный в тридцатые годы, отражал непреодоленные формалистические тенденции.

Коммунистическая партия, осуществляя повседневное руководство развитием социалистической культуры, остро и своевременно поставила вопрос об антинародной сущности формализма.

Опубликованные в 1936 году «Правдой» статьи, направленные против формализма, натурализма, буржуазного эстетства, отрыва от классического наследия прошлого, послужили предметом широкого обсуждения в различных творческих организациях страны. В ходе обсуждения были вскрыты классовые корни формализма, который как «манера», как «литературный прием» служит чаще всего «для прикрытия пустоты или нищеты души» (М. Горький). Борьба с пережитками формализма, насаждавшегося рапповской, напостовской критикой, была одним из основных этапов борьбы, проводимой нашей партией, за партийность и подлинную народность советского искусства и литературы.

В ряду других важнейших событий литературной жизни тридцатых годов — постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации РАППа, ВОАППа и других литературных групп, организации единого Союза писателей, проведения Первого Всесоюзного съезда писателей, вы-

ступлений А. М. Горького и А. А. Жданова на съезде, дискуссии о языке, — дискуссия о формализме показывала, как последовательно партия боролась за ленинские принципы создания массовой высокоидейной, подлинно народной литературы, понятной миллионам.

Творческое становление Щипачева определялось теми требованиями, которые предъявляла наша партия к деятельности подлинно передовых художников эпохи. Дискуссия о формализме помогла ему преодолеть явное противоречие между общей реалистической направленностью творчества и формалистическими «изысками», характерными для отдельных его произведений.

Глава третья

ДОВЕРИЕ И ОТКРОВЕННОСТЬ

1

После опубликования поэмы «Фронтовики» Щипачев до 1936 года почти не выступает в печати.

Причины такого довольно продолжительного молчания самые разнообразные. Щипачев в эти годы заканчивает творческое отделение Института красной профессуры. Впервые он получил возможность уже не путем самообразования, а в институте, широко и систематически, ознакомиться с достижениями мировой литературы. Много сил и труда он вложил в поэму «Еланин», подробнее о которой будет сказано несколько позже. Но едва ли не самой главной причиной явилась глубокая внутренняя сосредоточенность поэта, пересмотр отношения к своему призванию, тематике, методам работы.

Раздумывая над судьбами поэзии, над своими срывами и крайними увлечениями, он приходит к выводу, что истинное призвание поэта заключается не в том, чтобы «поразить», «ошеломить» читателя необычностью и непонятностью образа, сложностью размера, вообще формальными достижениями, а в том, чтобы поделиться с ним самым заветным, сокровенным, выношенным в сердце, понятным и близким для всех.

Накопленный с годами жизненный опыт, стремление высказать давно обдуманное и решенное, чувство ответственности перед народом, взрастившим и воспитавшим поэта, давали ему внутреннее моральное право на такой прямой, непосредственный разговор. В Щипачеве вызрело и оформилось понимание того, что читатель — это как раз и есть тот самый искренний и задушевный друг, который все воспримет с полуслова, которому не нужно общими словами и выражениями рассказывать о само собой очевидном, но который в твоих чувствах и в твоих мыслях сможет «угадать», «узнать» свои наблюдения над жизнью, свои раздумья и переживания.

Внутренняя скованность — главное, что долгие годы задерживало его творческий рост, — преодолевается поэтом. Щипачев стал с большим доверием относиться к миру своих чувств, обнаружил свой характер в поэзии.

«Я понял, — пишет Щипачев в статье «Путь к поэзии», — чем больше поэт доверяется людям в своих самых сокровенных чувствах и мыслях, тем нужнее, ближе он становится своему читателю, если, конечно, сам он настоящий советский человек, если он живет общей жизнью с народом»¹.

Размышления о месте поэта в жизни, о его ответственности перед читателем, о необходимости тесной и постоянной связи с повседневным трудом и борьбой своего народа Щипачев попытался выразить в неоконченной поэме «Еланин» (1935).

Название поэма получила от имени главного героя — поэта Еланина. Добившись успеха в жизни, Еланин замкнулся в узкой литературной среде, утратил интерес к живым делам современников, растратил дарование на литературные поделки и тем самым обрек себя на творческое бесплодие. Его образ рисовался в контрастном сопоставлении с трудовой, бьющей ключом жизнью страны. Однако, когда поэма была закончена, автор почувствовал, что слишком незначительным

---

¹ Степан Щипачев. Стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1954, стр. 16.

был характер Еланина, слишком мелки были его страсти и переживания, чтобы в целом «держаться» поэму, быть ее идейно-смысловым центром. Поэма не «получилась», распалась на отдельные куски, хотя лирические элементы ее оказались жизнеспособными.

Один из таких лирических фрагментов («Бермамыт») вышел в Москве в 1937 году отдельным изданием.

«Бермамыт» (или «Встреча на Бермамыте») представляет собою лирическое повествование о людях конзавода, их труде, обычаях, нравах, об удивительной природе Кавказа, окружающей табунщиков и коневодов. Поэт не стремился дать развернутые характеристики своим героям и, в частности, директору завода Черепанову, фронтовому другу и бывшему красному партизану.

Главную творческую задачу он видел в том, чтобы передать живое ощущение радости и гордости за свою могучую и поистине бескрайнюю родину, за людей — «товарищей по взводу, друзей по котелку», которые в самых отдаленных уголках страны свершают трудовые подвиги.

Я в сердце ощущаю зависть,
Верней, не зависть — счастье жить, —

взволнованно думает лирический герой, сравнивая свою жизнь с конкретными делами Черепанова, с трудом дружного коллектива табунщиков и коневодов. Тревога и беспокойство: а так ли он живет? Не отстал ли он от действительности? — привели его на эти «резвые горные выси», с которых «яснее видишь жизнь свою».

Во время радостной встречи со своим фронтовым другом Черепановым и его товарищами лирический герой убеждается, что «друзья вокруг — их целый мир», что ощущение сердечного родства с этими людьми не утрачено им.

Отрывок «Бермамыт» интересен и новым для Щипачева подходом к теме природы, лирическим осмыслением природы. Кавказ изображается поэтом как величественная, преисполненная красоты и могущества

стихия. Но величественность и могущество природы лишь подчеркивают, а не подавляют чувство собственного достоинства, гордое самосознание советского человека, хозяина своей страны.

Эльбрус высок. Слепит глаза.
В небесных искрах лед и снег.
Как равный равному, в глаза
Глядят гора и человек.

Подмеченное в самой действительности новое, творческое отношение к природе родной страны, ее богатствам, ее красотам придавало отрывку «Бермамыт» поэтическую свежесть и новизну.

В сборнике «Под небом родины моей», вышедшем в том же 1937 году, к лучшим стихам принадлежали как раз те, в которых развивалась, обогащалась, по-новому ставилась и по-новому разрешалась тема осмысления человеком себя в природе и обществе, в историческом развитии своего народа.

Поэт в этих стихах сумел сказать о «самом главном», верно передать ощущение времени и сохранить подлинный лиризм, теплоту.

Счастье простого человека, осознавшего, что он живет у себя дома, что его труд, как бы, на первый взгляд, ни был этот труд неприметен, — велик и героичен, ибо велик и героичен труд его родного народа, получило самобытное поэтическое выражение в этом сборнике.

Пусть жизнь твоя не на виду, —
Какое счастье жить и знать,
Что не на ветер дни твои идут,
Что в жизни цель тебе ясна,
Что не напрасно бьет дождями лето,
Зимой выюги обжигают лоб,
Что есть в большой работе пятiletок
Твоя работа, рук твоих тепло.

Интонация «разговора по душам», в которой написано стихотворение, была нова для Щипачева. В нем заметна еще формальная неслаженность стиха, но главное — ключ к решению больших и важных проблем современности был поэтом найден.

В творческих поисках художником руководила глу-

бокая любовь к простому человеку, желание во что бы то ни стало найти с ним общий язык, вместе поразмыслить, оценить красоту и полноту новой жизни. Поэт уже знал, что в своих героях он найдет и лучших критиков и лучших друзей своей поэзии. Рассказывая в стихотворении «Работа» о людях труда, которые «идут» в стихи «из шахт, с зимовок, с новостроек», Щипачев взволнованно заканчивал:

Ты рад до слез. Чернявым, белобрысым,
Глядишь в глаза им сквозь табачный дым —
И, в чем себе порой бы не открылся,
Расскажешь все, все выболтаешь им.

Так произошло не только «открытие» своего читателя и своего героя, но и «открытие» самого себя как поэта глубоко лирического, способного переосмыслить многие общечеловеческие темы поэзии, показать человеческую личность во всем богатстве ее переживаний, ее чувств и настроений.

Было ли это «радостной неожиданностью», как утверждают некоторые критики? Стихийно ли подошел Щипачев и к основным темам своего творчества и к той негромкой, несколько угловатой интонации, которая сразу же выделяет его стихи среди других?

Успех Степана Щипачева закономерно отражал общий подъем советской литературы в тридцатые годы и был подготовлен всей предшествующей работой поэта, неустанной учебой, придиричвым, взыскательным отношением к себе.

А. Н. Толстой в беседе с молодыми писателями однажды замечательно сказал: «Художник растет вместе со своим искусством. Его искусство растет вместе с тем народом, который он изображает. Художник растет вместе с героями, над которыми он работает»¹. В этих словах как нельзя лучше выражена сущность творческого роста и Щипачева.

Окончательная ликвидация эксплуататорских классов, полное уничтожение причин, порождающих

---

¹ А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 13, М., Гослитиздат, 1949, стр. 412.

эксплуатацию человека человеком, техническая реконструкция всего народного хозяйства, пафос нового строительства, освоение неисчерпаемых природных богатств, героика научных открытий — такова грандиозная картина социалистического строительства, развернувшегося в нашей стране под руководством Коммунистической партии в годы предвоенных пятилеток. Общественно-политический и экономический подъем обуславливал расцвет культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Значительных успехов добилась советская литература. Во второй половине тридцатых годов особенно зримо выступают ее отличительные черты — партийность, пролетарский интернационализм, глубокий патриотизм, ясность взгляда в будущее, народность и подлинный гуманизм. Бодрая, оптимистическая, преисполненная веры в человека и окрыленная любовью к трудовому народу, советская литература явилась самой передовой, самой идейной литературой в мире. Советские писатели выступают в первых рядах борцов с фашизмом, с члoвеконенавистнической идеологией расизма.

Особенное значение приобретают произведения, в которых получают отражение внутренняя жизнь человеческой личности, естественность и всесторонность ее духовного развития в условиях советского общества, охрана ее интересов социалистическим государством. Лирическая поэзия Щипачева — неотъемлемая часть этой литературы.

В самой действительности стали более многообразными новые социалистические отношения между отдельными людьми, между личностью и коллективом, выработались новые социалистические взгляды на общество, на труд, на личное и общественное, на природу, на жизнь в целом. Пройти мимо всего этого советская литература, конечно, не могла.

В одном из очерков «По Союзу Советов» (1929) А. М. Горький писал, что «у нас развивается любопытный процесс: героика действительности вызывает к жизни лирику — свою противоположность»¹.

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 17, М., Гослитиздат, стр. 212.

Метод социалистического реализма позволил поэтам гораздо шире, чем раньше, использовать лирические жанры, добиться серьезных достижений в области создания массовой лирической песни, лирического стиха, лирической поэмы.

Наряду с появлением выдающихся произведений в прозе и драматургии, в «толстых» и «тонких» журналах один за другим публикуются циклы лирических стихов. Издается большое количество отдельных сборников лирики: «Лирика» И. Уткина (1936), «Избранная лирика» А. Жарова (1937), «Лирика» В. Саянова (1937), «В защиту влюбленных» А. Прокофьева (1939), «Камни и травы» М. Алигер (1940), новые сборники стихов Н. Тихонова, А. Суркова, К. Симонова и других.

Всенародную известность получают стихи и песни М. Исаковского, В. Лебедева-Кумача, М. Светлова, В. Гусева, М. Голодного, С. Алымова.

Необычайно широко распространяется лирическая поэма как своеобразный и вполне определившийся в советской литературе жанр. «Маяковский начинается» Н. Асеева, «Твоя поэма» С. Кирсанова, «Первая любовь» и «Пять страниц» К. Симонова, «Зима этого года» М. Алигер, «Валентин» В. Стрельченко, «Январь» А. Чивилихина — произведения, которые появились буквально в течение трех-четырех лет.

Охотно пользуются поэты формой лирических дневников, почти не употребляемой в двадцатых годах. Свои мысли, чувства и переживания непосредственного участника боев у озера Хасан в форме лирического дневника выразил Е. Долматовский. Лирический дневник ведет К. Симонов, находясь в действующей армии у реки Халхин-Гол. Суровую военную зиму 1939—1940 годов описал в «Декабрьском дневнике» А. Сурков.

В лучших произведениях советских поэтов-лириков талантливо воспроизводится *героический* характер нашей эпохи. Не случайно, высмеивая тех, кто в предгрозовой обстановке сорокового года «за плотной комнатною шторой, за прочным письменным столом» продолжал трубить «о древнем, о былом», молодой поэт Алексей Недогонов требовательно спрашивал:

Зимой
Сорокового года
Чем, лирики,
Дышали вы?

Лирика не отрицалась, не развенчивалась как жанр. Тот же А. Недогонов в качестве неперемного условия существования новой советской лирики ставил активность ее вторжения в жизнь, в современность, ее высокую страстность и близость к делам и помыслам народа.

2

Свой новый сборник стихов, вышедший в 1939 году, Щипачев озаглавил просто: «Лирика». Почти все стихотворения, помещенные в нем, были уже опубликованы в различных журналах в 1937—1939 годах. Они пробудили живейший интерес среди читателей к поэту и его творчеству. Но когда эти стихи оказались собранными и вышли отдельным изданием, о Щипачеве заговорили не просто как об авторе отдельных интересных лирических стихов, кратких по форме и афористических по мысли, но как о талантливом поэте, создающем принципиально новую советскую лирику.

Однако, если читатели стихи С. Щипачева встретили довольно доброжелательно, то критика в своих оценках отнюдь не проявила такого единодушия.

Почти во всех литературно-художественных журналах, в десятых—одиннадцатых номерах за 1939 год, появились критические статьи, рецензии, заметки о книге стихов С. Щипачева. Некоторые рецензенты усматривали в стихах поэта «мировоззренческую и профессиональную наивность», «примитивную назидательность» и «аллегоричность», ставили ему в вину «вневременность» и «надвременность» его стихов, подчеркивали, что в «старых журналах конца XIX века можно найти немало таких (как стихи Щипачева о природе. — В. Д.) стихотворений». Другие, наоборот, восторженно утверждали, что «в передаче каких-то элементов поэтического ощущения эпохи Щипачев стал уже необходим», что «дряхлое время в его сти-

хах молодеет на службе у коммунизма», приветствовали в его лице «лучшего нашего лирика, в типичнейшем и буквальном смысле этого слова», видели в успехе Щипачева не только его личную удачу, но и «один из признаков движения вперед всей советской поэзии».

Столь разноречивый характер откликов на произведения Щипачева определялся не только тем, что поэт создавал поэзию без всяких «внешних примет»: споры шли о возможности существования в нашей советской действительности лирики «вечных», или общечеловеческих тем — тем природы, любви, смерти, смысла человеческого существования и т. д.

Второе, расширенное и дополненное, издание лирических стихотворений Щипачева, появившееся в 1940 году, вызвало «споры о поэзии вообще»¹. Вспыхнувшая с новой силой полемика отражала, с одной стороны, неослабевающий интерес советского читателя к проблемам лирики, с другой — его неудовлетворенность многими поэтическими сборниками, посвященными темам любви, семьи, дружбы.

Неоднократное упоминание стихов Щипачева на дискуссии о книгах, посвященных В. В. Маяковскому, в ноябре—декабре 1940 года, появление статьи «Необоснованные восторги» С. Трегуба, полемика вокруг этой статьи и большое количество критических отзывов на нее убедительно свидетельствовали о том, что Щипачев шел трудным путем, что он встречал не только «гул одобрения», но и явное противодействие со стороны части критиков, вульгаризаторски, по-рапповски понимающих целый ряд творческих вопросов, в том числе и такой важнейший вопрос, как вопрос о политическом содержании поэзии. Но и среди безоговорочно положительных отзывов были такие, авторы которых, пользуясь успехом Щипачева у читателей, пытались отстаивать неверные, эстетские позиции. Вот почему А. Н. Толстой счел необходимым посоветовать: «Очень прошу Вас, — писал он Щипачеву в письме от 6 сентября 1940 года, — никого не слушайте, и тех,

---

¹ «Новый мир», 1940, № 10, стр. 223.

кто Вас хвалит, и тех, кто Вас ругает. Живите и думайте по-своему. Поэзия — это редкая удача»¹.

Как же решается вопрос о «вечных», общечеловеческих темах поэзии в советском литературоведении?

Правы ли те критики, которые считали, что, разрабатывая «вечные» темы, поэт неизбежно скатится на вневременные позиции? И правильно ли отдавать жанр лирико-философского «раздумья» о смысле жизни и назначении человека, о любви, о красоте природы на откуп реакционным буржуазным поэтам?

Что постановка этих вопросов правомерна, показывает хотя бы следующий факт: до последнего времени исследователи творчества Маяковского не решались признать наличие общечеловеческих «вечных» тем в поэзии Маяковского, не хотели видеть того, что Маяковскому-лирику доступна вся полнота жизни, все ее многообразие, что в стихах, посвященных этим темам, гениально отражено единство поэтического мировоззрения Маяковского, новый характер его мироощущения и мировосприятия, новое социалистическое отношение к действительности.

А. М. Горький в статье «О «Библиотеке поэта» еще в 1931 году, когда одни поэты декларировали: «оставим любовь на завтра» (А. Прокофьев), а другие писали, что «только как пародию, как шутку можно воспринимать подлинные лирические упражнения многих современных поэтов» (В. Саянов), дал глубоко обоснованные и продуманные ответы на все эти вопросы.

Реакционное искусство потеряло всякое право на *общечеловеческое*, превратившись в оружие человеконенавистнических теорий империализма.

Только передовое искусство способно выразить идеалы подлинной человечности, подлинного демократизма. Советская лирическая поэзия является достойным преемником прогрессивных реалистических тенденций в развитии мировой лирики. Советским людям не чужды «вечные», общечеловеческие темы любви,

---

¹ Из письма А. Н. Толстого к С. Щипачеву 6 сентября 1940 г. ЦГАЛИ.

природы, дружбы, но наша социалистическая действительность дает новое осмысление этих лирических тем.

Заслуга Горького перед советской литературой не только в том, что «вечные», общечеловеческие темы он «узаконил» в поэтических правах, «вернул» их нашей поэзии, но также в том, что он подверг марксистской критике недостаточность их «классической» разработки у поэтов прошлого, раскрыл перспективы идейно-тематического обогащения советской поэзии.

«Наши поэты, — писал Горький, — должны ввести в работу свою новые темы, — темы, которые поэзия прошлого века изжила и потому не касалась»¹. И не только вводить новые темы, но и переосмыслить уже бывшие предметом поэтического изображения, обогатить их новыми мыслями и чувствами.

Горький указывал на «необходимость пересмотра отношения поэзии к природе и пересмотра всех главнейших тем старой поэзии»².

Пафос горьковской мечты «о возможности для трудящихся овладеть силами природы» созвучен нашей действительности. Завет Горького — смелее и решительнее изображать «подчинение стихийных сил природы силам нашего разума и воли» — боевой призыв для литераторов, пишущих о природе.

А. М. Горький, рассматривая пути развития советской поэзии, в той же статье «О «Библиотеке поэта», коснулся другой «вечной» темы поэзии — темы любви.

Без подлинной, глубокой и серьезной любви, без счастья материнства и отцовства жизнь человека не полна ни в личном, ни в общественном плане.

Непримиримый и последовательный борец с мещанством, косностью, обывательщиной в жизни народа, Горький был страстным пропагандистом наших достижений в области советской морали, наших успехов в создании счастливой, полнокровной семьи. С глубоким удовлетворением Горький отмечал необычайно быстрый духовный рост советской женщины, рост ее

---

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 26. М., Гослитиздат, 1953, стр. 178.

² Там же, стр. 182—183.

внутренней свободы, ее полное равноправие с мужчиной. С другой стороны, он неоднократно подчеркивал, что в эксплуататорском обществе «идет процесс разрушения семьи», что там, «несмотря на усиленную, даже назойливую поэтизацию женщины, к ней продолжают относиться по скотски и как к человеку «второго сорта»¹.

Отмечая наши несомненные завоевания и победы в деле раскрепощения женщин, Горький указывал советским лирическим поэтам, что «новая женщина, существуя в жизни, отсутствует в поэзии, а поэзия могла бы очень помочь воспитанию среди молодежи новой оценки женщины, нового и более достойного отношения к ней. *Любовь как тема поэта явно требует иной раскраски*»². Подчеркнутые нами слова великого пролетарского писателя имеют принципиально важное значение. Многие наши крупнейшие поэты чувствовали и чувствуют глубокую творческую неудовлетворенность тем, что ими сделано в жанре любовной лирики. Николай Асеев в одном из стихотворений конца двадцатых годов с горечью писал:

О любви
Теперь уже не пишут,
Просто
Стыдно стало повторять.

К сожалению, и поныне вопрос об «иной раскраске» темы любви неохотно поднимается некоторыми поэтами и критиками. А ведь это одна из основных творческих проблем лирики!

М. Горький неоднократно подчеркивал, что на наше чувство любви огромное влияние оказывает совместная, рука об руку, работа с женщиной-товарищем, другом, женой, что любовь наша к ней крепнет в силу духовного родства и подлинной ее независимости. Последовательно отстаивая позиции воинствующего гуманизма, Горький всю жизнь утверждал победу любви

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 26. М., Гослитиздат, 1953, стр. 183.

² Там же, стр. 184.

над злом, жизни над смертью. Ему были глубоко чужды пессимизм, проповедуемый в философии Шопенгауэром, Гартманом, Шпенглером, в поэзии — Леопарди, Ленау, Альфредом Мюссе, Бодлером, Сологубом. «Истая сущность, единственная цель бытия — смерть», — пессимистически рассуждал Джакомо Леопарди, этот итальянский певец смерти и предтеча декадентов и модернистов.

«Бытие как деяние, как творчество, счастье жить на земле», — утверждал гениальный основатель литературы социалистического реализма. Но тема смерти, одна из «вечных» тем поэзии, не отметалась им. Наоборот, Горький писал, что он не знает, почему «у нас на эту тему писать стихи не принято»¹.

Не избегать этой темы, а решать ее с позиции «воинствующего оптимизма материалиста», — учил Горький советских писателей.

Уверенность в познаваемости мира определила пристальное внимание Горького к науке, становящейся «нервной системой нашей планеты», к научным открытиям и достижениям. Выдвигая «вечную» тему поэзии, Горький прежде всего связывает ее с теми разделами науки, которые ставят и разрешают вопросы о продлении жизни человека, об охране его здоровья. Он связывает ее с невиданно благоприятными условиями, созданными у нас, в Союзе Советов, для развития науки вообще. «Эта — научная — область человеческой деятельности, — указывал Алексей Максимович, — может быть, более, чем всякая другая, достойна восхищения, изумления, пафоса»². По мнению Горького, она и должна стать предметом истинного поэтического вдохновения.

Горький, определяя тематику нашей лирической поэзии, не ставил целью всесторонне проанализировать ту или иную философскую проблему, которую он поднимал в своих статьях и выступлениях. Он указывал только на возможные способы ее решения средствами поэзии, решения новаторского, обусловлен-

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 26. М., Гослитиздат, 1953, стр. 184.

² Там же.

Наша советская героическая действительность способствовала и способствует самому полному раскрытию лучших моральных и физических качеств советского человека, делает одним из законов общественного развития достижение личной удовлетворенности и личного счастья, познанного в труде на благо общества, на благо своего родного народа.

Литература социалистического общества обязана показать расцвет духовной жизни человека. И в этом большая роль принадлежит лирической поэзии — одному из литературных родов, непосредственно связанных с раскрытием переживаний человеческой личности, ее духовного, эмоционального богатства.

А. М. Горький, внимательно следивший за развитием всей советской литературы, почувствовал жизненную закономерность, которая вела нашу поэзию к большему лиризму, предопределил в своих статьях и выступлениях многие характернейшие ее черты.

В творчестве Щипачева, обратившегося к «вечным» темам поэзии в середине тридцатых годов, своеобразно воплощены горьковские заветы советским лирическим поэтам.

Создавая стихи на конкретном жизненном материале, С. Щипачев по-горьковски осмыслял и факты своей личной биографии и многие явления нашей действительности. Поэт чувствовал, что так называемые вечные вопросы человеческого существования самой жизнью ставятся по-новому, и добивался всестороннего их отображения с позиций социалистического реализма.

3

Как зрелый мастер, с широким литературным и жизненным кругозором, создавал Щипачев лучшие свои лирические стихотворения.

Его стихи «Здесь было горе горькое бездонным», «Разговор с геологом», «Комета», «На парткоме», «Седина», «Потомкам» публицистичны и интимны, конкретны и вместе с тем имеют большое обобщаю-

щее значение. В них индивидуальные чувства и переживания лирического героя неотделимы от общественных чувств и переживаний.

Пользуясь методом социалистического реализма, Щипачев правильно отразил в интеллектуальном облике советского человека неразрывность, единство, гармоническое сочетание общественных и личных интересов. Эта целостность и позволила ему вдохнуть новое содержание в общечеловеческие «вечные» темы, сделать их *боевым активом* нашей литературы.

Но нельзя поэзию Щипачева ограничить лишь традиционными «вечными» темами. Щипачев пишет не только о луне, которая «одна на всех влюбленных» (казалось бы, что может быть традиционнее лирических стихов о луне!), он пишет и о советских танкистах, остановившихся за огородом дедушки Тараса, и о юных «папанинцах», играющих во дворе, и о новом социалистическом городе, на который поэт смотрит сквозь стекло троллейбуса, забрызганное каплями летнего дождя, как «сквозь слезы счастья». Короче, он пишет о тех явлениях действительности, отразить или предусмотреть которые поэзия прошлого, поэзия «вечных» тем, конечно, не могла. В то же время для Щипачева характерна углубленность стихов или их «философичность», способность в малом, незначительном уловить смысл большого и существенного, умение разглядеть глубинные движения времени. Именно углубленность, склонность к раздумью и сближает лучшие его стихотворения с классическими образцами русской поэзии, в которой человеческие страсти и социальные противоречия, сложность и красота человеческих чувств явились высоким предметом творческого вдохновения художников. Не рассудочность, а подкупающая человечность определяют прежде всего стихи лирико-философского плана. Не отчуждение, а полное слияние с читателем характерно для лирики лучших поэтов прошлого.

Советская лирическая поэзия наследует боевые традиции классической лирики — ее демократизм и идейную целеустремленность, ее глубокий патриотизм и внимание к внутренней жизни конкретной челове-

ческой личности, чутко откликающейся на явления общественной жизни, и обогащает эти традиции в соответствии с новым содержанием нашей жизни.

Лирика Щипачева находится в русле этих передовых традиций прошлого. Правда, долгое время, как мы видели, ему приходилось «продираться сквозь чертополох всяческих литературных измов». Но, как и многие представители его поколения, он вышел на широкую дорогу социалистического реализма, творчески осваивающего культурные завоевания прошлых лет. Форма своеобразного «лирического раздумья», к которой в конце концов подошел Щипачев и которая наиболее свойственна его мироощущению и мировоззрению, имеет прекрасные традиции в поэзии Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Блока.

Чем иным, как не такими «раздумьями» поэта, являются «Вновь я посетил тот уголок» А. С. Пушкина, «Когда волнуется желтеющая нива» М. Ю. Лермонтова, «Внимая ужасам войны» Н. А. Некрасова?

Среди пламенных признаний, лирических откровений, горестных исповедей в любовной лирике Пушкина немало стихотворений, в которых любовь явилась истоком философских раздумий поэта, его правдивых суждений о действительности, его обращений к живо трепещущим темам современности. Мы живо ощущаем, например, светлую и грустную задумчивость, с которой написано «На холмах Грузии лежит ночная мгла», это прекрасное создание пушкинского гения. Оставаясь наедине с самим собой, поэт не может не думать о любимой женщине, не может отказаться от чувства, овладевшего всем его существом.

Мне грустно и легко. Печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою, —

как бы «вполголоса», в глубокой задумчивости произносит поэт. Но сколько затаенного трепетного волнения, высокой одухотворенности в этих классических строках! Они пробуждают в читателе не только полную жизнеощущения, но и радость соприкосновения с чем-то заветным, облагораживающим, возвышающим.

Если взять в целом любовную лирику Щипачева, то нельзя не почувствовать, что именно эту линию реалистической пушкинской поэзии наследуют его «строки любви». Обращаясь к своему жизненному опыту, раздумывая над «радостями и горестями любви», поэт еще и еще раз воспевает высокую красоту этого чувства («Мне с каждым годом все ясней», «Своей любви перебирая даты», «Поверь — ты вся в моей судьбе»). Атмосфера душевной чистоты и искренности, которая характерна для пушкинской лирики, наполняет и многие стихотворения С. Щипачева о любви. В мире, созданном поэтом, дышится легко и свободно.

В поэтизации волнующего ощущения беспредельности мироздания, множественности миров у С. Щипачева также имелись предшественники в лице создателя русской научно-философской поэзии М. В. Ломоносова, поэтов Веневитинова, Тютчева и других.

В знаменитых «Размышлениях» Ломоносову, как точно подметил Плеханов, удалось передать «дыхание космической поэзии», свое «научное представление о космосе». Неизмеримость вселенной, картины «последнего катаклизма», нетленная чистота «воздушной бездны голубой» тревожили воображение Тютчева, вызвали мучительное желание осмыслить и найти слова для их выражения.

Щипачев в стихотворении «Моя точка зрения» (1948) также мысленно переносится в космические миры. Его влечет полная неразгаданных тайн жизнь вселенной и в то же время глубоко волнуют события современности; поэт приходит к выводу, что «земля, которую ты исходил... дороже далеких светил».

Можно было бы найти в стихах Щипачева некоторые построчные совпадения с лирико-философскими раздумьями выдающихся поэтов прошлого. Однако не они определяют наличие тех связей, которые существуют между поэзией Щипачева и русской классической поэзией. В поэтизации природы, в мысли о целостности мира, в ощущении его непрерывного, диалектического развития, короче — в обобщенном восприятии *мира и*

человека кроются эти конкретные историко-литературные связи.

То и дорого, что лирика Щипачева выросла не на «голом месте», а в живом усвоении и переосмыслении важнейших достижений поэтической мысли прошлого.

Щипачев, восприняв лучшие традиции лириков прошлого, в то же время большинству «вечных» проблем дал свое, подсказанное современностью, решение.

Если передовые представители дореволюционной поэзии могли только мечтать о том времени, когда «будет вечен бодрый труд над вечною рекой» (Некрасов), то наши дни ознаменованы невиданным раньше, повсеместным преобразованием «лица родной страны», напряженным трудом советских людей по созданию «второй природы».

Коренные сдвиги в жизнедеятельности народа нашли отражение в поэзии Щипачева. В его стихах тема природы и тема труда возникают в органическом единстве. Для поэта природа — это мастерская, где человек, неутомимый труженик, «землю может раем сделать — только руки приложить». Даже вселенная кажется ему «одной лабораторией огромной»:

Вокруг тебя творится мир живой,
Входи в него, вдыхай, руками трогай.

Природа, человек и труд объединены в его стихах одной поэтической мыслью, ибо человек, являясь творением природы и высшей формой ее развития, своим «рождением» обязан труду.

Попытка Щипачева вторгнуться в труднодоступную для поэзии область — область отвлеченной, научно-философской материалистической мысли — сама по себе интересна и говорит о его стремлении раздвинуть пределы уже освоенных лирических тем.

Следует заметить, однако, что иногда творческие поиски Щипачева идут по поверхности. Так, важнейшее положение Ф. Энгельса «...мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»¹

---

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., Госполитиздат, 1955, стр. 132.

он перефразировал в следующей, поэтически весьма маловыразительной строфе:

Природа! Человек — твое творенье,
И этой чести у тебя не отберут,
Но на ноги поставил с четверенек
И человеком предка сделал труд.

Совершенно ясно, что перед нами всего лишь стихотворный комментарий. Подлинные же удачи ждут поэта не на пути комментаторства, а там, где есть своеобразное осмысление явлений реальной действительности, свой взгляд на мир, есть внутреннее прозрение, позволяющее художнику свои материалистические убеждения выразить не в отрыве от живых наблюдений, а в органическом сплаве с ними.

Лучшие образцы поэзии Щипачева дают тому немало примеров.

Для лирического героя стихов Щипачева типично ощущение кровной близости с миром живой природы, глубоко заинтересованное, «хозяйское» отношение к ней.

Я в сад вошел.
За мной вбежали тропы.
Здесь говорливы листья на ветру.
Любое дерево, когда могло бы,
Мне руку подало б, как старый друг.
Неспелых яблок каменная тяжесть
Согнула яблоню в росе, в тени.
И мне помочь ей хочется. Ведь даже
Травинке смятой я скажу: тянись!
Тянись! Живи!..¹

Такие чувства в лирическом герое Щипачева вызывают величественные картины родной земли, ее полей, лесов и рек, ее гор и долин, принадлежащих трудовому народу.

Стихи Щипачева о природе насыщены горячей любовью поэта к жизни:

Я рад зайчонку, крошечным букашкам,
Цветам веселым, что они живут.

Поэта бодрит, радостно возбуждает вид летней грозы. Почти физически ощутимая радость, которая

¹ Степан Щипачев. Лирика. М., «Советский писатель», 1939, стр. 28—29.

«плывет, как воздух, над каждой тропой», придает его стихам особую оптимистическую окраску, пронизывает все элементы стиха.

Взяв конкретный факт — заседание парткома, поэт написал стихотворение, в котором проявилась оптимичность его мировосприятия, убежденность в непосредственной связи между буйным «весенним» цветением родной земли и нашими партийными делами.

Еще и на парткоме так
Сидеть случается, друзья:
Заметишь дома, сняв пиджак,
Что ты прокурен до белья.
На улице весна давно,
Дождем обрызгана трава,
А тут еще зима в правах...
Но секретарь рванул окно —
И ветки бросились к рукам,
К его горячему лицу.
Гул самолетов, детский гам.
Землей пахнуло, как в лесу,
Земля от яблони бела,
И годы впереди ясны...
Решать партийные дела
Нельзя, не чувствуя весны.

Да здравствует жизнь! Да здравствует ее цветение! — вот что стоит за динамичными строчками, посвященными секретарю парткома.

Образ цветущей, в яблоневых и вишневых садах, земли — сквозной образ в лирических стихах Щипачева: таково новое восприятие поэтом красоты родной природы.

В стихотворениях Щипачева о природе отсутствуют извечные лирические мотивы о полярности природы и человека: с одной стороны — спокойствие, вечность, всеисцеление, с другой — суетность, бренность, неразрешимая противоречивость. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» называл «бессмысленным и противоестественным» представление «о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой», он предвидел то время, когда «люди снова будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой»¹.

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., Госполитиздат, 1955, стр. 141.

Это «почувствованное и осознанное» единство человека с природой в поэзии Щипачева дало свои живые поэтические ростки. Его материалистическая лирика противоположна творчеству тех поэтов, для которых человеческая жизнь — это «сон, только сон мимолетный», а человек — случайное, необязательное порождение природы, «мыслящий тростник», «ничтожнейшая пыль». И человек и природа — материальны, едины и находятся в диалектическом непрерывном взаимодействии. Бывая наедине с природой, лирический герой Щипачева глядит ей в глаза, «как равный равному». Ощущение превосходства, гордое сознание силы и величия человека кроется в сближении всадника и могучей гряды горных вершин («Бермамыт»).

В стихотворении «Себя не видят синие просторы» (1945) поэт еще определеннее подчеркнул чувство родства человека с миром живой природы и в то же время его превосходство над нею.

Себя не видят синие просторы,
И, в вечном холоде светлы, чисты,
Себя не видят снеговые горы,
Цветок своей не видит красоты.
И сладко знать, идешь ли ты лесами,
Спускаешься ли горною тропой:
Твоими ненасытными глазами
Природа восхищается собой.

Стихотворение отражает итог больших и сложных раздумий поэта. В нем поэтически выражена философская мысль о том, что не «таинственными силам», не «мировому духу» или каким-либо иным олицетворениям бога, а реальному живому человеку дано познавать сокровенные тайны природы и восхищаться ее красотами. Чувство красоты природы особенно характерно для человека труда, который сам, своими руками преобразует и одновременно украшает родную землю. Именно эта идейно-эстетическая основа объединяет стихи Щипачева «Биография речки Рыбинки» (1934), «На парткоме» (1938), «Мичурин» (1938), «Будет сад» (1947) и многие другие. В них поэт прославляет человеческий труд, который вносит разумное начало в самую природу, который способен творить

чудеса: ведь даже «весна придет скорее, когда весне помочь» («Снеготопка», 1940).

С философских, материалистических позиций утверждает Щипачев господство человека над природой также в стихотворении «Читая Менделеева» (1946—1948):

Мы не отступим, мы пробьем дорогу
Туда, где замкнут мироздания круг, —
И что приписывалось раньше богу,
Все будет делом наших грешных рук!

4

Говоря о стихах поэта, в которых изображена природа родной земли, переданы его размышления об окружающем нас реальном мире, мы искусственно сужаем тему, ибо в этих же стихах поэт размышляет и о будущем, о потомках, которые придут на смену нашим поколениям и перед которыми мы «в ответе» за судьбы родины. Мягкий юмор, светлая грусть, сожаление о промелькнувшей юности, назидательные нотки, задумчивость — да мало ли самых разнообразных эмоциональных оттенков имеют те же стихи: «Мне кажется порой...» (1938), «Календарь» (1939), «С временем бесцельно спорить...» (1947).

Эмоциональное многообразие, свойственное живой поэтической речи, в ранних стихах Щипачев сводил, по сути дела, к декламационности, к громкой фразе. Только непосредственное ощущение живой читательской аудитории позволило ему преодолеть интонационную «скованность», заговорить простым, «обычным» голосом.

Сейчас трудно представить себе поэзию Щипачева без юмора, мягкой иронии. В стихотворении «По дороге в совхоз» (1939) рассказывается о молодом учителе, которого с «попутчицей случайной» застиг проливной летний дождь.

Они под клен свернули,
Его листва густа,
Но падает сквозь листья
Тяжелая вода.

Накрылись с головою
Они одним плащом,
И девушка прижалась
К его груди плечом...
Идет в район машина.
Водителю смешно:
Стоят, накрывшись, двое,
А дождь прошел давно.

Настолько велика полнота жизни, запечатленная в стихотворении, что нельзя не улыбнуться вместе с водителем проезжей автомашины искреннему проявлению молодости и счастья. Неожиданный поворот поэтической мысли окрашивает все стихотворение задорным, лукавым юмором.

Совсем иное настроение передает Щипачев в стихотворении «Свет звезды» (1938).

Вечерний свет звезды
Мерцает в тишине.
Задумались сады,
И стало грустно мне.

Он здесь, в моем окне,
Звезды далекой свет,
Хотя бежал ко мне
Сто сорок тысяч лет.

А вам езды-то час,
И долго ли собраться!
А нет, чтоб догадаться
Приехать вот сейчас.

Ни одним словом не обмолвился герой стихотворения о том, как велика его любовь, как томительно ожидание новой встречи. Но необычное сопоставление космических пространств и действительно кратких расстояний в одном и том же городе задерживает наше внимание, порождает грустную улыбку: вместе с героем стихотворения нам хочется увидеть этого бесконечно близкого человека. На какое-то мгновение нам передается его, героя этих стихов, чувство, мы проникаемся его настроением.

Лирическая ирония «выручает» поэта даже в его размышлениях о смерти, о конечности собственного

существования. Смерть придет, и «две даты наберут под карточкой моей», — пишет он в стихотворении «Две даты» (1939). Вся жизнь вместится «в какой-то миллиметр», который соединит эти две даты. Вся жизнь! Но

...если ты мне друг, у гроба повтори:
Что, мол, ни в чем длинот не выносил старик.

Это остроумное, изящное стихотворение особенно характерно для Щипачева-художника. Поэт умеет найти неожиданный сюжетный поворот, смягчить серьезную мысль теплой человеческой улыбкой.

Лирический цикл «Бессмертие», в котором было опубликовано стихотворение «Две даты», произвел впечатление на читателей. И сама тема, редко разрабатываемая в советской поэзии, — лирик прямо и искренне заговорил о том часе, с которым «не разминуться» ни одному человеку, о смертном часе, — и характер поэтического освещения темы привлекали свежестью и новизной.

Стихи Щипачева «О снежинке», «Мне кажется порой...», «Старик», «Мичурин», «Пчела кружилась над цветком», «Весеннее», «С временем бесцельно спорить», «Когда на свете не было меня...» написаны в разное время, различны они и по интонации и по выразительным поэтическим средствам. И все же нельзя не почувствовать их глубокого внутреннего единства. Мысленным взором проникает поэт в тот дальний век, в котором он хотел «хотя б снежинкой быть»,

Чтоб, над землею с ветром пролетая,
На жизнь тогдашнюю хоть раз взглянуть,
В морозный день над тополем порхнуть
И у ребенка на щеке растаять.

В стихах поэта о «той, даже мыслям недоступной дали» встречаются будничные предметы, знакомые образы: резкий зимний ветер, закруживший снежинку, тополь, ребенок. Чувство наше приобретает конкретные, «материальные» формы, нам тревожно и сладостно хочется взглянуть на «тогдашнюю жизнь», в которой, утверждает поэт, будут существовать и цветы,

и травы, и деревья, и снега, и дети, — мир останется таким же материальным и реальным, каким он является при нашей жизни.

Для поэта-декадента вместе с его собственной смертью наступает гибель всей вселенной.

Покуда я живу — вселенная сияет,
Умру — со мной умрет бестрепетно она. —

писал один из предшественников русского декадентства — К. Фофанов. Для советского лирического поэта Щипачева его собственная смерть вовсе не означает гибели всего существующего. В стихотворении «То приснилось...» (1944) он пишет:

Годы, годы... пролетая,
Не воротятся назад,
Но цветет, не увядая,
Вечной молодости сад.

Вечен в природе процесс обновления жизни, процесс рождения, изменения и умирания для нового рождения. Поэт подмечает его всюду, всюду находит примеры бесконечного развития внешнего мира. Пишет ли Щипачев о недолгой жизни цветка, или о пчеле, собирающей добычу «трудную свою», или о старике садовнике, чей жизненный след запорошат яблони легким белым цветом, — во всем он подчеркивает непрерывность изменений, переход из одного состояния в другое.

Была недолгой жизнь цветка...
Зима. Метелица метет,
Буря влетает в сени.
Но аромат цветка живет
В сухом колхозном сене,
В струе парного молока
Звенит степная жизнь цветка,
И если песня хороша,
Любую тронь строку —
Пусть вьюги все запорошат —
И в песне жить цветку.

Миллионы лет прошло с тех пор, как дерево, о ствол которого боком чесался «детеныш-динозавр», исчезло, и оно не повторится в своем прежнем каче-

стве. Но комната, отапливаемая каменным углем, светла, и, «может, есть частица в ней и его тепла». Стихотворение «Пчела кружилась над цветком», казалось бы, логически заканчивается строчками:

И жизнь твоя, как ни долга,
Пройдет, как век цветка.

Но в таком виде стихотворение выражало бы лишь сожаление о быстротечности человеческой жизни, чего никоим образом не хотел сказать автор. Поэтому Щипачев полемически заостряет концовку:

Но так ли песню нам сложить,
На том ли кончить нам,
Когда народу вечно жить
И вечно жить цветам?

Бессмертен народ, бессмертна и живая, вечно юная природа — такова заложенная в этом стихотворении мысль о непрерывном развитии окружающего нас мира.

Поэт настолько ощущает свою связь с природой, настолько чувствует свою принадлежность к миру живой природы, что сама мысль о смерти кажется ему неправомерной.

Мне кажется порой, что я
Вот так и буду жить и жить на свете!
Как тронет смерть, когда — кругом друзья,
Когда трава, и облака, и ветер —
Все до пылинки — это жизнь моя?

Однако это чувство слияния с природой не всегда получает в стихах Щипачева художественно-убедительное выражение. Так, например, в стихотворении «Когда на свете не было меня» (1943), стремясь доказать единство всего существующего, расширить свое «я» до пределов макрокосма, поэт отрывается от реальной почвы и впадает в откровенный «космизм», отвлеченность, беспредметность.

Когда на свете не было меня,
Я и тогда существовал на свете
В росинке, в прахе, в яблоневом цвете, —
Да мне и солнце кровная родня.

В своих щедротах расточая пыл,
Горит, сияет гордое светило.
Никто не высчитал, когда так было,
Но я одной туманностью с ним был.

При всей увлекательности замысла стихотворения, нас не покидает ощущение его незавершенности: кажется, что вот-вот поэт скажет то главное, ради чего, собственно говоря, он и совершил мысленное путешествие в отдаленное прошлое мироздания. Но стихотворение обрывается как раз тогда, когда должен был бы произойти поворот к нашему «земному» опыту, нашему пониманию жизни вселенной и существования в ней человеческого «я».

5

Герой известного романа «Далеко от Москвы» В. Ажаева, Багманов, припомнил как-то в разговоре со своим другом Залкиндом популярные строки из стихотворения Щипачева:

Любовь с хорошей песней схожа,
А песню не легко сложить.

Этот далеко не единственный пример широкого распространения афористических щипачевских строк особенно нагляден: приятели ведь беседовали о самом сокровенном — о верной любви, о семье.

Советское общество, влияя на формирование всех сторон человеческой природы, облагораживая, развивая, героизируя характер человека, формирует и такую, казалось бы, интимнейшую сферу его жизнедеятельности, как чувства любви, отцовства, материнства, активно борется с пережитками капитализма в быту и в сознании людей.

С этой интимнейшей сферой личной жизни человека теснее всего связана лирическая поэзия. Не случайно в читательском обиходе под «лирикой» понимается прежде всего «поэзия любви и о любви».

Стихи Щипачева о «неизменной» любви довольно точно передали сущность новых отношений между любящими сердцами, их крепнущее доверие и взаимоуважение. Его любовная лирика была «принята» ши-

роким читателем не только потому, что это были вообще «стихи о любви», но и потому, что в ней нашла выражение правда нашего времени.

В своих лирических стихах Щипачев воспевает «близость нежную, согласие навек». Поэт широко использует образы из мира окружающей природы. Образ неразлучниц-лип, которые «родились вместе, и поднимались вместе, и старятся рядком», двух звезд, почти «сливающихся в одну», облекает мысль поэта в конкретные формы.

Незамысловатые стихотворные строчки о двух липах — всего лишь поэтический «зачин», главная же эмоциональная нагрузка ложится на вторую половину стихотворения, передающую глубокое волнение поэта:

Скажи, ну как могли бы
Мы друг без друга жить!

Без этого образа лирическая миниатюра была бы суха и назидательна, а мысль поэта выражена неполно.

Счастье взаимной любви — огромное счастье, без которого невозможно существовать, которым нужно дорожить, которое нужно оберегать. Оно в наших руках, поэтому человек обязан дорожить любовью, должен пронести ее через все разлуки и все испытания, через «слякоть и порошу», которые встречаются на жизненном пути. Радость «светлой любви», говорит поэт, тем дороже, что она завоевана народом в ожесточенных боях. Об этом написана трогательная лирическая новелла «За селом синел далекий лес» (1937). В первый раз в жизни молодой буденновский боец «у межи девчонку целовал».

Был у парня заливчатский зуб,
На губе — мальчишеский пушок.
Звал горнист... Но парню хорошо,
И девчонке этот парень люб.

В кавалерийской атаке буденновец был «пулей срезан наповал».

Шли года.
Подумай над строкой,
Незнакомый друг мой дорогой.
Может быть, тебе семнадцать лет,

И в стране тебя счастливей нет.
Светят звезды, город сном повит,
Ты влюблен, ты обо всем забыл...
А быть может, счастлив ты в любви
Потому, что он не долюбил.

Стихотворение «За селом синел далекий лес» имеет своего «адресата» — молодежь, покидающую «зеленого детства тропу» и вступающую в самостоятельную жизнь. Именно к молодому другу-читателю чаще всего и охотнее всего обращается поэт в своих «светлых раздумьях» о любви. «Тебе семнадцать скоро...» — пишет он, обращаясь к юной девушке, впервые мечтающей о том, кто «сумеет тридевять земель пройти», чтоб не другую, а ее найти...

Во многих стихах Щипачева заметно искреннее желание приобщить читателя к своему миропониманию, поделиться с ним и «горькими уроками» и счастьем разделенной любви.

Мы все мечтаем о любви большой,
Чтоб каждый миг, когда вдвоем, был дорог, —
И вдруг сойдешься с женщиной, с которой
За год, за два состаришься душой.
Счастлив, когда такую ты найдешь,
С которой, сединою убеленный,
До старости до самой доживешь,
До грани дней, как юноша влюбленный!

В своей лирике поэт не пытается завоевать симпатии читателя ни особой интимностью, ни пламенностью выражения чувств. Он сдержан и естествен во всем.

И. Эренбург в «Письме к поэту» метко определил основную особенность поэтического характера Щипачева, как «душевное целомудрие», которое диктует ему сжатую форму стиха.

Немногословность его лирического героя скрывает глубокое, затаенное чувство, которое почти никогда прямо не выражается. Большая нежность к женщине-другу, привязанность, простота и целомудрие отношений передаются через побочные и как бы второстепенные штрихи. Характерно в этом смысле стихотворение «Примета» (1938). На первый взгляд, в нем сказано

лишь о народной примете: «Когда черемуха цветет, холодный ветер на свободе». Вместе с тем вся атмосфера стиха проникнута подлинной сердечностью и чуткостью отношений к любимой женщине, душевной заботой о ней.

В суровые дни Великой Отечественной войны в новом ореоле предстала любовь лирического героя стихотворений Щипачева, любовь «на всю жизнь», любовь, которая никогда «не проходит». Сколько людей в его коротких строчках искало и находило поддержку, обретало уверенность, духовно обогащалось! И разве вместе с поэтом они не повторяли:

...нас не разучила и война
Хранить в сердцах с великими словами
Простые наших милых имена!

Сама жизнь показала, что в «книгу вечную любви» Щипачев «прибавил» не одну новую строку.

В лирических стихах Щипачева, посвященных любви, мало внешнего драматизма. Но это отнюдь не значит, что его лирика любви безоблачна, идиллична, что лирическому герою стихотворений Щипачева неизвестны горести любви, неизвестно «любви помраченье», когда «ей цену забудешь вдруг». В стихотворениях «Наивен, кто в любви искал покоя...» (1946), «Бывает полно значенья...» (1947), «Мы все мечтаем о любви большой...» (1946), «Опять тревожно, больно сердцу стало» (1947) прямо говорится о «превращениях» любви, о том, что «нежданно в ней случается такое, чего уж не поправит даже смерть».

Любящие «самозабвенно» могут сохранить большое и радостное чувство любви, «близость нежную, согласие навек», если сберегут «доверие и откровенность», если будут видеть перед собою огромный мир, полный «радости и красоты». Их любовь выдержит все испытания.

Какие бы ни миновали сроки
И сколько б я ни исходил земли,
Мне вновь и вновь благословлять дороги,
Что нас с тобою к встрече привели.

(«Своей любви перебирая даты», 1944)

В этих и многих других лирических строках Щипачева проступает ценнейшее качество его поэзии — цельность характера лирического героя, его душевное здоровье и моральная чистота. Отсутствие какой бы то ни было рефлексии, раздвоенности в «делах любви», целомудрие интимнейших раздумий поэта и снижали лирике Щипачева широкую популярность как среди советских, так и зарубежных читателей.

Но не только духовный облик самого героя воссоздает его поэзия. Как бы помимо воли автора, но в то же время отчетливо перед нами возникает образ той, которой посвящены все помыслы поэта: женщина, друг, товарищ по жизни, принявшая «бури и ветра» и устоявшая перед ними.

В отдельных стихах Щипачев прямо ставит перед собою творческую задачу — передать характер любящей и любимой женщины, ее высокие душевные качества.

В 1937 году им было написано чудесное стихотворение «Березка», основной образ которого — «девушка-березка» — имел неизмеримо большее значение, чем простое сравнение березки с девушкой.

Идейно-смысловой подтекст «Березки» и позволяет считать ее образ лирическим выражением человеческого характера.

Ее к земле сгибает ливень
Почти нагую, а она
Рванется, глянет молчаливо, —
И дождь уймется у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
В победу веря наперед,
Ее буран берет за плечи,
За руки белые берет.

Но, тонкую, ее ломая,
Из силы выбьются... Она,
Видать, характером прямая,
Кому-то третьему верна.

Любопытна история создания стихотворения.

«В мае 1936 года, — пишет поэт, — будучи за городом я зашел в один дом. Переступив порог, я уви-

дел в синем квадрате окна тонкую, гибкую березку, с только что распустившимися листьями. Она невольно сливалась для меня с женским образом. В тот же день... я написал две строфы... Дальше слова не шли, а стихотворение было явно не закончено... Несколько раз потом я снова возвращался... и снова откладывал, не добившись толку... И тот образ женщины, который виделся в березке, оставался незаконченным. Тут требовалась строфа... которая бы помогла раскрыть характер женщины, ее душевную цельность. Только через год, еще раз вернувшись к этому стихотворению, я одолел неподатливую строфу»¹.

Трудность работы над стихотворением «Березка», помимо чисто творческих причин, объяснялась тем, что Щипачев стремился воплотить в нем цельный лирический характер и передать основные черты этого характера: нестигаемость, стойкость, преданность, верность.

Образ березки в русской литературе традиционен. Традиционен он и в устной народной поэзии. Символ чистоты, простоты, скромности — вот что такое устно-поэтическая «березонька кудрявая». Образ, созданный Щипачевым, близок народно-песенной и литературной традиции. «Характером прямая», щипачевская «Березка» стала одним из самых популярных лирических произведений.

Осенью 1939 года С. Щипачев принял участие в освободительном походе Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию.

В последних номерах журналов «Красная новь» и «Новый мир» за тот же год поэт опубликовал два цикла стихотворений («Под Галицийским небом» и «В Западной Украине»), в которых запечатлел мысли, чувства и переживания участников похода. Но эти циклы — больше, чем поэтическая хроника или лирический дневник. Такие стихи, как «Вступление в Черт-

---

¹ Степан Щипачев. Стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1954, стр. 14—15.

ков», «У могилы бойца», «Здесь было горе горькое бездонным», привлекли внимание многих.

Конкретный факт — множество каменных и гипсовых изваяний мадонн на перекрестках сельских дорог Западной Украины — послужил для создания стихов, насыщенных пафосом обличения и негодования против господствующих сил старого мира:

Здесь было горе горькое бездонным,
Нуждой исхожен невеселый шлях,
Где каменные польские мадонны
С младенцами грудными на руках.

Они глядели в сельские просторы,
Где за сохой крошился тощий пласт,
Единственные матери, которым
Слезами горе не мутило глаз.

Стихотворение «Здесь было горе горькое бездонным» раскрывало малознакомую для советского читателя действительность и является обобщающей картиной жизни трудящихся в панской Польше. В то же время это лирическое стихотворение, основанное на личном наблюдении и субъективном переживании. От тягучего, медленного ритма до композиционного построения — все приведено в соответствие с главной идеей стихотворения, которая выражена в последних его строках.

Значительно и другое стихотворение западноукраинского цикла — «Вступление в Чертков». В строках «цветами встречают нас. И радуга над нами, как арка триумфальная стоит» — поэтический образ радуги, как триумфальной арки, приобретает обобщающий смысл, — ведь в стихотворении речь идет об освобождении веками угнетавшегося народа.

Давая «эмоционально развивающийся реальный образ» (А. Толстой) в конце стихотворения, вкладывая в него большую силу чувства и напряженность мысли, Щипачев тем самым привносит элемент неожиданности и новизны в трактовку всего стихотворения.

Тематически к этим стихам примыкает и написанное в 1938 году стихотворение «Танки в колхозе».

Первые строки его создают обычную жанровую картинку: во время летних маневров «за огородом дедушки Тараса» остановились танки. Сбежались колхозные ребяташки. Танкисты, открыв люки, прыгают к детворе,

Стирают светлые росинки пота
И припадают к ковшику с водой,
Как будто, до заката проработав,
Они вернулись с пахоты домой.

Образ, заключенный в последних двух строчках, не только обогащает наше представление об этих танкистах, вероятно, в недавнем прошлом — колхозных хлеборобах, но и по-новому раскрывает идею стихотворения, повествующего о кровном родстве героической Красной Армии и трудового народа, о миролюбивом характере советских людей.

Стихи Щипачева нашли путь к сердцу читателя. Даже самому неискушенному в поэзии человеку были понятны и «находки» поэта и весь строй его мыслей и переживаний. Определяя причины популярности лирики Щипачева в предвоенные годы, А. Н. Толстой писал: «Это свежо, это умно, это лирично, вам кажется, что вы и сами порой так думали и чувствовали»¹.

---

¹ А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 15. М., Гослитиздат, 1953, стр. 350.

Глава четвертая

В БОЕВОМ СТРОЮ

1

Через два дня после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз — 24 июня 1941 года — в числе многих тысяч добровольцев С. Щипачев уезжал на Северо-Западный фронт, в действующую армию.

Поезд в полночь уходил на фронт.
Нежных слов ты мне не досказала.
Помнишь ли сегодня тот перрон
Затемненного вокзала?

Я, обняв тебя, глядел в глаза.
Новые ремни на мне скрипели.
Да, друг другу многого сказать
За двенадцать лет мы не успели, —

вспоминал он в 1942 году об этом суровом и тревожном расставании.

Много месяцев войны провел Щипачев в рядах Советской Армии в качестве работника фронтовой газеты «За Родину». Бомбежки, артобстрелы, напряженная бессонная работа в редакции, горечь отступления — все пришлось ему испытать в этот первый, самый тяжелый период военных действий.

Щипачев был в частях действующей армии, которым под давлением превосходящих сил противника пришлось отступить и временно оставить старинные русские города Псков и Новгород. Но и в дни отступления поэта не покидала уверенность в торжестве «правды великой, правды народной» (А. Твардовский), в победе сил коммунизма.

Эта уверенность рождалась близостью к народу, общими, говоря словами Маяковского, «слезами из глаз». Народные переживания, думы, чаяния были переживаниями и размышлениями самого поэта.

Одно из первых военных стихотворений Щипачев написал в августе 1941 года. Это стихотворение о фронтовом шоссе, которое развернулось перед его глазами, изрытое бомбами, наполненное гулом и лязгом движущихся автомашин, тягачей, танков, цистерн, конных и пеших людей. И хотя «трудны недели фронтовые», шоссе «ведет не просто на передовые, оно к победе все устремлено». Устремленность к победе — характерная черта щипачевской лирики с первых дней войны — показывает глубину и силу патриотических чувств поэта.

Как и всякому фронтовику-газетчику, С. Щипачеву приходилось писать корреспонденции, листовки, подписи к плакатам, воззвания и призывы в стихах. Время требовало немедленного отклика на важнейшие события военной действительности.

Восьмого августа 1941 года газета «Правда» сообщила о героическом подвиге младшего лейтенанта В. В. Талалихина, протаранившего немецкий самолет «Хейнкель-111». И Щипачев тут же пишет стихотворение «Таран», в котором прославляет подвиг храброго летчика.

Мужественной Зое Космодемьянской он посвящает стихотворение «Партизанка».

Большое распространение за годы войны в советской поэзии получили стихотворения, в которых во всей доподлинности воспроизводился и сам факт героического подвига и фамилия воина, свершившего его. Стихотворения-очерки можно найти в сборниках военных лет А. Твардовского, А. Суркова, А. Про-

кофьева, А. Яшина, П. Шубина и многих других поэтов.

Стихотворения Щипачева «Боец Садоха», «Про танкистов» (о лейтенанте Осадчем), «Арсентий Дмитриев», «В разведке», лирические стихи, посвященные Ф. С. Барышникову, являются именно такими «стихотворениями-очерками», в которых имя героя ложится в песню «словом золотым».

Многие из стихотворений военного времени так и остались на страницах фронтовой газеты, лучшие — вошли в сборники поэта. За время войны вышло одиннадцать сборников стихотворений Щипачева. Наиболее интересными книгами Щипачева военных лет были: «Родина» (1941), «Фронтовые стихи» (1942), «Полдень» (1942), «Отчизна» (1943), «Избранное» (1944), «Домик в Шушенском» (1945), «Строки любви» (1945).

В годы войны Щипачев активно выступал и на страницах центральной периодической печати: в «Правде»¹, в «Литературной газете», в журналах «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», «Огонек», «Красноармеец», а также в отдельных литературно-художественных сборниках. Особенно деятельным было участие С. Щипачева в работе журнала «Красноармеец», пользовавшегося в те годы исключительной популярностью. Щипачев с 1942 года до конца войны руководил поэтическим отделом журнала.

Редкий номер «Красноармейца» выходил без стихов поэта, без стихотворных подписей к фотографиям воинов, к карикатурам известных советских художников. В журнале были опубликованы лирические циклы Щипачева о любви и дружбе: «Из фронтовой поэзии», «Из тувинского цикла», «Лирические стихи», «Строки любви».

В дни войны неизмеримо вырос интерес к творчеству Щипачева: его лирика была близка советским людям своей отчетливой патриотической направлеч-

---

¹ В связи с выходом десяти тысячного номера «Правды» в 1945 году Щипачев среди других писателей, активно сотрудничавших в «Правде», был награжден орденом Красной Звезды.

ностью¹. Весь строй его поэзии, весь духовный мир, открывающийся в его стихах, отражал нашу советскую действительность, был порожден советской эпохой.

У А. Твардовского в поэме «Василий Теркин» есть знаменательные слова: «На войне душе солдата сказка мирная милей». Сказанные лирическим героем поэмы в главе «От автора» полушутя, они хранят серьезный смысл и важны по существу. Дело далеко не в том, что на фронте временами появляется желание отдохнуть от суровых будней и опасностей, забыться «сказкой мирной». Нам думается, что поэт вкладывал в эту фразу иной смысл. Оторванный на много лет от родного дома, ежедневно рискующий жизнью, советский человек в боевой обстановке, вспоминая о том, «как жили до войны», разговаривая с товарищами по окопу о довоенном времени, мысленно обращался к тому образу жизни, который нарушило нападение гитлеровцев и который он шел защищать.

Желание переосмыслить еще раз все то, чем жил и что чувствовал советский человек до войны, переоценить какие-то моральные ценности в свете грозных событий Отечественной войны нашло отражение во многих произведениях литературы. Это желание естественно, и определено оно самой действительностью. Оно заставляло вновь обращаться к книгам любимых авторов, верно отразивших довоенную жизнь, к воспоминаниям и размышлениям о пережитом и прочувствованном, оно было конкретным проявлением патриотических чувств.

В стихах Щипачева фронтовой читатель находил живой отклик на волновавшие его чувства, переживания. Он сердцем принимал всеобъемлющую тему поэта — тему Родины, к которой, в конечном счете, восходила вся его довоенная лирика.

---

¹ Общий тираж книг Щипачева, вышедших в 1937—1941 годах, составляет 68 000 экземпляров; за годы войны общий тираж сборников Щипачева — 205 000 экземпляров. Уже простое сопоставление этих данных говорит о росте популярности лирики Щипачева именно в годы Отечественной войны.

Тема социалистической Родины классическое выражение получила в поэзии Маяковского. Но эта тема безгранична и безграничны возможности ее творческого преломления. Советским людям близка и понятна патриотическая лирика Сергея Есенина, лирический цикл «На поле Куликовом» А. Блока, его поэмы «Скифы» и «Двенадцать». В. Брюсов и Д. Бедный, Н. Полетаев и Э. Багрицкий и многие другие поэты лучшие свои стихотворные строки посвятили Родине.

В дни войны патриотическая тема в советской поэзии выступила во всей своей многогранности, от первого проявления чувства патриотизма — «пристрастия к полям, холмам родным, золотым играм детских лет» (Н. Добролюбов) — до широкого понимания патриотизма, как существеннейшей части нашего мировоззрения.

Советская литература военного периода — не только правдивая летопись жизни фронта и тыла, хроника боевых и трудовых подвигов советских людей. Советская литература, подлинно народная литература, отражала думы народа о войне, переживания народа, связанные с войною, была литературой больших художественных обобщений и типических образов.

Повседневное участие в жизни фронта и тыла позволило советским писателям в самом ходе войны создать выдающиеся произведения социалистического реализма, показать историческую обусловленность уничтожения фашизма и непобедимость советского строя, основанного на высших принципах демократии и гуманизма.

Советские писатели разоблачали перед всем миром чудовищную преступность политических идей врага, рассказывали о насилиях, творимых фашистами над мирным населением временно оккупированных территорий.

«Мы, — говорил в дни победы на Десятом пленуме правления ССП СССР Алексей Сурков, — писали злые, негодующие, призывающие к уничтожению и кровавому возмездию стихи, но ни единой ноткой шо-

винистического человеконенавистничества не оскорбила себя поэзия молодого социалистического общества»¹.

В этих словах поэта-фронтовика выражены прекрасные, неиссякающие даже в условиях суровой борьбы со смертельным врагом, гуманистические тенденции советской литературы. Не случайно в дни небывалых испытаний, которым подвергся Ленинград и его жители во время блокады, Вера Инбер пишет в осажденном Ленинграде поэму о советском гуманизме, — поэму, в которой провозглашается «Верую» величю сердца человеческого (Маяковский), духовной силе советского народа.

Для советской литературы периода войны не характерен узкий «батализм». Воин в изображении советских художников показан прежде всего человеком, которому доступны все истинно человеческие радости и горести, в душе которого живут и любовь к мирному созидательному труду, и непоколебимое желание отстоять это счастье мирного труда, и сознание долга перед другими народами Европы, стонавшими под игом гитлеризма.

Со всей остротой война поставила вопрос о своевременности поэтического отклика на события. Война показала, что тот, кто прикрывается обветшалым изречением, будто «под гром оружия безмолвствуют музы», стоит на антинародных, антипатриотических позициях. «Те из писателей, — говорил в 1942 году А. А. Фадеев, — которые в такое великое историческое время ждут, чтобы материал «отстоялся», чтобы прошло время, как художники — люди конченные. Время пройдет мимо них»².

Опыт советской литературы военных лет свидетельствует, что, наряду с художественной публицистикой и очерком, одним из наиболее мобильных литературных жанров в первые дни войны оказалась лирика. Лирическое начало пронизывало как стихи, так и поэмы, созданные в годы войны. «Киров с нами» Н. Тихо-

---

¹ «Литературная газета», 17 мая 1945 г.

² «Литература и искусство», 3 февраля 1942 г.

нова, «Пулковский меридиан» В. Инбер, «Домик в Шушенском» С. Щипачева, «Пропавший без вести» Е. Долматовского, «Россия» А. Прокофьева, «Зоя» М. Алигер, «Сын» П. Антокольского, «Знамя бригады» А. Кулешова, «Жажда» М. Рыльского — все эти различные по художественному воздействию, по форме и мастерству вещи являются лиро-эпическими произведениями.

Даже в крупнейшем эпическом произведении военных лет, поэме «Василий Теркин» А. Твардовского, лирический герой, автор поэмы, выступает во всех главах рука об руку с Василием Теркиным, подчеркивает свою заинтересованность в судьбе Теркина, многократно обращается к «другу-читателю».

«Интересный процесс произошел в литературе, — отмечал на третьем году войны А. Сурков, — публицистическая, газетная тема переходит в тему лирическую». И, перечислив имена виднейших поэтов — К. Симонова, О. Берггольц, А. Прокофьева, И. Уткина, М. Исаковского, — активно работающих в лирическом жанре, Сурков продолжал: «Личная лирика! Кажется, что на войне на личную тему как-то неудобно и писать. А Симонов написал большой цикл лирических стихов. И Долматовский, и Маргарита Алигер, и Ольга Берггольц написали чисто лирические стихи, и они, оставаясь интимной лирикой, не вышли из темы войны»¹.

Война требовала воинских маршей... И они были созданы советскими поэтами, — их услышал весь мир, их пела вся страна. «Священная война» В. Лебедева-Кумача, «До свиданья, города и хаты» М. Исаковского, «Песня смелых» А. Суркова, — прекрасные памятники советского песенного творчества в дни Отечественной войны. Сам народ превращал некоторые лирические песни в боевые марши. Незамысловатая лирическая песенка «Лизавета» (слова Е. Долматовского, музыка Н. Богословского) стала солдатским маршем, гремевшим и в запасном полку в Зауралье и в походных колоннах у стен Сталинграда.

---

¹ «Литература и искусство», 12 февраля 1944 г.

Война требовала призывов... И советские поэты создали публицистику самого высокого накала. Пламенные публицистические стихи советских поэтов были теми необходимейшими прямыми обращениями к родному народу, которые, особенно в первые дни войны, ничем нельзя было заменить и в которых поэт делился с народом своими мыслями и чувствами.

Но война вызвала к жизни и глубокую личную лирику, определила ее тематическое и идейно-эмоциональное разнообразие.

Общее большое переживание сближает людей, заставляет теплее, душевнее относиться друг к другу, вызывает желание делиться личным, давно задуманным, заветным. Таким общим большим переживанием была война. Общепризнанный характер Великой Отечественной войны обусловил особенно тесное слияние и взаимопроникновение героического и лирического, гражданского и интимного начал в поэзии. В центре всех событий война поставила человека, воспитанного социалистическим строем. Она явилась испытанием крепости всех моральных качеств человека. От каждого члена общества война потребовала максимального напряжения сил, дисциплинированности, стойкости, безоговорочного подчинения личных интересов интересам народа, интересам общества.

В этой повышенной эмоциональной, моральной, интеллектуальной напряженности жизни человеческой личности — источник бурного развития советской лирической поэзии в дни войны.

По многочисленным печатным свидетельствам фронтовиков, в дни войны еще сильнее хотелось услышать в стихах слово о любви, о дружбе, о родных и близких, оставленных дома. Тяга к народной *лирической* песне — одна из самых характерных черт фронтового быта.

Поэтому огромной любовью народа в дни войны, наряду с поэзией публицистической, поэзией «разговорного» жанра, рассчитанной на непосредственное ораторское обращение к аудитории, пользовались те стихи, которые решали тему войны в личном плане,

имели негромкое звучание, не рассчитанное на широкий круг слушателей.

«...Всякий, бывавший на переднем крае, — писал И. Эренбург в «Письме» к Щипачеву, — знает, что среди грома боя потрясает сердце песня полевой птицы, смех ребенка, тихий человеческий голос. Ваши стихи особенно отчетливо слышны, потому что они тихи»¹.

Советские литераторы в ходе войны создали замечательную лирическую поэзию, которая поднялась до вершины *народной лирики*, сумели выразить многообразие чувств и переживаний советского человека, воина и защитника отечества.

Не следует забывать, что в дни войны существовала и другая поэзия, поэзия реакционных кругов Запада. Эстетский, формалистический характер своего творчества эти далекие от подлинных народных интересов поэты пытались прикрыть утверждением, будто бы современная «война стальных машин» гасит поэтическое вдохновение и обрекает лирика на молчание. Другой разновидностью сознательного отхода от задач, диктуемых величайшей в истории человечества битвой за спасение цивилизации, была так называемая теория «поэтического ковчега», апологеты которой предлагали лирикам не печатать своих стихов, а прятать их в железный сейф, впредь до окончания всех войн.

Выступавшие в первых рядах борьбы с фашизмом прогрессивные народные силы питали творчество большинства выдающихся поэтов современности. Поэзия Н. Хикмета, Л. Арагона, Пабло Неруды, И. Бехера, Николаса Гильена, Эриха Вайнерта, Станислава Неймана была проникнута горячей любовью к героическому советскому народу, находила широкий отклик в сердцах всех честных людей. Созданные ими произведения родственны советской поэзии боевым активным отношением к действительности, мужественностью интонаций, непоколебимой уверенностью в победе антифашистского фронта народов.

---

¹ «Литературная газета», 15 января 1949 г.

В дни войны Щипачеву не пришлось отказываться ни от индивидуальных, выработанных с годами, творческих приемов, ни от своего стиля, ни от основных тем поэзии. И хотя некоторые критики упрекали поэта в отсутствии «своего особого подхода к теме войны», в действительности война утвердила его в необходимости сохранить и свою щипачевскую поэтическую манеру, и основные лирические темы, и основную тональность стихов. Вернее, не сохранить, а развить дальше, обогатить в соответствии с новой исторической обстановкой.

Война как бы приблизила к жизни, опосредствовала философскую лирику.

Если до войны такие слова, как победа, слава, счастье, жизнь, могущество, смерть, месть были словами «высокого стиля», а пафос поэзии, оперирующий этими словами, несколько условным, «философическим» или «ораторским» пафосом, то во время войны они вошли в быт миллионов людей, наполнились конкретным, величественным и трагическим содержанием, оказались лишенными даже намека на условность и выпренность¹.

До войны Щипачеву было свойственно углубленное восприятие природы. Его лирика природы была поэтизацией человеческого «я», которое не отрывалось от внешнего мира и не противопоставлялось природе.

В военные годы это ощущение близости к родной природе, к природе-матери еще более обострилось. Природа родины — близкая, дружественная и вместе с тем могущественная сила.

Штыком и танками
Мы сами
Победу вырвем наконец,
Но русский наш мороз — он с нами
Пойдет, как рядовой боец.. —

¹ Об этом, в частности, говорил Н. Тихонов на IX пленуме ССП. (См. «Литература и искусство», 12 февраля 1943 г.)

писал Щипачев осенью 1941 года в стихотворении «Туман пройдет над голым лесом»¹.

Даже в таких, казалось бы, будничных занятиях, как фронтовое чаепитие, родная природа принимает «дружеское», «заинтересованное» участие.

От дождя звенит в ушах,
И, хотя не замечаем,
Осень с нами в блиндажах
Греется горячим чаем.

(«Осень», 1941)

Для чужеземца, вторгшегося с оружием в руках в «отчий предел», природа не может быть объектом глубочайшей патриотической настроенности. Для неприятеля она враждебна и чужда. С полным основанием поэт говорил в 1942 году в стихотворении «Весна придет — ее известны сроки...»:

Смешно подумать: нас враги пугают,
Пугают нашей русской весной.

Хозяйское, бережное отношение к природе, которое было характерно для довоенных стихов Щипачева, в дни войны порождает чувство ненависти к врагу, чувство мести. Для долговременной обороны советские танкисты были вынуждены врыть свой танк в яблоневом саду. Упорен и страшен будет этот танк в бою, пишет поэт, еще теснее полягут здесь враги

За то, что яблоням мы подрубили корни
И что весной они не расцветут.

(«В засаде», 1944)

Даже в деталях, в отдельных поэтических образах проступает патриотичность восприятия родной природы лирическим героем Щипачева. Немецко-фашистские войска предприняли ночную танковую атаку (стихотворение «Передний край»). Среди темноты

---

¹ Степан Щипачев. Отчизна. М., Гослитиздат, 1943, стр. 29.

Вдруг светом, нестерпимо белым, ярким,
Хлестнуло по глазам до слепоты.
От сотни фар, как от электросварки,
Белы, мертвы деревья и кусты.

Реалистически точный образ богат и красочен своим подтекстом. В свете фар немецких танков «мертвы деревья и кусты», мертва природа.

Война наложила отпечаток на все восприятие поэта. Вот он видит, что совсем рядом советские истребители идут на посадку. У поэта родилось довольно точное сравнение: «Как будто так, *по-птичьи*, где-то приехали ястребки в хлебах». Но сравнение придавало слишком мирный, идиллический характер всему описанию, поэтому художник и противопоставляет ему другие строки:

Но трезво фронтовое лето
С землей, хрустящей на зубах.
Оно ведет к аэродрому...

(«По дороге на аэродром»)

Образ «трезвого фронтового лета» делает весь пейзаж «увязанным» со временем, насыщенным настроениями военных лет.

В стихотворении «22 июня 1941 года», изображающем варварскую бомбардировку мирного советского города фашистскими самолетами, поэт передает почти физическое ощущение боли.

С трудом всходило солнце над кустами,
В дыму, в пыли, не видя ничего,
А самолеты с желтыми крестами
Пикировали прямо на него.

Земля тряслась, гудела от металла,
И было больно, было тяжело ей,
Но солнце и тогда над нею встало, —
Ему сиять, как родине моей.

Измененный в середине стихотворения ритм, неволь но произносимые с расстановкой слова «И было больно, было *тяжко ей*» усиливают эмоциональное воздействие стихотворения. Тем ярче, тем оптимистичнее зву-

чат его заключительные строки, выражающие веру поэта в свою родину, в свой народ.

Сознание единства наших планов, замыслов и деяний с делами и планами будущих поколений окрыляло предвоенную лирику Щипачева и придавало ей «пространственную объемность».

«Желание перед будущим отчитаться» (А. Сурков) с особой силой проявилось в творчестве многих советских поэтов именно в дни войны. Для Щипачева эта тема всегда была близка, всегда его волновала. Его предвоенное стихотворение «Потомки» оказалось настолько созвучным военной эпохе, что им поэт заканчивает ряд своих военных сборников, его перепечатывают фронтовые газеты, читают с эстрады.

Мысль о том, что тысячекилометровый «передний край» нашей обороны — это «будущего битвой озаренный, счастья нашего передний край», является не только образным выражением военных впечатлений поэта, но и вытекает из всего его предвоенного творчества.

В стихах «Бой идет» (1942) он писал, обращаясь к своим читателям:

Нам идти вперед — в мороз и ветер,
Где дымится черный вражий след.
Бой идет за вечность! Мы в ответе
Не за год — за миллионы лет¹.

Поэт, органически чувствующий неразрывную связь поколений, считает своим долгом запечатлеть в стихах самое характерное, самое типическое из жизни советского народа эпохи Отечественной войны. В стихотворении «Москва в эти дни» (1941) он обращается к потомкам, которым будет трудно представить во всех реальных подробностях Москву ноября 1941 года. И поэт скупыми, выразительными штрихами воссоздает внешний облик прифронтовой столицы: «военные плакаты в коридорах», «адреса друзей» в походных книжках, «сверкание зениток над Москвой», «разгромленные танки, у которых на гусеницах пыль Европы всей».

---

¹ Журнал «Красноармеец», 1942, № 1—2.

Стихотворение Щипачева отразило чувство личной ответственности художника за будущее. Он, художник, обязан сохранить в памяти народа образ города, на дальних и ближних подступах которого проходят бои всемирно-исторического значения. С этой целью поэт и пишет лирическое стихотворение, способное хотя бы эскизно, очерково передать дыхание жизни, грозовую и тревожную атмосферу военных лет.

Такая творческая установка сама по себе обязывает правдиво охарактеризовать эпоху Отечественной войны, глубоко раскрыть чувства и настроения советского человека, активно участвующего в войне.

В 1942—1944 годах Щипачевым был создан большой цикл лирических стихотворений о верности и стойкости в любви и дружбе. Поэт продолжал развитие темы, давно волновавшей его, давно ставшей предметом многих его лирических раздумий и настойчивых поисков. Не оставил Щипачев разработку темы любви и дружбы и в послевоенный период, когда перед ним встали иные, чем в дни войны, задачи, когда его внимание обратилось к иным проблемам действительности.

Обращение к теме верности, преданности в любви не было, конечно, случайным. Война вмешалась в личную жизнь миллионов людей, на долгие годы разлучила их с близкими и родными. Война испытывала крепость чувств разлукой, беспощадно проявляла все, что казалось прочным и устойчивым, а на самом деле не могло выдержать первых серьезных испытаний.

Грозно грянула война,
Разлучила — не спросила,
У скольких любовь она
Первым ветром погасила,
В прах — красивые слова! —

писал Степан Щипачев в стихотворении 1945 года.

Одна из особенностей советской лирической поэзии в дни войны состоит в том, что ее гражданский, публицистический пафос не заглушил «интимной», «тихой» темы, а, наоборот, способствовал ее обогащению, возвеличению и глубокому патриотическому звучанию.

«Негасимая любовь» воспевалась поэтами как огромная моральная сила, духовная поддержка солдату, воину, защитнику социалистического отечества. С общественных и гражданских позиций словом презрения и гнева клеймили советские поэты тех, кто не устоял, кто в трудные военные годы соблазнился мещанскими теориями личного благополучия, обывательского «счастья» («Открытое письмо» К. Симонова).

Время войны и переживания, связанные с войною, обогатили любовную лирику Щипачева. «Сегодня бой и завтра будет бой», «Поезд в полночь уходил на фронт», «Опять весна над русскими полями», «Я давно ли брал тебя за руки», «Любовь пронес я через все разлуки» — все эти стихи преисполнены тем теплым человеческим чувством, той нежной заботой о горячо любимой женщине, которые были особенно дороги в дни войны и которые сохранили, несмотря на суровейшие испытания, советские люди.

Вдали от любимой женщины лирический герой Щипачева не столько в духовном общении с ней ищет поддержки, сколько морально поддерживает ту, на чьи «худенькие плечи» легла тяжесть «военных зим». И в этом его отличие от лирического героя чрезвычайно популярного в дни войны дневника «С тобой и без тебя» К. Симонова. Стихотворения Симонова — живой голос человеческого сердца. Но именно для Симонова более, чем для других наших поэтов, чувство любви является скорее, как он сам пишет «бедствием», чем возвышающим человека духовным чувством. В его стихах неуверенность в любви, недоверие к любимой с ее «переменчивою северной душой», «с редкою прихотью неласково сиять» выражены особенно полно. Причем недоверчивость лирического героя стихотворений К. Симонова к любимой распространяется и на других женщин. Рассматривая «смятые карточки» любимых женщин у своих друзей, лирический герой стихотворения «Я пил за тебя под Одессой в землянке...» с тревогой размышляет: «Как будто и вправду нас помнят они». Описанный талантливым рукой мастера «мир страстей и тревог», мир нравственных мучений, конечно, никоим образом не отрицает иной

поэзии любви, поэзии духовного родства и сердечной близости.

Поэтические «раздумья» С. Щипачева о любви прославляют силу и возвышенность именно этого чувства. В них нет ничего «бедственного», «демонического».

Для лирического героя стихотворений Щипачева любовь прежде всего радостное, светлое чувство.

За что б ни взялся, хочется быть первым,
Чтоб ты могла гордиться мной.

Из глубокого ощущения полноты жизни, счастья любви, как чувства, способного возвышать, облагораживать человека, рождается вся лирика любви Щипачева.

Красота, стойкость любви, ее нравственная ценность — основная тема лирических стихотворений Щипачева военного времени. Личные отношения двух людей в изображении поэта чрезвычайно человечны. Их прочность зависит от каждого из любящих, от их уверенности друг в друге, от их самоотверженной преданности общим идеалам.

Говоря о глубоком чувстве, возникшем к женщине, глаза которой поэту «забыть едва ли», Щипачев пишет:

Долгою дорогою земною
Я пошел бы смело за тобой,
Если б не стоял передо мною
Тонкий профиль женщины другой,
Если бы и до сих пор не бредил
Той, которую в счастливый час
Я когда-то в молодости встретил...

И после паузы —

Не затем, чтоб разлюбить сейчас.

(«Мне глаза твои забыть едва ли...», 1944)

В эмоционально-насыщенном четверостишии «Любовь пронес я через все разлуки» — та же тема верности в любви, но верности, уже испытанной войною и поэтому особенно прочной:

Любовь пронес я через все разлуки
И счастлив тем, что от тебя вдали
Ее не расхватали воронки чужие руки,
Чужие губы по ветру не разнесли.

Читая это стихотворение, нельзя не вспомнить горькие есенинские строки, посвященные женщине, которой в жизни «не осталось ничего»:

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.

Щипачев вступает в полемику с Есениным, борется с ним, как когда-то Маяковский, «стихом и только стихом». Грубой чувственности, поэтизации душевной опустошенности, проявившихся в некоторых стихах Есенина, он противопоставляет стойкость, моральную чистоту, глубокую *веру* в человека. В трудные годы войны поэт славит тех, чья «светлая любовь» прошла сквозь всю войну «с гордой строгостью солдаток». Гражданский пафос лирических стихотворений Щипачева придает им общественное звучание, выводит за рамки узкоинтимной субъективистской лирики. В стихотворениях «Грозно грянула война», «Одинокая», «Ты порой целуешь ту, порою — эту...» поэт прямо ставит вопросы общественной морали, приобретшие особую актуальность в дни войны. Он ведет серьезный личный разговор поэта, товарища, друга с теми, сердцу которых «нечем дорожить, любовью некому ответить». Образ одинокого осеннего сада припомнился ему при виде женщины, которая не поверила в силу и постоянство любви.

...грустно знать, что лето
Прошло и нет пути назад,
Что в жизни вы стоите где-то,
Как на ветру осенний сад.

В другом стихотворении поэт говорит:

...страшно стариться тому,
Кто любовь, как мелкую монету,
Раздавал, не зная сам кому.

Душевная опустошенность, омертвелость, «разменянность» этих людей является причиной их неудовле-

творенности личной жизнью, неполноты, ущербности жизнеощущения. Поэта можно было бы упрекнуть в слишком «мягком» осуждении подобных отрицательных явлений в жизни нашего общества, если бы его обращение не было направлено к читателю, — собеседнику и слушателю, — моральный облик которого еще только формируется, который молод годами и жизненным опытом. А в этом случае доходчивее, действеннее всего бывает не скучное нравоучение, не «мораль», в которой «толку нету», а душевная беседа. Средствами лирической поэзии Щипачев вызывает у читателя чувство протеста против утраты человеческого достоинства в любви, против моральной распущенности в быту.

Стихотворения Щипачева военных лет глубже раскрывают образ женщины, который встает со страниц его предвоенных сборников стихов. «Высокие помыслы» лирического героя Щипачева по праву посвящены женщине, прошедшей с ним рука об руку немалый жизненный путь, принявшей «бури и ветра». Годы войны, долгая разлука не могли не состарить любимую женщину. Но для лирического героя ее образ стал более одухотворенным, возвышенным, поэтическим:

Бывают женщины — похожи
На чуть привядшие цветы.
Еще милее мне, дороже,
Еще желанней стала ты.

(«Пусть пристально глядят мужчины», 1944)

Лучшим лирическим стихотворением Щипачева, посвященным любви, является стихотворение 1947 года «Мы строим коммунизм...» Его приподнято-торжественная интонация отлична от мягкой разговорной манеры, в которой написаны другие лирические пьесы поэта. Торжественность, лирическая взволнованность, с которой говорит поэт, объясняется величием темы.

Мы строим коммунизм. Что в мире краше,
Чем этот труд! Где доблести предел?
Предела нет! А кто сказал, что наша
Любовь должна быть мельче наших дел?

Я. может, сам такой любви не стою,
Но, принимая бури и ветра,
Живет, сияет чистой красотой
Любовь — высоким помыслам сестра.

Неоднократно уже отмечалось, что приведенные стихотворные строки перекликаются с вдохновенным гимном В. В. Маяковского в честь «громады любви» человека новой общественной формации:

битвы революций
и любовь
посерьезнее «Полтавы»,
пограндиознее
онегинской любви.
(Т. 2, стр. 341)

Действительно, как и Маяковский, Щипачев ставит в один ряд важнейшие исторические события эпохи и человеческое чувство любви. Ведь что может дать более яркое представление о «громаде любви», как не безграничность трудовой доблести народа, как не величественность наших коммунистических деяний!

По глубокому убеждению поэта, эта любовь «живет, сияет чистой красотой» в наши дни, ее «высокие помыслы» сродни нашим подвигам, мечтаниям, планам, поэтому-то он и утверждает, что наша любовь не должна быть мельче наших дел, поэтому-то он и соединяет воедино три величественнейшие поэтические темы: труд, коммунизм, любовь.

4

Советская лирическая поэзия, как и вся наша литература, находится в непрерывном развитии, в освоении новых тем, подсказанных самой действительностью. Развернувшаяся перед Вторым съездом советских писателей и продолжавшаяся в дни съезда дискуссия о лирике показывает, что развитие происходит не без трудностей, что теоретическая путаница в некоторых актуальных вопросах современной поэзии мешает советским поэтам охватить многообразие, богатство,

сложность жизни советских людей, создать впечатляющий образ нашего современника.

Значение Второго съезда писателей в частности состоит и в том, что был подвергнут всестороннему обсуждению такой горячо и остро дискутировавшийся вопрос, как вопрос о «самовыражении» в лирической поэзии.

Подчеркивая нерасторжимость связей между личным миром поэта и жизнью народа, жизнью общества, протестуя против однотонной обезличенной лирики, поэты, защищавшие «самовыражение» в поэзии, были, по сути дела, чрезвычайно далеки от того реального значения, которое вкладывается в это исторически сложившееся понятие. Их неудовлетворенность равнодушной; обезличенной, рассудочной лирикой, с завидной быстротой распространившейся в послевоенные годы, их убежденность в том, что в каждое произведение поэт должен вкладывать весь свой пафос, всю страсть и весь жар своего сердца, привели к выводу, что принцип «самовыражения» — один из важнейших принципов всей нашей поэзии. С другой стороны, резкая полемика вокруг этой проблемы была вызвана законным опасением многих писателей, что путь «самовыражения» сможет привести к подмене «огромного мира объективной действительности миром поэта, который является лишь частью этого огромного и сложного объективного мира»¹.

Что опасения эти вполне оправданны, свидетельствует длительная борьба передовой писательской общественности нашей страны с чуждыми развитию социалистической лирики тенденциями, которые неоднократно проявлялись в недавнем прошлом и прикрывались большей частью именно терминами «самоуглубление», «самораскрытие», «самовыражение» и т. д.

Если обратиться к поэтической биографии Щипачева и тем оценкам, которые давались его творчеству

---

¹ Самед Вургун, «Советская поэзия». «Литературная газета», 17 декабря 1954 г.

отдельными критиками, то станет ясным, почему так принципиально важно обсуждение вопроса о сущности и характере советской лирической поэзии на Втором съезде советских писателей.

В 1946 году в журнале «Знамя» была опубликована статья К. Зелинского «О лирике», в которой критик, вначале признав, что Щипачев нашел «своего лирического героя», через несколько страниц утверждал совершенно противоположное, а именно, что... «за стихами Щипачева не стоит единый живой, лирически развивающийся организм», что стихи Щипачева «не связываются в единую повесть о лирическом герое». Тем самым критик фактически отрицал наличие в поэзии Щипачева лирического героя, или лирического характера. Причины «распадения» творчества Щипачева на отдельные стихи К. Зелинский находил в том, что Щипачев якобы не умеет распоряжаться «орудием» «самораскрытия» освещающим «тайное тайных» человеческой души.

Развивая мысль о «лирическом самораскрытии», критик предъявил обвинение, по существу, всей нашей лирике военных лет в том, что она слишком описательна, «ищет себе опоры в эпическом, во внешнем, а не во внутреннем материале».

Только путем «реализма самораскрытия», утверждал критик, должна идти советская лирическая поэзия, ибо только «самораскрытие» позволит создавать стихи, в которых будет освещено «тайное тайных» человеческой души, в которых будет «таинственность глубины» и «зов в даль», в которых тема «не может быть точно названа и определена». «Такую лирику, — писал критик, — ...собственно говоря, и нужно было в первую очередь называть лирикой».

Выдвигая эту теорию «лирического самораскрытия», критик способствовал проникновению в нашу литературу справедливо осужденных в свое время идеалистических взглядов на лирику как на поэзию субъективистского, индивидуалистического «я».

В начале тридцатых годов некоторые рапповские критики провозгласили наступление периода «субъективного самоосмысливания» пролетарской поэзии.

Маяковский в одном острополюемическом выступлении 1930 года прямо поставил вопрос о том, что «поиски самовыражения лирической сущности души поэта» имеют явную тенденцию к противопоставлению личности художника практике социалистического строительства, к отрыву поэта от боевых задач современности.

Выступая на Первом съезде советских писателей, А. М. Горький одну из причин творческого бессилия реакционной литературы Европы XX века видел в том, что яростное утверждение «свободы искусства» незаметно привело многих литераторов к необходимости отказаться от широкого, всестороннего изучения действительности, «замкнуться «в одиночестве своей души», остановиться на бесплодном «познании самого себя» *путем самоуглубления* и своеволия мысли, оторванной от жизни»¹.

Теория «лирического самораскрытия» в том виде, в каком она преподнесена в статье К. Зелинского, ничем не отличается от теорий субъективного самоосмысления или самоуглубления, ибо имеет ту же тенденцию к противопоставлению «эпического внешнего материала» материалу «внутреннему». Если проследить гносеологические корни противопоставления личности художника, субъекта — реальной действительности, объекту, то можно заметить, что в статье К. Зелинского целый ряд положений совпадает с идейными установками адептов декадентского «нового искусства».

Символист К. Бальмонт, противопоставляя символистскую поэзию русской реалистической поэзии XIX века, утверждал, что «ни в разнообразной поэзии Пушкина, ни в монотонной поэзии Лермонтова нет таинственности. Здесь все просто, ясно и определенно»². Символизм и близкая символизму поэзия Фета находят «свое содержание не во внешнем мире, а в бездонном колодце человеческого «я», поэтому там

---

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 27. М., Гослитиздат, 1953, стр. 309. (Курсив мой. — В. Д.)

² К. Д. Бальмонт. Горные вершины. М., 1904, стр. 63

«все таинственно, все исполнено стихийной значительности, окрашено художественным мистицизмом»¹, — рассуждал Бальмонт в 1904 году. Другой представитель русского декадентства, Н. Гумилев, упрекал И. Бунина в том, что его стихам присуще «нежелание или неспособность углубиться в себя»². Стронник «генетического метода» исследования явлений литературы, буржуазный литературовед Ф. Карташев определял область лирики, как «область излиятий сердца и высшего напряжения самоуглубления»³.

И. Анненский еще определеннее отстаивал антиобщественную идеалистическую лирику.

«Чем ничтожнее моя роль в настоящей жизни, — писал он во «Второй книге отражений», — *чем бесцветнее самый фон моего существования*, тем будет ярче сиять мое сентиментальное, щедрое, мое великодушное и прекрасное солнце» (поэзии. — В. Д.)⁴.

Болезненная гипертрофия субъективизма, ярый индивидуализм, антигуманизм и антинародность характерны для «откровений» столпов декадентства, принадлежащих к разным течениям и группировкам, но объединенных общей основой — субъективно-идеалистической философией Ницше, Маха, Авенариуса, Бергсона.

Творческие позиции поборников декадентской поэзии «самоуглубления» не новы. Ожесточенную борьбу против общественного значения лирики, против ее демократической направленности вели представители дворянской теории «искусства для искусства».

Но их взгляды всегда были чужды передовым русским писателям.

Белинский в статье «Стихотворения М. Лермонтова» отразил прямо противоположную сторонникам «чистой» поэзии, «чистого искусства» точку зрения на сущ-

---

¹ К. Д. Бальмонт. Горные вершины. М., 1904, стр. 64.

² Н. Гумилев. Письма о русской поэзии. Петроград, 1923, стр. 100.

³ «Вопросы теории и психологии творчества», т. II, вып. I. М., 1909, стр. 260.

⁴ И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений. СПб., 1909, стр. 3. (Курсив мой. — В. Д.)

ность взаимоотношений человеческой личности с внешним миром, раскрыл народный, общественный характер лирики.

«Как бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человека, — писал великий критик, — каким бы горячим ключом ни была она вовне и какими бы волнами ни лилась через край, — она неполна, если не усвоит в свое содержание интересов внешнего ей мира, общества и человечества. В полной и здоровой натуре тяжело лежат на сердце судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознает свое кровное родство, свои кровные связи с отечеством»¹.

Метод «самораскрытия», с помощью которого защитники декадентского «нового искусства» пытались проникнуть в «тайное тайных» лирического «я», вел к замыканию творческой личности в сфере субъективистских, изолированных от впечатлений текущей действительности чувствований, мыслей и настроений, к обмелению лирических образов, тем, идей, к манерничанию и извращению таланта.

Еще великий немецкий поэт Гёте говорил: пока поэт «выражает свои немногие субъективные ощущения, его еще нельзя назвать поэтом; но когда он сумеет овладеть миром и найти для него выражение — тогда он становится поэтом. И тогда он неиссякаем и может быть вечно новым, в то время как субъективная натура быстро высказывает то немногое, что в ней внутренне заключено, и гибнет, впадая в манерность»².

Впечатления текущей действительности всегда были основой собственных стихотворений Гёте. Он подчеркивал, что «мир так велик и богат, и жизнь так разнообразна, что в поводах для стихов никогда не будет недостатка»; он был глубоко убежден, что «действительность должна дать мотивы, моменты, подлежащие оформлению, ядро произведения». «Все мои

---

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV. М., Изд-во Академии наук СССР, 1954, стр. 488.

² И. П. Эккерман. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.—Л., Академия, 1934, стр. 291.

стихи — стихи «по поводу», — говорил Гёте, — они навеяны действительностью, в ней имеют почву и основание. Стихи, не связанные с жизнью, для меня ничто»¹. Основанные на огромном личном и творческом опыте, эти свидетельства немецкого мыслителя и поэта полностью опровергают потуги декадентов провозгласить «самоуглубление» в субъективистское «я», как единственный путь и форму обогащения лирической поэзии.

Лирика, как и любой род искусства, род литературы, — специфическая форма познания внешнего мира и серьезное идеологическое оружие в деле воспитания советских людей в духе коммунизма. Чувственные восприятия действительности, материал чувственных восприятий подвергается лириком опосредствованию и выражается им в чувственно-эмоциональных, конкретных поэтических образах.

Наблюдение действительности и акт создания лирического произведения — единый, неразрывный процесс, хотя бы между чувственным восприятием, «поводом», даваемым действительностью, и оформлением, опосредствованием его проходил большой промежуток времени. Нельзя говорить о «раскрытии внутреннего мира» лирического поэта, оторванного от окружающего его мира, от жизни народа. И если перед нами подлинно советский поэт, то самые многообразные стороны нашей действительности вызовут в нем живейший, сокровеннейший поэтический отклик, породят сильные лирические переживания, через опосредствование которых он и отразит окружающий мир.

Различные идеалистические концепции охотнее всего цепляются за интимную лирику как лирику сокровенных индивидуальных чувств и мыслей. Однако реалистическая, полнокровная, жизнеутверждающая лирика не дает никаких оснований для развития идеалистических взглядов на сущность поэзии.

Лирическая поэзия, являясь одной из конкретно чувственных форм познания действительности, должна

---

¹ И. П. Эккерман. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.—Л., Академия, 1934, стр. 291.

постоянно приближаться к объекту, к природе, к человеческому обществу, должна выражать самую сущность человеческих взаимоотношений. Подлинные победы советский лирический поэт одержит при внимательном изучении жизни родного народа, его чаяний и надежд, путем познания многообразной, яркой советской действительности. Живя жизнью своего народа, вместе с ним добиваясь новых успехов в деле строительства коммунизма в нашей стране, советский лирический поэт найдет великое множество «поводов» для лирических стихотворений, и эти стихи признает и примет широкий советский читатель.

Огромную роль в процессе создания лирического произведения играет мировоззрение художника, его стойкость в своих убеждениях, последовательность в изучении и познании действительности. Марксистско-ленинское мировоззрение лирического поэта помогает ему отразить личные отношения к действительности в духе эпохи, создать стихи понятные, близкие и нужные народу, стихи огромной идейной силы и впечатляемости.

Щипачев, отказавшись от умозрительных рапповских построений, сумел выразить свое отношение к действительности. Его лирический герой предстает перед нами, вопреки путаным утверждениям К. Зелинского, во всей полноте и определенности. Мы чувствуем такие конкретные черты характера лирического героя Щипачева, как любовь к жизни, к нашей советской действительности, как порождаемый полнотой жизнеощущения мягкий юмор, склонность к раздумьям, сдержанность в выражении чувства, душевная расположенность к людям («Я до слез чужому счастьем рад»), стойкость чувств, ощущение единства с миром живой природы.

Рассматривая вопрос о «самораскрытии», не следует, однако, отрицать серьезного значения субъективной стороны, личности поэта в процессе создания лирического стихотворения.

Процесс опосредствования чувственных восприятий действительности — глубоко индивидуальный процесс, требующий большой внутренней сосредоточенности и

внутренней собранности человеческой личности. Может показаться, что это как раз и есть «самоуглубление» или «самораскрытие».

Апологеты теории «самоуглубления» начинают не с внешней объективной реальности, воздействующей на наши органы чувств, на наши ощущения, а с «душевных реальностей», «душевных ценностей» и «комплексов ощущений», которые и рассматриваются ими как материалы для художественного творчества. В этом коренное отличие ленинской теории отражения, применимой к социалистической лирической поэзии, от махизма, на котором основываются теории «самоуглубления». В этом коренное отличие подлинно реалистической, народной, социалистической лирики Маяковского, Исаковского, Твардовского, Суркова, Щипачева и других советских поэтов от субъективистской лирики Пастернака, индивидуалистических стихов Ахматовой, поэзии русского и зарубежного декадентства. Успехи советской поэзии в дни Великой Отечественной войны объясняются общностью переживаний поэта с переживаниями народа, неотделимостью мыслей о себе, о своей жизни от дум о народе, о родине, о партии, возглавляющей народ в освободительной борьбе, умением выразить эту общность в сильных поэтических образах. От индивидуальных творческих способностей поэта зависит широта охвата этих явлений, глубина опосредствования и сила поэтической отдачи, реакции на них. Но чем внимательнее вдумывается поэт в смысл происходящих событий, чем активнее он сам в них участвует, тем полнее эмоциональный отклик в его стихах, тем художественнее, непосредственнее его произведения. Вот почему такие «личные», посвященные «частным» переживаниям поэта стихи, как «Жди меня» К. Симонова, «Письмо на Каму» О. Берггольц, «Есть во Восточном районе» М. Исаковского, «В землянке» А. Суркова, «Поезд в полночь уходил на фронт» Щипачева, — прежде всего патриотическая лирика, вдохновлявшая советский народ в смертельной схватке с гитлеровским фашизмом.

Никакие формалистические ухищрения, никакая формальная техника, каламбурность не сделают стихотворение по-настоящему художественным и впечатляющим, если в основе его не лежит глубокая мысль. «...Отсутствие мысли, — говорил еще Д. Писарев, — может быть замаскировано фантастическими арабесками и затушевано гладкостью и музыкальностью стихов, но то, что лишено мысли, никогда не произведет сильного впечатления»¹.

Мысль в стихах — это прежде всего чувствуемая мысль, мысль, производящая на читателя «сильное впечатление». Один из первых представителей русской философской лирики XIX века, Д. В. Веневитинов, определяя область соприкосновения философской мысли и лирического чувства, отмечал, что «первое чувство никогда не творит, и не может творить... Чувство только порождает мысль, которая развивается в борьбе и тогда, уже снова обратившись в чувство, является в произведении»².

Поэтому как «просто чувство» или чувство, не воплотившееся в мысль, не сможет быть выражено даже в самом интимном стихотворении, не сможет вызвать ответного эмоционального отклика в читателе, так острословие или остроумие, неожиданность поворота мысли не смогут заменить ее глубины и значительности.

Не все равноценно в творчестве Щипачева. Такие его стихотворения, как «Подсолнух», «На бульваре», «Ветер», не более, как весьма остроумные, с неожиданным сюжетным поворотом, поэтические картинки. И только лучшие стихи поэта, содержащие интересную, самобытную мысль, становятся подлинно афористическими стихами. Прочитать о том, что старичок с телескопом на бульваре «распродает прохожим небо по гривеннику за звезду», весьма любопытно. Но цель

¹ Д. Писарев. Избранные сочинения в двух томах, т. I. М., Гослитиздат, 1934, стр. 117.

² Д. В. Веневитинов. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1940, стр. 140.

лирической поэзии заключается не только в том, чтобы показать смешное противоречие в будничной жизни, несоизмеримость каких-то явлений. Лирический поэт стремится взволновать воображение читателя или слушателя, передать свое настроение, свою боль и радость. К сказанному поэтом читатель или слушатель присоединяет свои личные переживания, свой жизненный опыт, переосмысливает по-своему стихотворение и как бы досоздает его. Остроумная, но легковесная лирическая пьеса не оставляет «простора» для раздумья и чувства.

И Щипачев добивается в своих наиболее самобытных стихотворениях умения обобщать запас жизненных наблюдений, воплощать их в краткую, выразительную форму.

Пусть твердят, что и моря мелеют,
Я не верю, чтоб любовь прошла...

Люблю тебя — и годы, пролетая,
Не тронут в памяти твои черты.

Я верю в строки, без которых
Сегодня людям жить нельзя.

Да, друг другу многого сказать
За двенадцать лет мы не успели.

Такие меткие, образные выражения органически входят в словесную ткань стихотворений и вместе с тем несут главную смысловую и эмоциональную нагрузку. Благодаря своей четкости и афористичности они получают широкое распространение, проникают в художественную литературу, в разговорный язык.

Но лаконизм поэтической речи хорош в том случае, если он не ведет к сухости изложения, если он не сковывает живое лирическое чувство. В ряде стихотворений Щипачеву как раз и не удалось преодолеть эти серьезные художественные недостатки. Иногда читая его стихи, хочется видеть большую свободу в выражении переживаний, большую эмоциональную

насыщенность, которые могут быть достигнуты не за счет многословности, а за счет внутреннего поэтического накала каждой строки и стихотворения в целом.

Стремясь во что бы то ни стало говорить кратко, поэт подчас впадает в другую крайность — случайность подбора отдельных штрихов, отдельных красок. Так, например, в стихотворении «Лебедчик» (1938) он пишет:

Весной и юностью высокий бродит мир.
В ручье у камня щепка проплыла.
Над городом летит аэроплан.
Лебедчик в синь, прищурившись, глядит.
Смеются три девочки впереди.

Совершенно очевидно, что все строчки здесь «рассыпаны», существуют сами по себе: «одическое», торжественное «весной и юностью высокий бродит мир» неожиданно сменяется преднамеренно обыденным, глубоко реалистическим «в ручье у камня щепка проплыла», создавая впечатление искусственности, «деланности» стиха. А ведь в небольшом лирическом стихотворении и композиция, и словарный состав, и все средства художественного выражения мысли должны быть тщательно выверены. Не случайно, что даже после неоднократного опубликования некоторых стихотворений Щипачев продолжает совершенствовать их, заменять отдельные строки и слова.

Журнальный вариант стихотворения «Лил дождь осенний. Сад грустил о лете» весьма немногим отличается от варианта, помещенного в авторских сборниках. Последние две строчки его читались:

А я сиял — я стал партийным парнем
В осенний тот, запомнившийся день.

Эпитет «запомнившийся» в данном случае кажется вполне уместным. Однако он далеко не передавал того восторженного состояния, в котором находился молодой боец, вступавший в ряды Коммунистической партии. Здесь требовалось иное, более эмоционально окрашенное слово.

Щипачев нашел это «главное слово, характеризующее смысл стиха» (В. Маяковский).

Лил дождь осенний. Сад грустил о лете.
За мной вода заравнивала след.
Мне подсказала дата в партбилете:
Тогда мне было девятнадцать лет.

На город шел Қолчак. У мыловарни
Чернел окоп. В грязи была сирень.
А я сиял: я стал партийным парнем.
В осенний тот, благословенный день.

Благодаря книжному архаичному слову «благословенный» концовка стихотворения в новом варианте звучала более торжественно. Подобная замена была оправдана: начало стихотворения написано в преднамеренно элегических тонах. Щипачев использовал традиционный зачин: «дождь *осенний*», «сад *грустил* о лете». Но в ходе развития сюжета художник меняет интонацию стиха, вводя тему гражданской войны. Стихотворение, построенное на незримом контрасте между традиционным описанием осенней хмурой природы и восторженным, радостным настроением лирического героя, последней строчкой усиливает эту контрастность.

Скрытая полемика с устаревшими образами лирической поэзии содержится и в стихотворении С. Щипачева «Любовью дорожить умейте» (1939). В нем поэт выступает не только против условно-романтической любовной лирики, но и против порождаемых этой лирикой представлений о любви, как о безоблачном чувстве.

В начале двадцатых годов Э. Багрицкий писал:

Припомним же попойки и дуэли,
Любовные прогулки при луне.

Образ этот, думается, навеян книжной романтикой. Но именно с такой книжной романтикой и вступает в полемику Щипачев в своем стихотворении:

Любовью дорожить умейте,
С годами дорожить вдвойне.
Любовь — не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.
Все будет: слякоть и пороша,
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню не легко сложить.

Поэт утверждает трудную и вместе с тем радостную реальную жизнь, реальные человеческие отношения, которые складываются не легко и которыми «нужно дорожить». Одна из причин успеха этого стихотворения среди читателей заключается как раз в том, что поэт отказывается от назойливых описаний «любовных прогулок» и «вздохов на скамейке». Он находит новые жизненные образы, которые и характеризуют сложность становления чувства любви.

Подобный скрытый прием полемического заострения всей образной системы стиха против обветшалых, ставших штампами образов лирической поэзии заметен в стихотворении Щипачева «Соловей» (1940). В дореволюционной лирике, особенно в лирике дворянской, усадебной России, соловей почти неизменно фигурировал как «певец неги и сладострастия», влюбленный в прекрасное «неземное».

Весь образный строй стихов Щипачева направлен против этого условного псевдопоэтического языка. У него соловей «простой, невзрачный, озябший ночью от росы». Но этот «серенький» соловей

Заворожит поселок дачный
У пригородной полосы.

В стихотворении реальны и зримы и дачный поселок где-то у «пригородной полосы», и березняк, «рябой и редкий», и сам соловей — «невзрачная», но удивительно певчая птица.

«В подлинном искусстве новая форма не придумывается. Она подсказывается самой жизнью», — так определяет поэт характер своей творческой работы. Жизнь подсказывает Щипачеву и тему стихотворения и возможность ее своеобразного раскрытия, ее выражения в новой оригинальной форме.

«Концовки» многих стихотворений Щипачева образно раскрывают главную мысль лирической пьесы. Их новизна не в голом версификаторском приеме, а в свежести авторской мысли, в умении автора выразить, казалось бы, рядовой, повседневный факт действительности при помощи впечатляющего образа-мысли.

Мастерство Щипачева-художника ярко проявляется в стихотворении «Потомкам» (1940). Композиционное построение этой поэтической миниатюры, казалось бы, обычно для Щипачева. Стихи заканчиваются афористическим двустушием. Однако, если в «Любовью дорожить умеете» последние две строчки являются обобщением всего идейного содержания стихотворения, то здесь, наоборот, отвлеченное лирико-философское содержание стиха конкретизируется последними двумя строками:

Был труден бой. Казались нам не раз
Незащищенными столетий дали.
Когда враги гранатой били в нас,
То и до вас осколки долетали.

При помощи этого конкретного образа далекие потомки, которых «еще нет», которые где-то там в «столетних далях», становятся действительно «неотделимыми» от нас в нашей трудной борьбе с врагами.

Мысль в стихах Щипачева выступает в скромном поэтическом убранстве. Эпитеты у него чрезвычайно просты и «традиционны»: вечер — «ясный», смородина — «густая», скалы — «сырые, голубоватые», час рассвета — «неповторимый». Отсутствие внешней красочности роднит поэзию Щипачева с поэзией ряда других крупнейших советских поэтов — А. Твардовского, М. Исаковского, А. Суркова.

В их творчестве, особенно в творчестве А. Твардовского и М. Исаковского, преобладают эпитеты, близкие народной песне, устному народному творчеству: луг — «зеленый», земля — «родная», село — «родимое» (А. Твардовский); пора — «страдная», жнивье — «колючее», земля — «сырая» (М. Исаковский). Правда, в стихах этих поэтов немало определительных слов, в которых связь с общелитературной традицией ощущается больше, чем с традицией песенно-народной: «пугливая весенняя вода» у А. Твардовского, «широкие закаты», «неясная предутренняя мгла» у М. Исаковского. Но и здесь, как правило, сохраняется простота, безыскусственность эпитета.

В ином качестве выступает эпитет в стихах другого крупного мастера советской поэзии — Н. Тихонова.

Н. Тихонов в работе над стихом переносит акцент на художественную выразительность, энергичность эпитета. Он стремится определить предмет полно и всесторонне, с новой, еще неизвестной стороны. В его стихах нередко несколько определительных слов следуют одно за другим. Например:

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить...

У Щипачева эпитет не играет такой активной роли, он не поражает своей необычностью, хотя и является одним из действенных средств образности. Вот один из примеров творческого использования Щипачевым эпитета. В стихотворении «К тебе идут твоих стихов герои» он последовательно менял третью строку: «и теплой рифмой ты встречаешь их», «и теплым словом ты встречаешь их» и, наконец, в последней редакции — «и нужным словом ты встречаешь их».

Не менее интересна переработка стихотворения «Лил дождь — и сверкает асфальта река», идущая опять-таки по линии уточнения и, если можно так сказать, большей поэтичности эпитета. К этому стихотворению, написанному в 1933 году, Щипачев возвращался неоднократно. В начале он сокращал его за счет тяжелых образов, вроде: «и жалко мне в лужах бить тополя по головам каблуками». Окончательная правка касалась, главным образом, центральной строфы.

Течет и сверкает асфальта река.
И лодками тени автомобилей
Бегут по водорослям огней, —
И в водорослях заходили
Красные рыбы на дне.

(1933)

Основной образ — сравнение — остался, но поэт проделал кропотливую, почти ювелирную работу по его «прояснению», по отточенности каждого слова:

...кажутся лодками автомобили;
Огни, как водоросли в глубине,
Где, *вспугнутые*, заходили
Красные рыбы на дне.

(1944)

По тому, как настойчиво подбирает Щипачев простой и, на первый взгляд, естественный эпитет «вспугнутые», оживляющий всю картину вечернего города, мы можем видеть точность каждого слова в его лучших лирических стихах.

Щипачев выступил в роли новатора, когда, обратившись к «сугубо литературному», «высокому» жанру, каким является жанр короткого лирико-философского стиха, использовал не только присущую этому жанру лексику, но и все богатство общенародного языка, разнообразные элементы разговорной народной речи, идиомы, слова-образы из народных поговорок.

В его стихах встречаются слова с народным осмыслением их значения. Так в поэме «Домик в Шушенском» слово «гадает» употреблено в значении «размышляет, думает»; уральское слово «шибко» — в значении «сильно, весьма, крайне, очень» («со мною в детстве нянчились не шибко»), слова, употребляемые только в разговорной речи: «поди» — в значении «вероятно, наверно, очевидно, возможно» («Поди, в Москве сейчас...») и т. д. Все эти слова являются известным отступлением от норм литературного языка, но мы приводим их как наиболее выразительные примеры расширения языковой основы «чисто лирической» поэзии.

Отчетливое своеобразие стихам Щипачева придают народные речения, меткие «ходячие» выражения, вроде «словами наша речь красна, богата», «вертится, как заводная», «из такого же сделаны теста» и другие. При помощи этих колоритных слов и выражений создается близость языка его лирических произведений к разговорной общенародной речи. А ведь именно в авторской доверительности, искренности и простоте стихов Щипачева — одна из причин успеха его поэзии даже у тех читателей, которые, как сказал Твардовский, обычно стихов не читают.

Глава пятая

СОВРЕМЕННОСТЬ И ПОЭЗИЯ

1

Героика социалистического труда... Сколько неограниченных возможностей открывается перед художником, посвятившим свое творчество этой прекрасной и благородной теме! Как выпукло и отчетливо он может передать характерные черты нашей эпохи, обратившись к углубленному поэтическому изображению труда как подвига, а трудящегося человека — как творца, как преобразователя жизни и природы! Не случайно опыт развития советской литературы убедительно показывает, что творческая мысль ее лучших представителей неизменно направлена на поиски новых возможностей полнее и глубже раскрыть духовный облик человека, который возводит труд «на степень искусства» (Горький).

Если мы обратимся к произведениям послевоенной советской литературы и, в частности, к поэзии, то увидим, что тема труда занимает в них одно из центральных мест. И это вполне закономерно. Именно труд, человек труда являются подлинными героями нашей современности, именно в счастье созидания, в осуществлении всенародных замыслов и планов заключен пафос сегодняшней жизни.

Советским поэтам в послевоенные годы удалось

создать немало ярких эпических образов простых людей труда, которые стали близки народу, явились примером подлинно социалистического отношения к труду, как делу общественной, государственной важности. Достаточно вспомнить героев поэм А. Недогонова, А. Яшина, М. Луконина, Н. Грибачева, С. Кирсанова и многих других поэтов, чьи произведения завоевали признание советских читателей.

В советской лирической поэзии есть также свои бесспорные удачи в передаче радостной творческой атмосферы, которая характеризует труд нашего народа.

Вместе с тем нельзя не заметить, что появляется большое количество стихотворений, отмеченных поверхностным, неглубоким подходом авторов к этой актуальнейшей теме современности, стихотворений, несущих налет парадности и общей декларативности.

Охотно изображая человека непосредственно в труде, некоторые наши поэты забывают, что без проникновенного, серьезного осмысления фактов самой действительности, без высокого творческого накала нельзя выразить полноты чувств и переживаний человека, занятого повседневным, может быть, неприметным, но увлекательным, волнующим, захватывающим все его существо созидательным трудом.

Только в соответствии с правдой жизни, только в изображении реальных трудностей, которые человеку приходится преодолевать в процессе труда, может быть открыта подлинная радость свершения, праздничное чувство достижения поставленных целей.

Среди многообразных поэтических форм раскрытия темы труда едва ли не самой распространенной является так называемый лирический портрет нашего современника. Чаще всего — это стихи с определенной фабулой или сюжетом, повествующие о труде агронома, учителя, колхозного кузнеца, плотника, доярки, хлопководы... Сам по себе прием создания «лирического портрета» не нов. Он идет от лермонтовского солдата-пушкаря из стихотворения «Бородино», некрасовской Арины — матери солдатской, новых людей Кузнецка, запечатленных Маяковским. Велики и разнообразны возможности поэта, обратившегося к этому жанру.

К сожалению, вместо живых, полнокровных образов советских людей некоторые наши художники часто преподносят читателю лишь бледные, штампованные фигуры представителей определенных профессий.

Уже появился целый ряд «дежурных» или «бродячих» сюжетов, заполняющих страницы многих журналов, сборников и альманахов. Таков, например, сюжет ряда стихотворений об агрономе или председателе колхоза: ранней весной — обычно следуют две-три строфы описания весны — в поле выходит агроном (или председатель колхоза), он оглядывает родные просторы, разминает комок земли и вслух (или про себя) решает: пора пахать! В каждом отдельном случае такое стихотворение может быть отмечено печатью некоторой внешней поэтической красочности, содержать отдельные стихотворные «находки». Но когда появляются десятки совершенно одноплановых стихов, когда поэты, не утруждая себя долгими поисками, подхватывают первую же попавшуюся под руку примелькавшуюся ситуацию, читатель вправе пройти мимо «одноробозного пейзажа».

Вот несколько примеров:

Он шел.
Оживали поля.
Размытая чавкала глина.
Парная дышала земля.

Он брал ее в руки.
Он гладил
Набухшие влагою пряди... (?)

(М. Дудин, «Агроном», 1947)

В полях обдуло ветром взгорки,
Ручей в овраг сбежал, звеня,
И агроном еще на зорьке
Смотреть выходит зеленя.

Исполнен замыслов до края,
Он, словно день погожий, рус.
Для сева срок определяя,
Он почву пробовал на вкус (?)

(Н. Рыленков, «Агроном», 1948)

Молодой свердловский поэт Лев Сорокин издал свою первую книжку — «В большую жизнь». К сожалению, в его стихи не из «большой жизни», а с литературных полей шагнул все тот же неутомимый агроном:

Эх, сторонка родная!
Песни просит душа!
Ком земли растирает
Агроном:
— Хороша!

(«Шли товарищи», 1952)

Поэт Небыков написал и опубликовал совсем немного стихотворений, но и у него можно прочитать:

По полю шагает торопко,
Для пробы возьмет чернозема,
Посмотрит,
В ладонях потрет,
К себе позовет агронома.

(«Дважды герой»)

Так некоторые поэты тему всенародной заботы о крутом и решительном подъеме сельского хозяйства подменили парадной фигурой агронома «вообще». И дело здесь вовсе не в буквальном заимствовании понравившейся ситуации и не в литературных реминисценциях — названные нами поэты обладают достаточной поэтической культурой и значительными творческими навыками. Дело «в облегченном» подходе к важнейшей теме современности, в поверхностном взгляде на жизнь, на труд своих героев, наконец, в рассудочном отношении к стихам.

Кочующие из стихотворения в стихотворение поэтические картинки накладывают серый однотонный отпечаток на многие стихотворные сборники, отбивают у требовательного советского читателя вообще желание читать стихи. «Возьмешь книжку поэта, — писал читатель М. Булаевский в журнале «Новый мир», — тут тебе и «Сталевар», и «Электросварщик», и «Кузня», и «Пшеница», и «Районные дороги»... Все это, конечно, ново и хорошо, но этого мало! Лирический герой — ...часто, вопреки правде жизни, выглядит каким-то

«бесполом», сухарем... часто, при всем обаянии героя, он невольно кажется душевно обедненным»¹.

Партия требует от советских поэтов, чтобы они раскрывали в положительных художественных образах людей нового типа во всем великолепии их человеческих достоинств, во всем богатстве и разнообразии их чувств и переживаний, чтобы труд советского народа в изображении наших литераторов был овеян высокой героикой созидания, пронизан подлинно романтическим пафосом творчества, ибо такова сама действительность, такова наша жизнь.

Идти по пути наименьшего сопротивления, создавать отвлеченные фигуры агрономов и строителей «вообще», значит не прислушиваться к голосу партии, не прислушиваться к голосу советского народа.

2

Послевоенный сборник стихотворений Степана Щипачева «Славен труд» («Московский рабочий», 1948) убедительно показывает нам, что в тех случаях, когда поэт кровно заинтересован в своей теме, когда он проявляет творческую инициативу и высокую требовательность к себе как художнику, тема радости созидательного труда может быть талантливо решена средствами лирической поэзии.

В сборнике Щипачев объединил стихи разных лет и разного поэтического звучания. Но лейтмотивом всей книги, ее цементирующим началом явилась тема труда, прославление многообразных сфер трудовой деятельности человека. К лучшим стихотворениям книги относятся лирические раздумья поэта о своем месте в «рабочем строю», о законах и специфике писательского труда, о своей «полезности».

Стихотворение «О себе» отображает чувство ответственности поэта перед народом, перед людьми, «внимательными» руками которых созданы «жилые» и «вещи».

«Что сделал я? Чем людям я полезен?» — с волне-

¹ «Новый мир», 1951, № 8, стр. 235.

нием обращается поэт к самому себе, когда думает о титаническом напряжении работ там, «в городе», который «бьется в камне и железе». Живая прочувствованная связь между упорными поисками поэтической строки и трудом его сограждан, столь же напряженным, делает ощутимой, наглядной общность их трудовых усилий.

В «Застольном слове» (1947), развивая тему ответственности писателя перед родным народом, Шипачев говорит о том, что он, поэт, создан «из такого же теста», что и ему знакома радость творческого труда, та радость, о которой прекрасно сказал Маяковский: «радуюсь я — это мой труд вливается в труд моей республики».

Если для декадентских поэтов поэтический труд это «проклятое ремесло», то для лирического героя С. Шипачева характерно совершенно иное отношение к своей творческой работе. Этот нелегкий труд способен принести глубокое моральное удовлетворение, потому что поэт постоянно чувствует непосредственную заинтересованность читателей в своей работе, их нетерпеливое ожидание новых произведений.

В жизни поэта бывают «длинные и мелочные» дни, когда «не пишется совсем», когда тема нового стихотворения «еще и не брезжит» (стихотворение «Тема»), но постоянное чувство локтя читателя, тесный контакт между читателем и поэтом помогают художнику преодолеть творческий кризис, найти близкие и нужные слова.

Шипачев вновь и вновь в стихотворениях о поэтическом труде утверждает теснейшую связь с жизнью народа, говорит о подлинном призвании советского поэта «быть эхом мира» (Горький). Лирический герой одного из послевоенных стихотворений восклицает:

Ну и что ж, что близок вечер.
Поработаем еще!

Чтобы, в пору ливней летних
Иль когда б снега мели,
Мне дыханием последним
Слиться с будущим земли.

Внутренняя широта лирического героя Щипачева, его живое ощущение «будущего земли» расширяет зримые горизонты читательского кругозора, помогает яснее почувствовать и понять героиню повседневного труда, который сольется в будущем с трудом новых, идущих нам на смену поколений.

Но не только в этом отчетливо лирическом плахе решает поэт тему труда. Значительное место в его творчестве занимают зарисовки людей труда — садовника, часовщика, стеклодува, стихотворения о молодом трактористе, крановщике, рабочих-метростроевцах. Поэт стремится показать, каковы его герои и каков их труд в наши дни, что волнует и что их радует в настоящем. И в отдельных случаях Щипачев сумел справиться с этой серьезной творческой задачей.

Так, в стихотворении «Мичурин» (1938) поэт воссоздал жизненно конкретный облик замечательного преобразователя природы. Его Мичурин не только пылкий ученый. Он и самый обыкновенный человек: «больной, ругая старость», он каждое утро выходит в свой сад. Это делает образ Мичурина не только ближе и понятнее нам, но и показывает его беззаветную преданность любимому делу, науке.

Сады на всех широтах
О нем шумят листвою, —

говорит поэт о величии научного и творческого подвига И. В. Мичурина. И даже смягченная авторской улыбкой концовка стихотворения о том, что великий садовод мечтает вырастить яблоко, отведав которое можно «прожить еще сто лет», опять-таки служит для утверждения неограниченных возможностей науки и «дерзновенности» замыслов и мечтаний ее лучших представителей.

Увлекательность труда стеклодува, гордость рабочего человека, создающего необходимую вещь, Щипачев передал в стихотворении «Стакан» (1940). Изображая процесс изготовления стакана, поэт, казалось бы, неожиданно прибегает к гиперболическому, но вместе с тем зримому и точному образу: «Красно, как неостывшая планета, стакана раскаленное стекло».

В этом стремительном смещении различных поэтических планов раскрывается возвышенное отношение поэта к работе мастера-виртуоза, подлинного творца материальных ценностей.

Такой же внезапный, но художественно подготовленный переход есть в стихотворении «Мукомолье» (1947). Противопоставляя дедовские ветряные мельницы современному мукомольному комбинату, над которым даже «Млечный Путь мельничной пылью стоит до рассвета», поэт создает захватывающе широкую картину напряженной трудовой жизни комбината.

К сожалению, в стихотворении имеются и чужеродные строчки. После реалистического образа:

И словно после обвала
Пыль сотрешь со щеки, —

следуют явно присочиненные к строфе строки:

Муза, ты здесь не бывала,
Боясь запылить башмаки!

И появление Музы, одетой в «башмаки» (?) и скачок авторской мысли не имеют ни художественного, ни смыслового оправдания. Эта незавершенность стихотворения «Мукомолье» — не исключение в послевоенных стихах Щипачева. Поэт, серьезный и думающий, он, повествуя о труде колхозного крестьянства, не избегал некоторой парадности, не согрел стихи живым лирическим чувством. Угрожающее нарастание рассудочности и декларативности тем досаднее, что в стихах Щипачева читатель привык находить теплое, душевное слово, встречать заинтересованное отношение к судьбе героев. Сердечности, теплоты нельзя найти, например, в «Утре председателя колхоза» (1947). В перечислительном порядке здесь говорится о том, какими делами и заботами занят председатель колхоза накануне весеннего сева.

Как и во многих уже названных стихотворениях, председатель колхоза

Не хочет и дня упустить;
Он пробует землю на ощупь,
Мокрую мнет в горсти...

Через несколько строф он

...блокнот листает
И думает о своем:
«Земля чуть поглубже оттая —
Сеять овес начнем».

В стихотворении «Стоит на пашнях талая вода» (1947) уже не председатель колхоза, а бригадир «на свой участок вышел», он смотрит на пахотное поле и думает:

Сугробы в поле были высоки,
Хлеба, по всем приметам, будут выше.

Вряд ли стоит говорить, что ни досадной близости к далеко не лучшим стихотворениям других поэтов, ни повторений самого себя не было бы в приведенных строках Щипачева, если б поэт обратился к настойчивым поискам самобытного, жизненно достоверного решения темы.

Читатель всегда настороженно относится к однообразию положений, сюжетов, тем, приемов как в произведениях художников, различных по складу и творческой манере, так и в творчестве одного и того же поэта. И он, несомненно, прав. Опасность самоповторения возникает в тех случаях, когда ослаблен внутренний контроль, когда художник перестает *чувствовать* читателя, перестает со всей ответственностью и доверием относиться к нему.

Что такая опасность реальна даже для очень талантливого поэта, свидетельствуют некоторые последние произведения Щипачева. Взять хотя бы стихотворение «Славен труд». В нем не только избыточны общие места и выражения, но сами заключительные строчки: «Ничего, что голова седая, — молода под ним (знаменем. — В. Д.) и седина» — не что иное, как повторение уже однажды блестяще найденной концовки собственного стихотворения «Седина».

Во втором номере журнала «Новый мир» за 1955 год Щипачевым опубликовано стихотворение «Мой стих». В нем содержатся раздумья поэта о том, что непреходящее идейно-эстетическое значение могут

иметь не только стихи, которые взяты «эпохой в труба-чи», но и стихотворения более «скромного» звучания. Для того чтобы эти лирические стихотворения были «приняты в века», чтобы самому стиху в настоящем стать тверже «в правах своих», поэт, обращаясь к Музе, к своему поэтическому призванию, говорит:

Будь нужным в радости и в горе,
Мой скромный, неболтливый стих.

Все это было бы ново и поэтически оригинально, если бы читатель однажды уже не слышал от поэта приблизительно тех же слов и обращений. Мы имеем в виду стихотворение 1940 года «Чего гадать! Наш век, наверно...» Размышляя о том, какие «строки» выдержат испытание временем: те ли, которые поэты «высокомерно» пишут на века, или те, в которых «вся боль и радость» сегодняшнего дня, без которых «сегодня людям жить нельзя», Щипачев в нем активно утверждал поэзию, близкую народу, поэзию, отражающую повседневные интересы, заботы, радости и боли людей, наших современников. Полемический задор давнишнего стихотворения, определенность и ясность позиции автора противоположны «гадательному» характеру «Моего стиха», выражающего ту же мысль, но уже более расплывчато и пассивно.

Большой стихотворный цикл С. Щипачева «По родным и чужим морям», появившийся в третьем номере журнала «Знамя» за 1952 год, также не принес полного удовлетворения читателям. Родился он под непосредственным впечатлением поэта от пребывания на Крайнем Севере страны и в результате длительной поездки в Албанскую Народно-Демократическую Республику.

Новые стихотворения Щипачева вызвали оживленный обмен мнениями. Были подняты вопросы о «взыскательности к себе» опытного мастера литературы и о праве поэта писать «в своей манере». Нужно сказать, что попытки оправдать некоторые откровенно слабые стихотворения Щипачева правом писать в «своей манере» не были приняты не только читательской общественностью, но и самим поэтом. Подготавливая к

изданию новый сборник стихотворений, он учел высказанные критические замечания, порою резкие по форме, но справедливые по существу. Поэт почти наполовину сократил цикл, значительно переработал многие входившие в него стихи. Например, стихотворение «Опять провожают жены» в последнем варианте значительно выиграло и от сокращений и, главное, — от прояснения ведущей мысли стиха.

Когда-то Белинский подчеркивал, что мысль в стихотворении «может быть схвачена или в одном своем моменте, или развита во всех ее моментах, но она должна быть одна»¹. Этого внутреннего идейного единства не было в журнальном варианте стихотворения «Опять провожают жены». Оно разбивалось на ряд поэтических картин: прощанье моряков, отбытие корабля в дальнее плавание, дрейф корабля, затертого во льдах... Были и просто стершиеся детали, которые нередко встречаются в стихотворениях, рассказывающих «о тех, кто в море»:

В каютах они все чаще
На карточки жен глядят.
И легче на сердце станет,
И рады опять маякам...
Может, и счастье свиданий
Понятней всего морякам².

Сильные поэтические строки: «Может, и счастье свиданий понятней всего морякам» «повисали в воздухе», создавали ощущение «пририфмованности» к основному тексту.

Щипачев сжал стихотворение, усилил поэтическую нагрузку на отдельные строки и свел мысль стихотворения к одному «знаменателю». Стихотворение зазвучало резко, сурово и мужественно:

В последнем пожатии руки.
Зовут по местам гудки.
Знают горечь разлуки
Лучше всех моряки.
Водят их годы скитаний
От маяков к маякам...

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VI. М., Изд-во Академии наук СССР, 1955, стр. 592. (Курсив мой. — В. Д.)

² «Знамя», 1952, № 8, стр. 7—8.

И только после едва приметной паузы, как бы подытоживающей все сказанное в стихотворении, он заключал:

Но, может, и счастье свиданий
Понятней всего морякам.

Творческая удача сопутствует поэту в тех стихах, в которые он вложил частицу своего «я», долгий жизненный и творческий опыт.

Читая в диспетчерской Министерства морского флота радиосводки «о суточной позиции судов», размышляя о том, что «в какие бы ни заходили страны, привозят дружбу наши корабли», он одновременно думает и о своей работе стихотворца, сверяет ее с реальной жизнью. «Я строгости учусь у фраз коротких. В них точно все...» — пишет поэт в стихотворении «Над радиосводками». Близость судовых радиотелеграмм к поэтическому слову тем дороже поэту, что в них «дымкой все повито: название морей, портов и стран», в них есть романтическая возвышенность ощущения жизни, простор мысли и чувству. Вот почему поэт счел необходимым развернуть этот основной образ стихотворения, вернуться к нему еще раз. «Я широте учусь у фраз коротких», — так закончил Щипачев это одно из наиболее примечательных стихотворений цикла, понимая под «широтой» весомость, значительность каждого слова.

Из стихов о Заполярье наибольший интерес вызвало коротенькое стихотворение «Цветы»:

Мне в Заполярье, на краю земли,
На вечере цветы преподнесли.
Я много ездил, но нигде цветам
Не радовался так, как там.

Они росли в сырой, холодной мгле
На каменистой, сумрачной земле.
Земля, чтоб даром лето не прошло,
Им отдала последнее тепло.

К. Симонов подверг его, на наш взгляд, несправедливой критике, считая, что «если бы за скромным букетиком цветов, поднесенных далеко за Полярным

кругом, стоял образ человека, вырастившего эти цветы, образ суровый и трогательный, тогда стихотворение дышало бы жизнью и волнением».

В поэтическом контрасте «сырой, холодной мглы», «сумрачной, каменистой земли» и общей атмосферы сердечности и дружелюбия, которые лирический герой стихотворения встретил в заполярном поселке, заключено настоящее лирическое «зерно» стихотворения. Стихотворение привлекает живыми чертами человеческого характера, пусть едва намеченным, но правдивым и понятным нам душевным обликом человека. Дополнительно же «вписывать» сюда образ безвестного садовода, который взрастил заполярные цветы, или просто местного жителя не было никакой необходимости — ведь это *лирическое* стихотворение, и выражает оно переживания и чувства автора — героя стихотворения.

Значительно важнее отметить другое: остальные стихи о Крайнем Севере по идее и по художественным приемам лишь повторяют стихотворение «Цветы». В них есть те же контрасты между суровой природой Заполярья и теплом человеческих рук, заботой советского человека о расцвете родной земли, есть и те же самые слова: «Эту землю мы трудом согреем и любовью к Родине своей» («Мурманское побережье»), «без нашего сердечного тепла не распрямятся мурманской березке» («Забота») и т. д.

В этих строчках содержится основная мысль стихотворений, мысль верная, но не становящаяся благодаря неоднократным повторениям ни более убедительной, ни более впечатляющей. Вот почему, признавая, что отдельные стихотворения из цикла «По родным и чужим морям» обогатили творчество Щипачева новыми лирическими мотивами, нельзя не видеть известного снижения требовательности художника к своему таланту.

В наше время, когда духовные запросы советских людей непрерывно растут, когда все многообразнее и ярче становится сама действительность, святое творческое беспокойство, высокая взыскательность к себе должны стать постоянно мобилизующей, вдохновляющей, действенной силой.

Глава шестая

МНОГООБРАЗИЕ ТАЛАНТА

1

Советским читателям Степан Щипачев известен не только как поэт-лирик, раскрывший красоту и благородство новых общественных отношений, единство природы и человека, радостную полноту нашего жизнеощущения. Он известен и как автор поэмы «Домик в Шушенском» (1944), созданной в годы войны и ставшей одним из любимых произведений нашего народа.

Охотно читаются юношеством и две послевоенные поэмы Щипачева: «В добрый путь!» (1947) и «Павлик Морозов» (1949—1950).

Эти три произведения и позволяют судить о Щипачеве как о *лиро-эпическом* поэте, со своим образным виденьем мира, своей интонацией, своим характером повествователя. Помимо многих присущих и его лирическим стихам и его поэмам общих черт — ясности содержания, четкой простоты формы, склонности к ярким поэтическим поворотам темы, — в поэзии Щипачева проявляются и такие особенности его художественного дарования, как широта исторического и социального кругозора, реалистическое и вместе с тем возвышенное изображение героев, умение передать самую атмосферу эпохи, обстановки, в которой действуют ге-

рои. Последнее особенно характерно для поэмы «Домик в Шушенском».

В центре поэмы «Домик в Шушенском» — образ Владимира Ильича Ленина.

Обращение в поэме к образу В. И. Ленина было подготовлено всей творческой и жизненной биографией поэта. Ленинская тема входит в поэзию Щипачева уже в двадцатые годы.

В 1924 году им было написано несколько искренних, хотя и несовершенных по форме, лирических стихотворений — «В день великих похорон», «Бронзовый Ленин», «Газета», — явившихся первым непосредственным откликом молодого поэта на известие о смерти В. И. Ленина. Великая скорбь, охватившая весь советский народ, личное горе вызвали в увлеченном «солнцетрубной», «космической» поэзией «Кузницы» поэте острое желание выразить свои чувства и переживания в простой, понятной стихотворной форме.

Хочется словами простыми
Сегодня говорить, —

писал Щипачев в дни всенародного траура.

В тридцатые годы Щипачев создает небольшое лирическое стихотворение «О Ленине» (1933). Вспоминая свою жизнь до революции, прошлое своего народа, поэт задается вопросом: что ожидало бы его или одного из представителей его поколения, если бы ленинская правда не осветила путь народу к освобождению? Картина тяжелого прошлого, моральной и духовной скудости человека («окраину свою да пивную бы знал, да с финкой бы — всех смелей») позволяла глубже оценить завоевания страны социализма. Но стихотворение «О Ленине» отражало и формалистические поиски Щипачева в начале тридцатых годов: оно нарочито утяжелено прозаическими конструкциями, ритм его неровен, слог шероховат.

С годами крепили связи поэта с нашей повседневной действительностью, обогащался его жизненный опыт, возрастало мастерство. 14 августа 1941 года Щипачев опубликовал в «Правде» стихотворение «Ленин».

Содержание его основано на подлинном факте. В небольшом советском городке немецко-фашистские захватчики низвергли бронзовую статую В. И. Ленина. Но советские патриоты, разгромив в ночном бою вражеский гарнизон, вновь водрузили статую на пьедестал.

Щипачеву удалось в стихотворении раскрыть сущность советского патриотизма, показать, что определяло стойкость и негибаемое мужество нашего народа в дни войны. Именно этот смысл вложен в заключительные строчки стихотворения: «То партизаны, замыкая круг, шли на врага. И вел их Ленин».

Однако слишком грандиозна тема Ленина, чтобы эта, пусть и удачная, попытка смогла удовлетворить поэта.

Имя Ленина неразрывно связано со всей историей Коммунистической партии, с возникновением и развитием первого в мире социалистического государства — Союза Советских Социалистических Республик. Оно стало знаменем народа в битвах за свободу и независимость Советской родины. Щипачев вновь и вновь обращается к образу гениального вождя нашего народа, показывая великую силу идей ленинизма.

Зная Ленина нас в бой водило,
И опять оно — в сраженьях — впереди, —

пишет он в 1943 году в стихотворении «Солнце дедам, прадедам светило».

Историческая преемственность самоотверженной борьбы русского пролетариата и трудового крестьянства в октябре 1917 года и в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов становится темой многих лирических стихотворений Щипачева. В дни ожесточенных боев за Сталинград поэт создает стихи «Двадцать пятая годовщина».

Вся в шрамах Родина. Ревет металл,
Встает железа и огня ограда,
Как будто бой октябрьский не стихал
До этих дымных дней у Сталинграда.

нашел свой неповторимый «поэтический ход» в раскрытии темы единства вождя и народа, единства народа и рядового представителя дореволюционной крестьянской России, каким является лирический герой поэмы. Его герой обрел новую жизнь, стал полноправным хозяином своей страны благодаря участию во всенародном революционном движении, вдохновителем и организатором которого был В. И. Ленин.

Уже первые строфы поэмы настраивают читателя на эпический лад, передают невиданную масштабность, огромность дела Ленина, ставшего делом миллионов.

Опять погода завернула круто.
Над Шушенским ни месяца, ни звезд.
Из края в край, метелями продута,
Лежит Сибирь на много тысяч верст.

Но как ни велики земные пространства, именно «здесь, где трудится, где мыслит Ленин, здесь, в Шушенском, проходит ось земли». Не только просторы Сибири, но и пространства времени, те «десятилетия горя», которые пройдут, прежде чем наступит «день великий Октября», объемлет мысль поэта. Интересно отметить, что образ метели, нарисованный в начальных строфах поэмы, чрезвычайно выразителен в идейно-смысловом отношении. Его выразительность обусловлена близостью к устному народному творчеству, к лучшим традициям русской классической и советской поэзии, в которых образ метели, ветра, порыва, бури символизирует народное возмущение, революционную эпоху. Вся картина в целом приобретает величественный и суровый характер.

Рисуя Ленина у истоков организованного движения рабочего класса, Щипачев выделяет одну из ярчайших черт в духовном облике вождя — его историческую прозорливость, умение предвидеть ход исторических событий. «Он знает, видит, в чем России сила и чем грядущее озарено», — пишет Щипачев в поэме. Революционное научное предвидение Ленина — лейтмотив всего произведения. Поэтому так естественно введен в ленинскую тему рассказ о судьбе лирического героя поэмы, о его жизненных путях, озаренных гением революции.

Еще я только что на свет родился,
А он уже решал судьбу мою, —

с чувством глубокой любви говорит лирический герой об Ильиче.

На примере простой крестьянской семьи, в которой родился лирический герой, Щипачев показывает близость Ленина к заботам, горестям, трудам и лишениям широчайших народных масс России. Полные драматизма строфы, посвященные семье уральского бедняка, невольно ассоциируются с некрасовским изображением «великого горя» Дарьи. Поэма «Мороз, Красный нос» Н. А. Некрасова прославляет высокие душевные качества русского народа. Она сильна своим общим жизнеутверждающим пафосом. Но поэт-реалист не мог изменить жестокой правды действительности, которая обрекала многие и многие тысячи крестьянских семей на нищету, голод, разорение. Поэтому размышления его героини Дарьи полны такого глубокого отчаянья и безнадежности.

Вдова-крестьянка в поэме Щипачева, «ослабев от горя», так же печально «гадает» о судьбе своего малолетнего сына, ей тоже «сон тревожный снится». Но на историческую арену уже выступили силы, которые, как ни «медленны самодержавья дни», свергнут ненавистный эксплуататорский строй. Щипачев, в соответствии с правдой жизни, пишет о том, что в ту «глухую ночь» в России родиться «не страшно даже сиротой», что Ленин, работая над созданием революционной теории, помнил и о горе этой осиротевшей семьи.

Ленин автором поэмы изображен не только как историческое лицо, как человек, чья неутомимая деятельность по организации и укреплению партии рабочего класса обеспечила победу трудового народа в октябре 1917 года. Поэт показывает Ильича и в повседневной жизни, в его общении с народом, с детьми.

Вторая главка поэмы начинается с описания зимнего морозного утра в селе Шушенском. Вместе с деревенскими ребятами Ленин вышел расчищать каток:

Кто ж из мальчишек первым быть не хочет,
Когда, заиндевелый до бровей,
Он с ними сам, как маленький, хохочет,
И снег с лопат летит еще живей.

В основу картины положены воспоминания колхозника села Шушенского Попкова Николая Ивановича о жизни Владимира Ильича в шушенской ссылке.

Щипачев, выбрав в воспоминаниях Попкова именно этот эпизод — сооружение катка на реке Шуше, — раскрывает любовь Ленина к детям, чувство радостного доверия, которое всегда испытывали дети, встречаясь с Ильичем, жизнерадостность Владимира Ильича, его «большое, крепкое душевное здоровье» (М. Горький). Живая реалистическая сценка позволила Щипачеву неизмеримо расширить рамки повествования.

Поэт думает не только о деревенских мальчиках, которые свои следы «вплетают» в ленинский след, дышат одним с Лениным морозным воздухом, он думает о всех тех, кто беззаветно последует за Ильичем, кто станет строителем и защитником советской власти. Кратко, но выразительно показана им фаланга ленинцев, лучших представителей трудового народа, будущих «буденновских конников лихих», «чапаевцев», от имени которых и выступает поэт в своем произведении. Вот в чайной у купца «десятилетний мальчик Чапаев», вот маленький воспитанник уржумского приюта Костриков Сережа — будущий трибун революции Сергей Миронович Киров, вот сотни и тысячи ребят, которых на Руси, «как травинки в поле».

Их жизнь еще «слепая», — пишет поэт, — ленинские идеи не осветили еще их жизненный и трудовой путь, но

В них светится мечта твоя, Россия,
В них молодость твоя, рабочий класс.

Третья глава поэмы посвящена действительности военного времени. В «святой тишине» музея, среди предметов, некогда окружавших Владимира Ильича, лирический герой поэмы отчетливо слышит «грохот битвы». «Святая тишина» музея не для «молитв» — идет грандиозная битва за осуществление ленинских заветов и идеалов, идет «бой не ради славы, ради жизни на земле» (А. Твардовский). Тишина музея необходима для воинской присяги на верность ленинским заветам и идеалам.

Лирическая взволнованность поэта переходит в торжественность, в особую пафосную приподнятость всего строя поэмы. Подчеркнуто книжные слова «осеняет», «простерта», «благоговейно» создают высокий языковой строй, который более всего соответствует душевному состоянию лирического героя¹.

Душевная приподнятость лирического героя заставляет его видеть на каждом предмете, находящемся в комнатах музея, печать вечности, печать бессмертия: даже обыкновенные стенные часы с циферблатом, «заспанным на вид», измерили секундами не сутки, а «годы войн и революций сроки».

В комнатах музея, как отзвук продуманного и пережитого, вновь припомнилось ему «вихрастое, босое детство» и тот исторический перелом в жизни его родного народа, в его собственной жизни, когда в «день великий Октября» не «двор», а всю страну, с ее полями и реками, горами и морями, он получил в «наследство», когда «честь и славу своего народа» он принял, как сын, под красными знаменами революции.

Прямое обращение к истории советского государства, ясное понимание величия октябрьских завоеваний, раскрепостивших человеческую личность и поднявших ее к свету и свободе, придают поэме Щипачева «Домик в Шушенском» непреходящее патриотическое звучание.

3

Поэма Щипачева — своеобразное явление в советской поэзии. Она чрезвычайно кратка — в ней не более двухсот строк, но она богата мыслями и чувствами, ярка по отчетливости и зримости разнообразных поэтических картин, широка по охвату жизненного и исторического материала.

---

¹ Следует заметить, что в ранней редакции поэмы заключительные строфы были чересчур утяжелены архаизмами: «вдохновенный лик», «скрижали». Перерабатывая поэму, Щипачев снял эти обветшалые выражения, сохранив только те, которые понятны простому читателю, свойственны и книжной лексике и обычному разговорному языку.

Следует со всею ясностью подчеркнуть, что перед нами именно *лирическая поэма* со всеми характерными для этого жанра свойствами и особенностями.

Понятие «лирическая поэма» в общелитературном обиходе за последнее время получило довольно узкое толкование. Достаточно бывает написать поэту длинное, в тысячу или больше строк, стихотворение от авторского «я», чтобы произведение стало именоваться «лирической *поэмой*», хотя содержание такой «поэмы» никак не позволяет причислить ее к произведениям эпического плана.

Охотно и часто выявляя в поэме лирическое начало, мы тем самым невольно отодвигаем на задний план эпический элемент, забываем, что в основании лирической поэмы должно лежать прежде всего событие, которое, по словам Белинского, слито с нравственным и политическим существованием народа, в котором принял участие весь народ и которое имело сильное влияние на судьбы народа. Именно потому, что в основе поэм Байрона и Пушкина лежали обобщающие события, что им присуща удивительная широта и объемность жизненного материала и, одновременно, явственно ощутим лирический элемент, Белинский называл их *лирическими поэмами*.

С течением времени понятие «лирическая поэма» несколько изменилось. Теперь мы говорим о лирической поэме как о произведении, написанном от первого лица, или как о произведении, в котором личность поэта выявляется наиболее полно и отчетливо.

Противоречит ли требование эпохиальности, историзма содержания лирической поэмы самой специфике лиризма? Означает ли оно какое-нибудь ущемление прав лирического поэта? Конечно, нет. «...Лиризм, — писал Белинский, — существуя сам по себе, как отдельный род поэзии, входит во все другие, как стихия, живет их, как огонь Прометеев живет все создания Зевеса»¹.

В лирической поэме лиризмом пронизано, «ожив-

---

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V. М., Изд-во Академии наук СССР, 1954, стр. 14.

лено» не только содержание, но и форма повествования. Повествование в ней ведется от первого лица, от лица человека, который в поэме является активно действующим героем. Но для того, чтобы лирическая поэма была действительно поэмой — эпическим произведением, ей необходима эпическая широта, «событийность», а в лучших, классических образцах и «энциклопедичность» содержания. Пропуская сквозь призму собственного восприятия исторически конкретное богатство объективного мира, поэт создает произведение, в котором перед глазами читателя разворачивается и жизнь человека — лирического героя — и жизнь его родного народа в неразрывном и сознательно подчеркнутым единстве.

Лирический поэт в своем жизненном опыте, в своей биографии видит часть опыта и биографии многих тысяч современников. Он говорит о себе, о решающих событиях своей жизни, потому что они типично отражают исторические сдвиги в жизни его народа. В этом плане поэма Щипачева «Домик в Шушенском» представляет особый интерес.

Через судьбу конкретной человеческой личности, через судьбу лирического героя поэмы, одного из тех «шушенских, костромских» ребят, которые стали строителями первого в мире социалистического государства, Щипачев показывает исторические сдвиги, происшедшие в жизни русского народа. Личное и общественное, конкретное и типическое слилось в качественно новом синтезе. Поэтому-то в поэме так естествен переход от поэтических картин, изображающих В. И. Ленина в избе шушенского крестьянина, к размышлениям лирического героя о своей личной судьбе, о судьбах всего поколения, от рассказа о формирующихся революционных силах русского пролетариата к изображению Ленина в обыденной обстановке, к показу его как самого «человечного человека».

Щипачев настойчиво искал это сосредоточие многих исторических и жизненных линий в одном конкретном эпизоде собственной биографии. Он стремился найти свой угол зрения на события, сопутствующие Октябрьской революции, объясняющие стойкость нашего

народа в ожесточенной схватке с германским фашизмом.

Творческая история поэмы «Домик в Шушенском» убедительно показывает и направление этих поисков и целеустремленность поэта, годами вынашивающего свой замысел.

Мысль написать лирическое произведение о Ленине, непосредственно связанное с личной биографией, индивидуальным жизненным опытом, возникла у Щипачева еще до войны. Тогда же была найдена и та отправная точка, которая увязывала всю тему воедино. Такой отправной точкой для Щипачева послужил факт окончания В. И. Лениным работы «Развитие капитализма в России» в том самом, 1899, году, в котором родился поэт.

В своем труде Владимир Ильич приводит статистические данные и указывает на невиданное обнищание и разорение деревенской бедноты, на бедственное положение «однолошадных» крестьян, большая часть которых представляла «класс наемных рабочих с наделом», «сельских пролетариев».

Семья Щипачева была именно такой семьей. Поэтому и возникло в поэте глубокое чувство, которое впоследствии получило образное выражение в поэме «Домик в Шушенском»: Ленин, создавая свою книгу,

Учел и тот однолошадный двор
С косым плетнем, засыпанным метелью,
Где позапрошлую неделю
Осталась без отца семья,
Где в эту ночь родился я.

Но для того, чтобы замысел получил окончательное художественное оформление, поэту не хватало знания многих деталей и, в первую очередь, обстановки, в которой жил и трудился в те годы В. И. Ленин. Только в 1943 году, когда Щипачев побывал в Шушенском доме-музее В. И. Ленина, он вернулся к своему замыслу. Посещение домика-музея, изучение архивных материалов, беседы с колхозниками села Шушенского, помнившими Владимира Ильича или слышавшими о нем рассказы от своих отцов и матерей, оставили в поэте

неизгладимое впечатление. Однако до мая 1944 года, чувствуя большую ответственность перед темой, сознавая трудность задачи, Щипачев не решался взяться за создание поэмы. Он продолжал собирать и изучать дополнительный историко-литературный материал: работы и письма В. И. Ленина, относящиеся к тому периоду, сборники статей и воспоминаний о минусинской ссылке, о жизни политических ссыльных и т. д.

Только когда необходимый материал был собран, Щипачев, изложив в прозаической форме сюжет поэмы и набросав основные образы, возникшие в связи с ее замыслом, приступил к написанию поэмы.

В июле 1944 года поэма была закончена. Под заглавием «Здесь Ленин жил...» она была опубликована в «Правде» в канун годовщины Великой Октябрьской революции, 4 ноября 1944 года.

Поэма получила широкий отклик среди читателей. В целом ряде рецензий отмечались ее высокие идейно-художественные достоинства. Она была переведена на многие языки народов СССР, а в послевоенный период вышла отдельными изданиями в Чехословакии, Румынии, Албании, Польше и других странах народной демократии.

4

Полно и свободно проявилось в поэме мастерство Щипачева-поэта, владеющего секретом подлинно афористической стихотворной речи. К «Домику в Шушенском» с полным правом можно применить известное изречение: здесь словам тесно, а мыслям просторно. Почти каждая строчка в поэме — емкая поэтическая формула:

...Пускай еще не высохли чернила,
Словам уже бессмертье дано...

Сквозь вьюги девятнадцатого века,
Двадцатый век, он разглядел тебя...

И пушки, те, что будут на «Авроре»,
Еще железною рудой лежат в горе...

Идет по кругу стрелка часовая,
И по орбите шар земной летит...

Не сразу добился Щипачев лаконичности стиля поэмы. Местами он был вынужден вычеркнуть из окончательного текста произведения отдельные строфы только потому, что они ненужно детализировали то, что должно было иметь более общие очертания. Начало поэмы «Домик в Шушенском», опубликованной в журнале «Красноармеец» (1944, № 16), было более пространным, чем в последующих редакциях.

После первой строфы «Опять погода завернула круто» следовали две другие:

Вторые сутки вьюга завывает,
Дымится и клубится до небес.
Сибиряки «погодой» называют
Ее, обычную для этих мест.

О ней, беснующейся, темной,
Потрясшей деревянное жилье,
Лишь потому когда-нибудь и вспомнят,
Что слышит Ленин в эту ночь ее.

Далее следовал тот текст поэмы, который известен широкому кругу читателей. Приведенные строфы делали все вступление к поэме громоздким, растянутым, настраивали читателя на долгое повествование, что никак не входило в задачи автора. Он был вынужден их исключить.

Продолжал Щипачев работу над текстом поэмы и после опубликования ее в «Правде». Аморфную строчку: «Прозрачность! Белизна какая!» Щипачев оживляет, делает более энергичной: «Какое утро! Белизна какая!» Распространенный образ: «Здесь бури века мне еще слышнее» он заменяет другим, точнее передающим его мысль:

...В этой тишине
Еще слышнее грохот битвы,
И поступь времени еще слышней.

Мы обратили внимание на афористичность поэмы «Домик в Шушенском». Но не менее характерным для нее является и обилие развернутых образов — метафор. Реалистически точно изображает Щипачев «невзрачный домик», затерявшийся в снеговых просторах Сибири — место ссылки В. И. Ленина: «заполночь»,

свеча «чуть-чуть колеблет тени», склонившись над рукописью, пишет, «строчки торопя», ссыльный марксист Ульянов. В сильные морозы на стекла лег «разлапый» узор, который явственно напоминает рельефную карту: «...тут вся география Сибири — от океана до Уральских гор». Это удачное сравнение позволило Щипачеву как бы одним взглядом окинуть всю Сибирь: «серебро ее равнин широких», едва различимые горные хребты и, «как рога олени, русла рек». Первоначальный образ развивается, обогащается новыми деталями, и вот уже «на столе белеют не страницы, а тот же русский снеговой простор», и мы становимся свидетелями глубокой жизненной драмы, разыгравшейся в семье уральского крестьянина.

Читатель вместе с поэтом видит перед собою всю Россию, над которой пролетают «вьюги девятнадцатого века», видит так же, как видел ее Ленин, работая над своим гениальным произведением.

«Пространственность» образов «Домика в Шушенском» тесно взаимосвязана с конкретностью отдельных штрихов и даже отдельных эпитетов. Так, например, всего одна-две строчки отведены в поэме описанию городов самодержавной России, в которых протекала революционная деятельность Ленина и его соратников. Но как живо передан внешний облик старых дореволюционных городов при помощи точно найденных определений: «*крутые* переулочки Казани», «*библиотеки старые* Москвы», «*серая* вода Невы», «*глиняные* улочки Тифлиса».

«Выверенность» каждого слова является одним из неоспоримых художественных достоинств поэмы «Домик в Шушенском», которая по праву относится к лучшим достижениям советской поэзии.

Степан Щипачев постоянно находится в настойчивых, хотя, может быть, и неприметных на первый взгляд творческих поисках. «Домик в Шушенском» показал, что обдуманый и пережитый материал подчас

трудно вместить в формы короткого лирического стиха, как бы ни были значительны удачи поэта в этой области. С годами жизненного материала накапливается все больше, все разностороннее литературный опыт художника, все яснее сознание, что ему, по-человечески умудренному жизнью, необходимо еще многим поделиться со своим читателем, найти новые формы общения с ним, расширить сферу творческой деятельности. Вот почему в послевоенный период Щипачев вновь обращается к эпическому жанру. Он пишет небольшие поэмы для юношества: «В добрый путь!» и «Павлик Морозов».

Если и раньше, в своих лирических раздумьях, Щипачев охотно и часто вел задушевные беседы с молодым «другом-читателем», то теперь, в новых поэмах, он еще непосредственнее, еще прямее обратился к юным, идущим нам на смену поколениям.

В самое последнее время, реализуя внутреннюю творческую установку на более широкое и разностороннее общение с молодежью, Щипачев написал автобиографическую повесть о детстве «Березовый сок». Не считая рассказа «Первый день», опубликованного в начале тридцатых годов, — это его первое крупное прозаическое произведение.

Все эти факты — стремление к большей, чем раньше, широте использования литературных жанров, пристальное внимание к темам, волнующим наше юношество, — убедительно говорят о том, что Щипачев непрерывно ищет, не успокаиваясь на достигнутом.

Поэма Щипачева «В добрый путь», написанная в июне — октябре 1947 года, и по идейному замыслу и по тематике примыкает к сборнику его стихотворений «Славен труд». Свое произведение поэт посвятил вопросу, который горячо волнует юношей и девушек нашей страны, — выбору профессии, определению своего призвания.

В социалистическом обществе, где труд является и правом и обязанностью каждого гражданина, где созданы исключительные условия для расцвета всех способностей и талантов трудящихся, выбор профессии имеет первостепенное значение. Определение своего на-

стоящего призвания играет важнейшую роль не только в личном, но и в общественном отношении, ибо труд по призванию — это труд вдохновенный, творческий, труд, в котором человек черпает радость и удовлетворение.

Целый «мир профессий» открывается перед мысленным взором героя поэмы — юноши Андрея, который готовится к вступлению в самостоятельную жизнь: он видит романтику труда геологоразведчика, учителя, агронома, астронома, плановика, молотобойца, физика.

До чего же интересно
Все изведать самому! —

воскликает Андрей, захваченный то поэзией кочевой жизни разведчиков земных недр, то красотой трудового подвига колхозного агронома. Живое и нетерпеливое желание во что бы то ни стало все изведать, все попробовать самому, свойственное нашему юношеству, верно передано в поэме «В добрый путь».

Совершая вместе со своим героем путешествие в «мир профессий», Щипачев стремится особо выделить мысль, что в любом, даже самом «незаметном труде», каким является, например, труд плановика, есть своя романтическая приподнятость, что любой труд в нашем советском обществе может быть овеян «чистотой коммунистических вершин».

В поэтизации мастерства, радости творческого деяния и заключен пафос произведения Щипачева.

Привлекают в нем свойственные поэту лаконичность, четкость и образность языка. В ряде случаев Щипачев достигает убедительной емкости поэтической строки. Так, например, говоря о благородной профессии агронома, он утверждал: «без него до многого прихода не смогла б додуматься сама».

Верность общего замысла поэмы и все ее достоинства, однако, не должны заслонить явной отвлеченности образа главного героя Андрея. Юноша Андрей присутствует в поэме скорее как выразитель идей и чувств самого автора, чем как самостоятельный человеческий характер. Его духовный облик не конкретизи-

рован, дан в статичном состоянии: Андрей присутствует в поэме, но не действует; наблюдает, вспоминает, фантазирует, но не проявляет активного отношения к действительности.

Может быть, Щипачев и не ставил перед собой задачи создать образ нашего юного современника? Нет, этого сказать нельзя. В поэме заметна попытка как-то оживить Андрея, сделать его полнокровным художественным образом. Читатель узнает, например, многие детали биографии Андрея: дружба со старшим братом, учеба в школе и т. д. Но все же до конца эту творческую задачу поэт так и не выполнил. Он сделал «заявку» на образ, наметил некоторые его черты — и только.

Вот почему в творческом развитии Щипачева поэма «В добрый путь!» интересна прежде всего как первый подступ к юношеской тематике, как поиск путей к созданию образа юного патриота, наследника социалистических завоеваний народа, продолжателя дела коммунистического строительства в нашей стране.

Опираясь на приобретенный опыт, Щипачев гораздо успешнее выполняет эту задачу в поэме «Павлик Морозов».

6

Успех поэмы для юношества «Павлик Морозов» определен прежде всего созданием в ней жизненно достоверного образа главного героя. Образ Павлика Морозова, правдиво показанный на фоне конкретной исторической обстановки, и снискал произведению Щипачева заслуженную популярность среди молодых читателей нашей страны.

События, которые произошли в далеком Зауралье, в селе Герасимовка, в начале тридцатых годов и которые, как в капле воды, отражали коренную ломку старого экономического уклада в деревне в связи с переходом ее на социалистические рельсы, послужили сюжетной канвой этого произведения.

В поэме «Павлик Морозов», как и в «Домике в Шушенском», ясно проявляется характернейшая особенность лирического дарования Щипачева — умение

передать самую атмосферу, «дух» исторической обстановки. Историзм поэмы ощутим не только в главе «Хлебный обоз», в которой дано обобщенное изображение классово-борьбы в деревне в период сплошной коллективизации, он характерен для поэмы в целом, пронизывает лучшие главы и способствует более полной обрисовке образа ее основного героя.

Имя Павла Морозова, его короткая, но яркая и удивительная жизнь овеяны всенародной славой. И, приступая к работе над произведением, Щипачев поставил перед собой основную творческую задачу — воссоздать моральный и духовный облик герасимовского пионера во всей конкретности и отчетливости его переживаний. Поэту пришлось собрать и кропотливо изучить документы, касающиеся жизни Павлика Морозова, побывать у его матери, использовать личные впечатления и воспоминания об уральской стороне.

Создавая типический характер юного патриота, одного из лучших представителей героического поколения советских людей, Щипачев стремился к многостороннему раскрытию его образа. В различных главах поэмы изображаются разные стороны жизни и характера Павлика. Мы видим «вожака и любимца» ребят за чтением книг Горького, на общем собрании герасимовских крестьян, в поле, на выездной сессии суда, у пионерского костра. Выразительно, например, показано чувство человеческого достоинства, присущее Павлику Морозову, в его встрече с Никитой Роговым, ребяческая непосредственность, «обыкновенность» — в веселой игре в снежки (глава «Собрание в Герасимовке»), целеустремленность — в преодолении личной трагедии и выборе правильного пути для разоблачения отца.

Слова А. М. Горького о Павлике Морозове: мальчик «понял, что человек, родной по крови, вполне может быть врагом по духу и что такого человека — нельзя щадить»¹ обоснованы в поэме последовательным развитием образа пионера. Щипачев не преуменьшает личное горе Павлика, который мечтал видеть в

---

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 27. М., Гослитиздат. 1953, стр. 115.

отце не только родного, близкого человека, но и пример мужества, человеческого достоинства, моральной чистоты. Правдиво описывает поэт чувства своего героя:

Много обид он помнит,
Но было обидней всего,
Когда при матери дома
Отец кричал на него:
— Уйди, коммунист, зараза! —
За галстук хватал на груди: —
На этом ошейнике красном
Вздернут еще, погоди!

. . . . .
А Павлик хотел бы с ним рядом
Шагать, посветлев лицом,
Хотел бы перед отрядом
Гордиться своим отцом...

Личное горе мальчика тем тяжелее, что старый, косный, единоличный уклад в его семье еще не разрушен. Павлик Морозов, став в семье «большаком», вынужден шагать по «единоличной полоске за вертявым плужком». Каждый штрих в главе «Мать и отец», в которой рассказывается о полевых работах подростка, — от скудного крестьянского завтрака до «понурого Гнедухи» — говорит о невозможности жить по-старому.

«Вертявый плужок», «единоличная полоска», «понурий Гнедуха» — выразительные черты отходящей в прошлое частнособственнической деревни, против которой всеми силами души восстал юный герой. Глава заканчивается строфами о Паше Ангелиной, передовой женщине-трактористке, о степных колхозных просторах, которые «пахнули» на Павлика со случайного клочка газеты. Мысль о том, что «по всей стране колхозы», вселяют в сердце пионера уверенность: «кулаков проклятых» колхозное крестьянство «вытурит за порог».

Среди других образов поэмы следует отметить мать Павлика — Татьяну Морозову. Ее личная жизнь сложилась трудно и безрадостно. «Замужества горькие годы тенью легли у глаз», — пишет поэт об этой скромной и простой крестьянской женщине. Но она не

утратила душевной мягкости и чистоты, веры в новую жизнь, ярким олицетворением которой был ее подрастающий сын.

Батрачке Наталье, охотнику Егору, сверстникам и друзьям Павлика Морозова, бегло выведенным в поэме, противостоит местное кулачество в лице Петра и Абросима Кулукановых, Данилки Титова, Никиты Рогова.

Особенно резко изображен бывший волостной старшина Никита Рогов. Это опасный и жестокий враг, притаившийся, ушедший в глухое подполье.

В немногих строках в поэме раскрывается сущность герасимовского кулака. И внешняя смиренность и набожность Рогова — всего лишь личина: в избе у Рогова «угодников лики темны, как его душа», не случайно припрятан им за икону и «в зазубринах финский нож». Павлик мужественно помогает органам советской власти разоблачить преступную деятельность этого предводителя «непойманных бандитов».

Удачно в поэме передан крестьянский говор, с характерными для него словечками «приспичило», «полуночник», «сурьезное дело». Эти слова убедительно создают «местный» колорит. Превосходны пейзажи суровой уральской природы: зимой «по-медвежьи в сугробах ворочается тайга», «не осень — лиса золотая леса опалила вокруг».

К сожалению, подмена художественного поэтического изображения некоторых важнейших событий не очень выразительным авторским пересказом снижает достоинства ряда глав этого произведения. Например, в главе «Суд» — одной из центральных в поэме — сухо и назидательно описывается вина Трофима Морозова, отца Павлика, перед народом.

Знакомым и незнакомым
Он ложные справки давал...

* * * * *
И, может быть, кулаки,
Со справками от сельсовета,
Изъездив Россию, где-то
Калечат в цехах станки.
По справкам они — бедняки,

Очевидно, что строки эти написаны ниже творческих возможностей поэта: в них нет той внутренней энергии, которая держит стих. Общими словами говорится в поэме и о большом воздействии, которое оказала на мальчика речь сельского коммуниста:

Многое —
То, что Зимин говорил, —
Павлик
Дословно бы повторил.

И через несколько строк:

Многое в жизни яснее
Павлику стало тогда.

Слово «многое» не способно передать сложнейшей гаммы переживаний, разнообразия мыслей, которые породила пламенная речь секретаря райкома Зимина в деревенском пионере, страстно тянувшемся к новой жизни. образу Зимина поэт придает исключительное значение в формировании коммунистического характера Павла Морозова. Зимин не только пример партийной непримиримости и честности, он — идейный руководитель Павлика, его старший товарищ по общему делу. Тем важнее было сделать его образ жизненно убедительным, красочным, полнокровным. Однако с Зиминим этого не произошло.

Из поэмы читатель узнает, что секретарь райкома широкоплеч, что он одет в «райкомовскую, дорожную шубу» или в кожаную тужурку, что ночью, «выслушав Павлика молча, Зимин потемнел лицом». Но и эти, казалось бы, конкретные детали не воссоздают живой человеческий образ. Читатель не ощущает ни характера Зимина, ни его личных привычек, ни наклонностей. Образ лишен живой плоти, естества.

Указанные недостатки поэмы «Павлик Морозов» — существенны. Но было бы неправильно не видеть за ними известных художественных достоинств этого произведения и его идейно-воспитательной роли. Поэма завоевала признание не только юных читателей нашей страны, но и молодежи стран народной демократии, где

она переведена и вышла отдельными изданиями. Юноши многих стран полюбили мужественный образ Павлика Морозова, созданный поэтом. Их волнует произведение Щипачева, воспевающее героическую жизнь юного ленинца, являющееся призывом к молодым поколениям быть готовыми к подвигу во имя любви к народу.

Убит пионер. Но бывает
Бессильна смерть на земле.

«Бессильна!» — еще раз повторяет поэт в следующей строке, вкладывая в эти слова «Эпилога» всю свою страсть, весь свой жизнеутверждающий пафос, веру в родной народ и его великое дело.

7

Своеобразное место в творчестве Щипачева занимает его последнее произведение — повесть «Березовый сок»¹. Повесть интересна не только как образец сжатой, четкой, поэтической прозы, но и как убедительное свидетельство самобытного таланта Щипачева-художника.

К далекому прошлому уральской деревни возвращает нас повесть.

Через описание истории крестьянского мальчика Степанко — главного героя повести, — через его восприятие освещается в повести ограбление кулачеством миллионов маломощных крестьян, «механика» наемного, батрацкого труда в кулацких хозяйствах.

Основные события, изображенные в повести, протекают в период столыпинской реакции, которая наступила после поражения революции 1905 — 1907 годов. Период этот характеризуется усиленной капитализацией русской деревни. Расслоение крестьянства, массовое разорение и обнищание его беднейших слоев, укрепление класса кулачества — прямое следствие столыпинской земельной реформы.

¹ «Новый мир», 1956, № 1, стр. 33—80.

Повесть построена на историческом материале: в ней достоверны не только события, но и имена и фамилии действующих лиц, описания местности, изображение крестьянского быта и нравов. И, как бы ни была далека эпоха, описываемая Щипачевым, всем своим строем, всем своим пафосом повесть утверждает нашу советскую действительность, дает возможность увидеть тот разительный контраст, который существует между положением дореволюционного крестьянства и жизнью новой колхозной деревни.

Произведение Щипачева сурово реалистично. В нем нет никакой идеализации «доброе старое время». Писатель показывает не только подлинную поэтичность детства, каждодневное обогащение души ребенка новыми впечатлениями и знаниями, то чудесное «открытие мира», которое каждый переживает в пору раннего детства, он показывает и картины «свинцовых мерзостей прошлого», темноту и невежество близких людей — своих односельчан, бесправное положение батрачества.

В послевоенные годы в нашей литературе появился целый ряд произведений, посвященных той же тематике, повествующих о детстве крестьянского мальчика и одновременно отображающих глубокие процессы, которые происходили в среде крестьянства накануне Октябрьской революции. Среди них прежде всего следует назвать «Повесть о детстве» и «Лихую годину» Ф. Гладкова и «Открытие мира» В. Смирнова, привлечшие внимание читательской общественности правдивостью и высокой художественностью решения темы.

«Березовый сок» родственен этим книгам реалистичностью изображения прошлого русского крестьянства, вниманием к внутренней жизни ребенка, тонкостью психологических наблюдений. Написанная в своеобразной, лаконичной, столь характерной для Щипачева-поэта манере, она передает искреннюю веру писателя в творческие силы народа, пронизана уважением к трудящемуся человеку, согрета любовью к родной природе.

От первых «проблесков памяти», отдельных запомнившихся эпизодов, Щипачев постепенно развертывает все более полную и отчетливую картину духовной

жизни своего героя. Мальчик Степанко приобретает стойкие черты характера, вырабатывает собственные убеждения, растет и формируется на наших глазах. Это богатство внутреннего мира героя и заставляет нас напряженно следить за всеми перипетиями его биографии. Вместе с ним читатель «открывает» неизведанные стороны окружающей действительности.

Художник умело передает психологию ребенка. Он нигде не нарушает своеобразия детского видения мира. После смерти отца Степанко вместе с бабушкой должен «идти по миру». Мальчик не понимает всей униженности, всей тяжести их положения, поэтому, проходя мимо соседки, он хвастается «новой» нищенской котомкой, сшитой из пестрядинной рубахи. И в этой доверчивости и детской непосредственности весь Степанко, не знающий еще, что такое человеческое горе и несчастье. Но чем дальше, тем шире раскрывается его жизненный горизонт.

Поэтическое общение с природой, игры со своими сверстниками, первые уроки в деревенской школе, любовь к поэзии, к стихам, которые удавалось слышать на уроках, — все это скрашивает его жизнь и доставляет искреннюю радость. Но в жизни родной деревни было немало тяжелого, мутного, содрогавшего душу ребенка. Особенно гнетущее впечатление оставляют в Степанке частые деревенские драки, бессмысленная жестокость односельчан. Глава «Один на один», рассказывающая о кровавой стычке между деревенским силачом Заложновым, задирой и любителем гульнуть, и скромным мужиком Митрием Степановичем, заступившимся за своего сына, насыщена подлинным драматизмом, ощущением непоправимого несчастья.

Образы товарищей Степанки по детским играм, по школе меньше удались Щипачеву, чем образы взрослых: матери, брата Павла, соседа Балая, Матвея Казанцева и других. Гришка, Санко, быстроглазый парнишка Серега проходят по страницам произведения, не останавливая нашего внимания, не запоминаясь нам. В обрисовке же взрослых есть и четкость характеристик и умение одним-двумя штрихами воссоздать живой облик человека. Так, например, всего несколько

строк посвящает Щипачев дедушке Алексею, прозванному «Алешей Голеньким» за то, что «он никогда не носил шапки, даже в мороз, и лысина его блестела, как месяц», но в этих строках хорошо передана мудрость старика, его глубокая любовь к родным местам, поэтический, песенный склад его речи. Вот он беседует со Степанком и его приятелем: «Бежит речка, моет камешки. Каждую песчинку на дне видать... С братцем Савелием, царство ему небесное, с твоим дедушкой, — кивнул он мне, — маленькими-то без штанов тут все бегали, каждый ключик знали не хуже вас, пострелов... Сколько годов с тех пор пролетело, а речка бежит себе... И тыща годов пройдет — будет бежать да крутые бережки подмывать. Силу-то ей мать сыра-земля дает, из самой глубь студеные ключи высылает. Вот и я прихожу сюда, люблюя ея, тут и смертушки не так боязно...»

Совсем иной тип деревенского старожила создает Щипачев в образе охотника Балая. Опутанные суевериями и предрассудками крестьяне приписывают Балаю колдовскую силу. Однажды ребятам довелось побывать в его избе. Ничего колдовского, конечно, не обнаружили. «Отец его (имеется в виду отец приятеля — Балай. — *В. Д.*) оказался совсем не страшным, а таким же, как Тимка, выдумщиком и говоруном», — замечает Степанко и больше не верит деревенским слухам.

Особенно тщательно рисует художник образ Матвея Казанцева, зажиточного мужика из села Филатова. Грубоватой ласковостью, простодушным отношением он завоевывает расположение мальчика, отданного ему в «строк», в работники. Своего борноволока — так звали в деревне подростков, работающих на пашне, — он величает не иначе, как «помощничек», «орел». Степанко, впервые попавший в чужую семью, не различает за этим внешне человеческим отношением к себе хозяйской «хватки» Казанцева. Он охотно выполняет грубую и тяжелую крестьянскую работу, старается проявить усердие и ловкость. Раскрывает глаза ему на то, что все хозяева — «один черт», подросток Фомка, уже пятый год батрачивший в чужих деревнях.

«Заговаривать зубы твой хозяин, видать, мастер, добрячком прикидывается, — говорит он Степанку после того, как однажды хозяева потехи ради заставили их бороться, — а борноволока заставляет мешанину коням замешивать, как большого парня». Но Степанко не поверил своему старшему товарищу. «Это он осерчал на Матвея, когда мы боролись, потому так и говорит о нем», — думает мальчуган, расставшись с Фомкой. Этот психологически тонкий штрих показывает не только детскую наивность Степанко — во время борьбы он повалил Фомку, — но и его доверчивость к людям, отзывчивость на каждое доброе и ласковое слово, которое не часто приходилось слышать ему. И только когда они с хозяином выехали в поле, мальчик убедился, что действительно все хозяева — «один черт». Присмотрев огрехи, Матвей грубо обругал своего батрака: «Боронить не умеешь! Думаешь, в рабочих жить — только шаньги есть?» — кричит он на все поле. И, хотя, укладывая спать обессиленного мальчугана, он попрежнему обращается к нему с шуточками и прибаутками, в мальчике растет чувство обиды: «Хорошо тебе... выпался днем-то», — думает он о своем хозяине.

Горько и правдиво рассказывается в повести о трудной жизни Степанко «в людях»: хозяин не дал ему никакой обуви и запретил во время бороньбы ездить на лошади. «На пашне то и дело попадались твердые большие комья, и как я ни старался ступать осторожно, часто так ударялся о них болячками, что, тут же остановив Гнедка, садился на пашню и корчился от боли, обхватив руками ушибленную ногу, измазанную гноем и землей».

Мир частнособственнических отношений, лишаящий Степанка детства, обрекающий его на изнурительный труд за кусок хозяйского хлеба, выступает здесь во всей наготе и откровенности. Щипачев показывает, что патриархальные обычаи не могли прикрыть глубокого социального неравенства в деревне, беззастенчивой эксплуатации кулачеством малоимущих крестьян и членов их семей. «Пахотные мужики» в самое горячее время уборки заставляют старшего брата — Павла

отрабатывать старые долги. Постоянные нехватки, боязнь потерять свой «пай» в отцовском хозяйстве порождают ссоры в семье отчима, куда попадает Степанко после возвращения из Филатова.

Нужда гонит его, как и других деревенских бедняков, на прииски. Описание асбестовых приисков относится к лучшим страницам повести. Удачно передана художником атмосфера новизны, необычайности работы и всей обстановки на приисках. По сравнению с привычным деревенским укладом многое здесь герою повести приходится узнавать впервые.

С удивлением, например, рассматривает он каменную породу: в деревне прииски обычно называли «куделькой», поэтому мальчик решил, что руда, должно быть, похожа на льняную пряжу. Велико его изумление, когда в забое он увидел груды тяжелой и твердой породы, походившей на обломки зеленоватых плиток, а не на ту кудельку, какой она представлялась ему в деревне. «Но я отломил, — рассказывает Степанко, — от одной такой плитки небольшой кусочек, растеребил его пальцами, и в руках у меня на самом деле оказались мягкие пушистые волокна».

Жизнь на приисках была не менее тяжелой и трудной, чем в деревне. Во временных, наскоро построенных бараках спали вповалку взрослые и дети, холостые парни и мужья с женами. Не лучше жилось и постоянным рабочим. Когда Степанко со своими земляками впервые подошел к карьере, его заинтересовал высокий серый дом, находившийся в отдалении. Ему подумалось, что именно в этом доме живет владелец приисков. С замирающим сердцем Степанко приоткрыл дверь. Вид ужасающей нищеты поразил его: это была рабочая казарма.

Мастерство Щипачева как художника сказалось в том, что он постоянно держит нас в кругу интересов и забот своего героя. Мы видим все события и всех людей его глазами, чувствуем его сердцем. И по мере духовного роста героя повести жизнь перед нами раскрывается полнее и глубже. Впервые оказавшись в рабочем коллективе, Степанко не без труда отрешается от некоторых привычек, воспитанных в нем отсталой, тем-

ной деревней. Он не прочь посмеяться над татарскими ребятишками, обидеть их только потому, что они не русские. Постоянно держится он вначале и узкого кружка «своих» деревенских. Но работа на приисках и особенно участие в забастовке во многом изменяют его.

Забастовка не только сплотила рабочих, она показала их силу, их решимость бороться за свои права. Наблюдая радостное возбуждение Степанка при виде дружного выступления бастующих, его искреннее чувство сожаления в связи с быстрым окончанием забастовки, мы можем ясно представить, на чьей стороне баррикад будет герой повести в будущих классовых боях.

Повесть «Березовый сок» заканчивается изображением группы крестьян, возвращающихся в свою деревню. Но ни возвращение в родные места, ни рубли, заработанные на приисках, не радуют их. Стояла засуха. «В мутновато-голубом небе, почти над самой головой, пылало белое солнце. Из-под ног на дороге подымалась сухая горячая пыль. Низкие и редкие хлеба по сторонам желтели выгоревшими пятнами... Словно нерассеявшимся дымом от потушенных лесных пожаров заволкло всю округу. Трудно было разглядеть сквозь нее отдельные избы в нашей деревне, школу на горе, колокольню часовни, казенный амбар за околицей, трудно было разглядеть сквозь нее и мой завтрашний день».

И все-таки последнюю страницу повести мы закрываем с легким сердцем. Повесть имеет отчетливо оптимистическое звучание. В ней много ярких красок, поэзии. Органическое чувство родства с трудовым народом, присущее герою повести, окрыляет ее, придает ей в целом романтическую возвышенность. Уже само название «Березовый сок» напоминает о той весенней поре, когда мальчишки ходят в рощи пить сладковатый березовый сок, когда пробуждающаяся природа гармонирует с ясным, по-детски непосредственным взглядом на мир, на жизнь, на будущее. Название повести не случайно и потому, что картины родной природы занимают в ней немаловажное место. Природа, окружающая Степанка, исполнена обаяния и красоты. описы-

вая две небольшие речки, протекающие через деревню Щипачи, художник передает неповторимое своеобразие каждой из них. Калиновка — «речка-труженица», неутомимо ворочающая колеса водяных мельниц. Другая речка, Полдневка, славящаяся вкусом воды, «резвая и звонкая, бежала... с полдневной стороны, поблескивая в молодом березняке и кустарниках, кидалась из стороны в сторону, петляла, словно боялась, что кто-то может ее поймать и она не добежит до Калиновки, не встретится с ней в нашей деревне». Описания природы почти всегда даны как бы попутно, но в их поэтических красках угадывается уверенная рука большого и талантливое художника.

«День был жаркий, — рассказывает Щипачев о первом дне работы на приисках, — и тянулся очень долго.

Когда мы вернулись с работы к своему барaku, солнце стояло над землей почти так же низко, как и в тот утренний час, когда мы выходили на работу. Только тогда оно было совсем красное и не слепило глаза, а теперь все еще пылало неостывшим жаром, и дальние сосны, за которые оно заходило, стояли будто в огне.

«Вещественность» художественного слова — типичная особенность стиля Щипачева — отчетливо выступает в повести «Березовый сок». Можно привести немало примеров, когда художник при помощи слова передает «вещность» окружающего мира, владеет словом, как владеет скульптор резцом и мрамором, живописец — кистью и красками, музыкант — звуками.

Щипачев буквально лепит образ, тонко чувствуя ритмику прозаической речи.

Учительница раздала первоклассникам учебники и тетради: «Вскоре у каждого из нас *похрустывал* в руках новенький, еще неразрезанный букварь. Чистые, разлинованные в клеточку страницы тетрадей слепили белизной».

Деревенские ребяташки играют в свою любимую игру — бабки: «Когда подошла моя очередь бить, кон стоял еще не распчатый. Я прищурил левый глаз, прицелился и широким размахом руки послал панок (боевую бабку. — В. Д.) вперед. Бабки *брызнули* в разные

стороны». Эта экспрессивность, динамичность фразы характерна для всего стиля повести «Березовый сок».

Своеобразна композиция этого произведения. Стоит повесть из небольших главок, причем построение их напоминает построение некоторых лирических стихотворений Щипачева: заключительные строчки дают «ключ» к более глубокому осмыслению главки в целом и даже отдельных ее эпизодов. Так, например, в главе «Гора Воссиянская» Щипачев рассказывает о том, как мужики двух соседних деревень не могли решить вопрос: «кому откуда и докуда» ставить изгородь на поле, соединяющем обе деревни. Так и не решив спора, поставили две изгороди — одну щипачевские мужики, другую волковские.

«Когда мы с братом по дороге в Волково подъезжали к этим изгородям, я соскакивал с телеги и открывал сперва наши ворота, потом, пропустив телегу, бежал открывать другие — волковские. *Будто мы въезжали в другое государство*» (Курсив мой.— В. Д.).

Множество других, и в частности тематических, связей существует между лирикой Щипачева и его повестью «Березовый сок».

В той же главе «Гора Воссиянская» автор припоминает, как вместе с деревенскими ребятами Степанко впервые поднялся на гору: «Край неба вдруг далеко отступил, и взгляд сразу охватил все окрестные поля с пестрыми узкими полосками, зеленые леса и перелески, перегороженные поскотины, ближние и дальние деревни...» Это же чувство небывало раздвинувшихся горизонтов ранее он выразил в стихотворении «Жил мальчик в деревне» (1948).

Белела гора над чашей лесной
Своей известковою белизной,
Любил паренек взбираться на гору,
Подолгу оттуда дивиться простору.

И уже как бы со стороны, обращаясь к «темнорусому пареньку», вместе с ним припоминая его жизнь, поэт заключал:

Должно быть, тогда и влюбился ты
В мир, где есть высота Эльбруса,
Упорство труда и полет мечты.

Своеобразная переключка повести «Березовый сок» со стихами Щипачева вполне закономерна: ведь материалом для них послужила собственная биография поэта, его жизненный опыт, его наблюдения над действительностью. Радуется то, что Щипачев, «вторгаясь» в прозу, не только расширил сферу своих творческих возможностей, но и создал интересное произведение, которое, бесспорно, займет свое место в ряду талантливых книг для детей, написанных за послевоенные годы.

Творчество С. П. Щипачева пользуется заслуженной любовью советского народа. Его сборники лирических стихотворений находят живой отклик в сердцах читателей, которые ценят оптимизм и философскую углубленность поэзии Щипачева, простоту и искренность его неторопливой поэтической «беседы».

Долгие годы искал Степан Щипачев пути к сердцу читателя. Его творчество — пример неуклонного обогащения и развития основных тем и образов лирической поэзии. От «космизма», от абстрактной символики к социалистическому реализму, к произведениям, отражающим жизнь в ее конкретных проявлениях и диалектическом развитии, от аморфного, неорганизованного, во многом формалистического стиха к четкой, умной, эмоционально-насыщенной поэзии — таков путь, проделанный в поэзии не одним Щипачевым.

В поисках стиля, соответствующего эпохе, многие советские поэты «первого призыва» преодолевали ошибки и заблуждения: витиеватость поэтической речи, нарочитую насыщенность вульгаризмами, формалистическую усложненность стиховых конструкций, влияние декадентской поэтики. Их рост был медленным, формирование поэтического таланта происходило уже в зрелые годы. Но, преодолев препятствия, чинимые пролеткультовскими, рапповскими и прочими псевдотеоретиками, они глубокоую идейность, коммунистическую партийность содержания, простоту и свежесть формы сделали достоянием всей советской поэзии.

Непосредственное участие в общественной жизни

страны, теснейшее слияние с народом сыграли немаловажную роль в их творческих биографиях. Именно тесная связь Щипачева — поэта «вечных», общечеловеческих лирических тем — с повседневной советской действительностью, с трудом и жизнью советского народа определила созвучность его лирических размышлений мыслям и чувствам людей нашей героической эпохи.

Героика гражданской войны оевала первые лирические стихи поэта о труде, о любви, о дружбе. Беспримерное мужество нашего народа, проявленное в период Великой Отечественной войны, вдохновляло поэта на создание лирических стихотворений, вошедших в книги «Полдень», «Отчизна», «Строки любви»; героический труд советских людей в послевоенный период вызвал к жизни появление таких самобытных стихов, как «Мы строим коммунизм», «Моя точка зрения» и другие.

Лирическая поэзия Щипачева — поэзия мужественности, душевной собранности и стойкости чувств. Эти качества лирики Щипачева привлекают к ней внимание чуткого к новому в жизни и литературе, взыскательного советского читателя.

Со всех концов нашей родины получает поэт письма от советских людей, которые делятся с ним своими радостями и тревогами, рассказывают о своих чаяниях, посылают свои стихотворения. Молодые литераторы через нашу печать и, в частности, через «Литературную газету» обращаются к С. П. Щипачеву за советом, ищут поддержки в полемике с теми, кто все еще пытается поставить под сомнение лирическую поэзию вообще, учатся у него художественному мастерству.

Характерные для Щипачева интонации и темы можно заметить в первой книге «Третья скорость» (Л., 1946) талантливого поэта-фронтовика С. Орлова, в стихотворных сборниках «Дождь в степи» (М., 1953) В. Солоухина, «Путевые ориентиры» (Сталинабад, 1953) М. Фофановой и других. В творчестве этих поэтов нет прямых реминисценций из стихов Щипачева, но стиль, тематика, а главное лирический ключ, в котором написаны их отдельные стихотворения, чрезвычайно близки Щипачеву. Таковы, например, стихотво-

рения В. Солоухина «Потомку», «Итак, любовь, она ли не воспета», «Это было в двадцатом».

Еще непосредственнее воздействие лирики Щипачева на поэтическую молодежь, только начинающую свой путь и не определившуюся в литературе.

Большой интерес представляет оценка творчества Щипачева в зарубежной печати.

В составе делегации деятелей советской культуры и литературы С. П. Щипачев в послевоенные годы неоднократно бывал в Румынии, Польше, Венгрии, Чехословакии, Германской Демократической Республике, в странах капиталистического Запада.

Поездки деятелей советской культуры, искусства и литературы за границу являются одним из проявлений миролюбивой политики советского правительства. Они способствуют развитию добрососедских отношений между народами и укреплению дружественных связей между Советским Союзом и трудящимися различных стран мира. В составе делегаций советских писателей С. П. Щипачев был приглашен на празднование двухсотлетнего юбилея Гёте в Веймаре в 1949 году, столетнего юбилея Эминеску в Румынской Народно-Демократической Республике в 1950 году, участвовал в работе Первого съезда писателей Чехословакии и в работе Конференции писателей Чехословакии (апрель 1949 года).

Как в печати стран народной демократии, так и в прогрессивной печати капиталистических стран опубликованы многочисленные статьи о творчестве Щипачева, переводы его стихотворений.

Авторы статей о творчестве Щипачева отмечают, что в лирике поэта особенно полно выражено многообразие и разносторонность интересов советских людей, их жизнелюбие и жизнерадостность.

«Лирика Щипачева, — пишет газета «Теглихе Рундшау», выходящая в Германской Демократической Республике, — является лучшим ответом антисоветским критикам, которые обвиняют советских людей в «сухости», «узости» и «холодности чувства».

«Щипачев, — отмечает чешский критик Ян Иша, — в своем творчестве показывает нам огромное разнообразие».

разие и богатство жизни советского человека, человека социалистического общества, человека нового мышления, новых чувств и новой морали». Далее Ян Иша говорит, что поэзия Щипачева резко противостоит разлагающему «самокопанию», гамлетизму, всякой «загнивающей лирике», всевозможным «измам», порожденным декадентским искусством Запада.

Вот почему, — подчеркивает критик, — «нам нужны и близки его (Щипачева. — В. Д.) стихи, потому, что и наша пятилетка — тоже бой за нового человека, за новые отношения к жизни и к миру».

С интересными замечаниями о поэзии Щипачева высупил итальянский критик А. Рипеллино: «...Прозрачным и тонким поэтом, как по теме, так и по структурным особенностям, является Степан Щипачев. С большим формальным мастерством и проникновенностью пишет он насыщенные лирикой миниатюры... В его стихах негромко звучат любовные мотивы. Иногда в них слышится раздумье, ...которому чужды любые выкрики, любые резкие звуки».

Известный немецкий писатель-антифашист Стефан Хермлин в своем предисловии к сборнику стихотворений Щипачева на немецком языке останавливается на основных идейно-художественных достоинствах творчества Щипачева и говорит, что поэтом создана лирика, в которой своеобразно отразились «битвы, бои и все напряжение прошлых лет».

Лауреат Государственной премии польский поэт Виктор Ворошильский в статье, опубликованной в газете «Новая культура», указывает на идейное отличие поэзии Щипачева от произведений декадентских поэтов. Стихи советского поэта, «формально принадлежащие к тому же жанру, — пишет В. Ворошильский, — дышат верой в жизнь, в человеческие достоинства, в честность и чистоту чувств человека».

Широкое признание творчества С. Щипачева в нашей стране и за ее рубежами ко многому обязывает талантливого поэта-лирика. Ко многому обязывают его и верные слова, которые он высказал, обращаясь к товарищам-поэтам, и которые с полным основанием могут

быть отнесены к нему самому, к его дальнейшей творческой работе.

«Много лет спустя потомки будут с уважением вглядываться в события наших дней, в образы людей — наших современников. Надо, чтобы они с таким же уважением «ощупывали», как говорил Маяковский, то оружие, которым поэты боролись за человеческое счастье, внося свой вклад в общенародное дело строительства коммунизма».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. ПРОИЗВЕДЕНИЯ С. П. ЩИПАЧЕВА

- По курганам веков. (Стихотворения.) Симферополь. 1923. 15 стр.
- Крымская лирика. Симферополь. 1924. 16 стр.
- Война войне. Стихи. М. «Огонек». 32 стр. (Б-ка «Огонек».)
- Одна шестая. Стихи. М.—Л. ГИХЛ. 1931. 79 стр. (Новинки пролетарских писателей.)
- Наперекор границам. М. «Федерация». 1932. 55 стр.
- Стихи. Журнально-газетное объединение. 1932. 32 стр. (Б-ка «Рост».)
- Под небом родины моей. (Стихи.) М. Гослитиздат. 1937. 64 стр.
- Бермамыт. Лирическая поэма. М. «Советский писатель». 1937. 36 стр.
- Лирика. М. «Советский писатель». 1939. 72 стр.
- Лирика. М. «Правда». 1940. 48 стр. (Б-ка «Огонек».)
- Стихи. М. «Советский писатель». 1940. 88 стр.
- Родина. Стихи. М. Гослитиздат. 1941. 24 стр.
- Фронтные стихи. М. «Советский писатель». 1942. 24 стр.
- Полдень. (Стихи.) М. «Советский писатель». 1942. 120 стр.
- Отчизна. М. Гослитиздат. 1943. 40 стр.
- Избранное. М. Гослитиздат. 1944. 112 стр.
- Строки любви. М. «Советский писатель». 1945. 64 стр.
- Домик в Шушенском. Поэма. М. «Советский писатель». 1945. 20 стр. (и др. издания). Впервые: в журнале «Октябрь», 1944. № 7.
- Славен труд. Стихи. М. «Московский рабочий». 1947. 56 стр.
- Лирика. М. «Молодая гвардия». 1947. 176 стр.
- Избранное. М. «Советский писатель». 1947. 194 стр. (Б-ка избранных произведений советской литературы 1917—1947.)
- В добрый путь. Поэма. М.—Л. Детгиз. 1948. 64 стр.
- В добрый путь. Поэма и стихи. М. «Молодая гвардия». 1948.

- Стихотворения. М. Гослитиздат, 1948. 248 стр.
 Лирика. М. «Советский писатель», 1949. 140 стр.
 Павлик Морозов. Поэма. М. «Советский писатель». 1950.
 64 стр. (и др. издания).
 Стихи. М. Гослитиздат. 1950. 256 стр.
 Моя точка зрения. Стихи. М. «Правда». 1950. 32 стр.
 (Б-ка «Огонек».)
 Стихи. М. Гослитиздат. 1951. 256 стр.
 Стихи и поэмы. М. «Советский писатель». 1951. 251 стр.
 Избранное. «Молодая гвардия». 1952. 272 стр.
 Стихотворения и поэмы. М. Гослитиздат. 1954. 302 стр.
 Березовый сок. Повесть. «Новый мир». 1956. № 1.

II ЛИТЕРАТУРА О С. П. ЩИПАЧЕВЕ

Статьи

- И. Зубковский. Преодоление космизма (О творчестве С. Щипачева). «Молодая гвардия», 1932. № 5.
 Р. Бершадский. О творчестве Щипачева. «Знамя». 1934. № 4.
 Д. Данин. О философской лирике и стихах С. Щипачева. «Знамя». 1939. № 10—11.
 В. Друзин. «Лирика» С. Щипачева. «Звезда». 1939. № 10—11.
 А. Евгеньев. «Лирика» С. Щипачева. «Литературное обозрение». 1939. № 16.
 М. Матусовский. С. Щипачев. «Лирика». «Молодая гвардия». 1939. № 8.
 А. Решетов. Читая книги стихов... «Резец». 1939. № 21—22.
 А. Адалис. Лирика и воробьи. «Литературная газета». 1940 г. 20 мая.
 М. Алигер. Во весь свой голос. «Литературная газета». 1940 г. 5 июня.
 Б. Гроссман. Лирика Степана Щипачева. «Новый мир». 1940. № 10.
 М. Серебрянский. Стихи Степана Щипачева. В кн. М. Серебрянского «Литературные очерки». М. «Советский писатель», 1948.
 В. Перцов. Единство мироощущения. «Литературная газета». 1940 г. 1 сентября.
 С. Трегуб. Необоснованные восторги. «Правда». 1940 г. 23 ноября.
 А. Толстой. Степан Щипачев. Полное собрание сочинений. М. Гослитиздат, 1953. Т. 15.
 Л. Озеров. «Отчизна» С. Щипачева. «Литература и искусство». 1943 г. 24 июня.
 Н. Венгров. Лирика С. Щипачева. «Новый мир». 1944. № 1—2.
 Б. Брайнина. Лирика С. Щипачева. «Новый мир». 1945. № 10.

- Н. Жданов. Поэма об Ильиче. «Огонек». 1945. № 11.
- Л. Тимофеев. Поэма о Ленине. «Правда». 1945 г. 17 февраля.
- М. Юнович. «Строки любви». «Литературная газета». 1946 г. 12 января.
- Ю. Сергеев. С. Щипачев. «Славен труд». «Литературная газета». 1947 г. 22 ноября.
- В. Гольцев. Вдохновенная тема. «Московский большевик». 1947 г. 16 октября.
- Н. Калинин. Взыскательность поэта. «Литературная газета». 1948 г. 13 мая.
- М. Юнович. Строители и солдаты. «Знамя». 1948. № 3.
- А. Жаров. Поэзия тьмы и поэзия света. «Известия». 1948 г. 4 июля.
- В. Перцов. Степан Щипачев. Вступительная статья в кн. С. Щипачева «Лирика». М. «Советский писатель». 1949.
- И. Эренбург. Письмо поэту. «Литературная газета». 1949 г. 15 января.
- В. Важдаев. Первая книга поэта для детей. «Новый мир». 1949. № 1.
- В. Бакинский. Лирика Степана Щипачева. «Звезда». 1949. № 9.
- А. Яшин. Когда бессильна смерть на земле. «Комсомольская правда». 1950 г. 26 июля.
- А. Макаров. Трудным путем. «Литературная газета». 1950 г. 27 июля.
- А. Софронов. Стихи поэта-патриота. «Правда». 1951 г. 30 августа.
- С. Бабенышева. Поэзия, близкая народу. (В сб. «Выдающиеся произведения советской литературы 1950 года».) М. «Советский писатель». 1952.
- К. Симонов. О требовательности. «Литературная газета». 1952 г. 27 марта.
- С. Бабенышева. В своей манере. «Звезда». 1952. № 10.
- Б. Соловьев. Строки любви. В кн. Б. Соловьева «Поэзия и жизнь». М. «Советский писатель». 1955.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава первая.</i> Через годы испытаний	3
<i>Глава вторая.</i> Трудности роста	21
<i>Глава третья.</i> Доверие и откровенность	49
<i>Глава четвертая.</i> В боевом строю	84
<i>Глава пятая.</i> Современность и поэзия	119
<i>Глава шестая.</i> Многообразие таланта	132
Краткая библиография	167

---

*Дементьев
Валерий Васильевич*

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

*

Редактор А. Г. Марусич

Художник Н. А. Липин

Худож. редактор В. В. Медведев

Техн. редактор Н. Л. Греймер

Корректор Е. И. Краснюк

Сдано в набор 29/II 1956 г. Подпи-

сано к печати 25/V 1956 г. А07203.

84×108¹/₈. Печ. л. 10⁷/₈ (8,91).

Уч.-изд. л. 7,99. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 335. Цена 4 р. 50 к.

Издательство «Советский писатель»

Москва, К-104, Б. Гнезниковский

пер., 10.

Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 4б.

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу: Москва, К-104, Б. Гнезниковский пер., дом 10, издательство «Советский писатель».

